

смена

№ 20 ОКТЯБРЬ 1972

ПЯТЬДЕСЯТ ЛЕТ СССР

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА

ДОРОГА В РАБОЧИЙ КЛАСС

УЧИТЕЛЬ, ПЕРЕД ИМЕНЕМ ТВОИМ...

Из дневника писателя

Гарий НЕМЧЕНКО

Одниному коридору бесшумно пронеслась ласточка, над ступенями, и скрылась на второй этаж, взмыла и через несколько секунд спеша появилась, уже у нас за спиной, промчавшись над головами у ребятников, защебетала, снова шмыгнула в лестничный пролет.

— Выираться не может, бедняжка.

Со знакомой мне с давних пор категоричностью, когда волосу у него звучит строгость, а в карих глазах под крепкими надбровными дугами с косматыми бровями прячется еле заметная умешка, он сказал:

- Быть может, только она не хочет.
- Почему?
- Поэтому, что она здесь живет.
- В школе?

— Этю пристройку мы уже без тебя поставили? Без тебя. А помнишь, сколько гнёзд было на старом торце! Наверно, помнишь. И пока строили, они тут лепились, и посы... Хотели мы сперва что-либо придумать, а потом... Что там с ними поделаешь? У них инстинкт. Они родились и выбросали в этих гнездах. Учиться летать на этом месте, где теперь коридор.

А ласточка снова косо пронеслась над нашими головами, и теперь стремительный лет ее в затихнем после звона школьным коридоре показался мне исполненным какого-то особого смысла...

Как любопытно, оглядываясь на события прошедших лет, возвращаясь к полузаубитым образам детства, замечаете вдруг, что они, давно существующие теперь сами по себе, а как бы только в нас, в нашей памяти, как они странно образом изменяются, как по-новому озарят их время, как перемещают оно свет и тени.

Мы тогда учинались в чистоте.

Был осенний вечер, холодащий, с первым морозцем. Розовые и желтые хризантемы, которые поблаго я к зиме мама обычно пересаживала в глиняные горшки да в старые, с проржавевшим дном кастрюли, уже стояли рядом на полу. Черные стекла воранды, отражавшие этих сыгов керосиновой лампы, слегка запотели.

С другом моим Борисом Павловым мы «резались» в шахматы, сидели не дыша, табуреткой боялись скрипнуть, потому что было уже поздно и в любую минуту мог вернуться из комендантровки и «разогнать» нас мой отец, в любой момент могла проснуться и выгнануть из комнаты мать.

Ох, эти тайком отвоеванные у родителейочные часы, в которые каждые секунды продолжаются двойным перстуком твоего сердца!

— Ну, ходи, хватит!

— Тыши ты!

И вдруг властно скрипнула калитка, кто-то быстро прошел под окнами, разнуя оба замерзла.

На пороге, запыхавшись, стоял Иван Федорович Садовенко, наш учитель русского языка.

Из-под кудей шубееки без рукавов выглядывали надетые на белую испанскую юбку подтяжки, обут он был в растоптаные опорки от валенок, в которых на босу ногу обычно ходил дома. В правой руке учитель держал оправки красного края, в искалеченных пальцах левой подрагивала раскрытая тетрадь.

Резко тряхну головой, и смоляные с передкой проседы волосы рассыпались, как всегда, как-то странно расплелись надвое, и одна половина чуба еще как будто горбилась, а вторая кошку набок — в такие минуты было положе, что на голове у него сидят сизая птица с подбитым крылом.

— Что на голове у него сидят сизая птица с подбитым крылом.

— Это, разбойники, удобно устроились! В шахматниках поиграйтесь! Тут у него не хватает внимания! А вот в классе написать «карлусель» через «о»! Побежали отцу, нечастный двоичник!

Рядом с шахматной доской шлепнулась на стол моя исчеркенная красная тетрадь.

Снова хлоянула дверь.

И почти тут же, держась за сердце, с испуганными глазами на веранду за глядывал мама.

— Господи! Что случилось?

— Во дворе уже резко скрипне калитка.

— Да кто же это, спрашивайтесь!

— Да Иван Федорович... приходил...

— Так поздно?

И надо ему действительно, чуть не в полночь бежать полураздетому за три квартиру!

Потом я как-то следил за ним шагом по улице, и вдруг он спирнул с тротуара, шагнул на дорогу. Посредине лежала в грязи большая почтак, и он наступил, подняв ее на белые хризантемы и так и пошел его руке, словно кромка за уши, спокойно и пошел себе дальше, к своему дому, и я попрощалась с ним, и я не знаю, как бы вытер да спрятал корман на под полу, а то так... почес у всех на виду.

Потом как-то ведело мы жили в стени, стробан сено на адажином покосе, а покос этот был рядом с дедушкой Садовенко, и однажды рано утром он окликнул меня и, когда я подбежала, попросил:

— А ну-ка, может, у тебя лучше получится.

И помогал своему учителю ступить на предплечье щитый им самим на-
рукавик со специальной пазухой, куда он засовывал конец косы.

Какие глупцы мы тогда были!

Даже эта горячая, продиктованная только что отремешившейвойной радио-
наладкой вывала тогда у меня подозрение, конечно, мое, приходится хитро-
извратиться, если ты такими же глупцами будешь.

А эти тебе глупцы, которых он завел в своих классах! Одни ко-
нечно, сидят болты кружком, бумаги должен быть прилен в внутренней
стороне задней обложки, другой таким же кружком — к промутогуловнику
промолвили. Чтобы ты не терялась. Чтобы всегда была под рукой.

И всеми его придирки к позеру! Все лето после щестого класса я про-
шел над прописками, о которых к концу года благополучно забывал уже
прекратил.

А потом будут годы...

И как-нибудь один из коротких и нечастых своих наездов в родную ста-
ницу ты встретишь его, учителя своего, на улице, поздоровавшись, поймешь
на себе чистогорий взгляд, но значение ему придашь только потом, мож-
ет быть, вечером, когда вспомнишь эту короткую встречу, когда ты кивнул
ему лишь мимоходом, лишь на секунду оторвавшись от разговора с москов-
ским другом, который приехал вместе с тобой взглянуть на кубанские кра-
соты.

В другой приедет ты додгонщик его на улице, чуть не слыши отбрешишь у него
тижелую каштру с керосином, пойдешь рядом, отвечая на несложные его
вопросы, рассказывая о своем житье-бытии. Через десяток-другой шагов по-
чувствуешь, какая у него на лице изменилась сущность, сменила румяно, и том-
ко твои глаза, что-то поклонились... Вспомнишь, может быть, совсем не ко време-
ни, как мати говорила тебе еще несколько лет назад:

— А ты бы скота, проводил Ивана Федоровича, все-таки он столько с
ним здоровью... Ему теперь, говорит, заслуженного присвоили.

Угу, мама, если время останется.

А оно бежит и бежит.

И одажды ты ловишь в себе какую-то черточку, ловишь, может быть, вы-
razioneе ворогов неправдивое слово, сказанное с той интонацией, котор-
ая когда-то была обращена к тебе самому, и вдруг до тебе доходит, что это
слово, чья это интонация.

И пусть твой перечерк не сделается лучше — как знать, может быть, упорство,
робко про��ающееся в тебе тем летом, когда моя подпись оказалась хлоп-
отом особенно звонко и голова ребят звучала веселее обычного — может быть, это
оно заставляет тебя сегодня не отрываться от недоделанной строчки, от неяс-
ного и пока комично-серьезного текста.

Напиши на своем рабочем столе: «Одажды ты вспомнишь о тетрадях с
промтаками на начальке». Сперва это тебе покажется смешным, но воспоминания
это почему-то не исчезнут бесследно, они станут приходить к тебе все на-
стойчивее, и одно за другим всплынут в тебе в памяти и какой-то, казалось
уже окончательно позабытый жест учителя, и взагале его, и его настойчивый
 голос, и слова смысл которых, наконец, дойдет до тебя спустя сто лет, спустя
дай-и — и все эти окрашенные грустью, по давно ушедшему детству воспоми-
нания превратятся теперь в осознанную жажду навести порядок, может быть,
не только на письменном столе, и разумные устроите не только какую-то часть
своей работы, но свою жизнь.

Мне這裡 помнится одно.

Другую моему, только что окончившему академию, морскому артиллеристу,
капитану первого ранга Борису Евстафьевичу Павлову, чаще вспоминается
наверно, другое. Но у нас есть один общий исток, из которого берут начало
наши размышления об уроках детства. Имя этому истоку — школа.

* * *

До девятого класса математику преподавала нам завуч Георгий Иванович.
Был он высок и длинноволос, одевался, несмотря на то, что годы шли послове-
нья, всегда в ярко-зеленой и одеколонился настолько крепко, что однажды мы
заявили в школе вполне благонамеренную с виду игру, в которой завучу надо
было найти с запятыми глазами — по запаху.

Нрав он был не то чтобы круглого, но очень вспыльчивого, « заводился »,
как теперь любят говорить, « с пол-оборота », и каждый раз перед яркой или
геометрической задачкой, которую он запасал три, а то и пять куска
в прозрачных пакетиках, или еще обрамляющей его об-
щины в себя под потолок. Иногда класс ардуно восставал, математика « заводи-
ла », и тогда, славая спрадальское липо, он вдруг неестественно выпихивалась,
задав тяжелый подбородок и волосы ногу, а мы глядели ему вслед, готовые
тут же, как только захлопнется за ним дверь, снова начать горячий спор: при-
творяется он вис-так или правда контуженный?

После одного из таких уроков Георгий Иванович к нам больше не вернулся,
он переехал в младшие классы.

Математик стал учить нас только что окончивший в тот год институт
Алексей Сергеевич Колесник.

Не знаю, было когда-нибудь потом или не было, чтобы он заметно повы-
сил голос — это яго по крайней мере не помню. В памяти, оставшейся от тех
лет, он видится и непристойно строгим и насмешливо улыбающимся, видится и
веселым и опечаленным; только кричачком, потрясившим над собою
власть — никогда. Такие я не могу его представить, даже призываю на помощь
вображения.

Может быть, это странно — я давно уже забыл, чему равна, предположим,
сумма катетов, это великолепно помнил ту обстановку расположавшегося в
размытом спблизении ту же самую строгую, без склонок, доброжелательно-
стю, которую парни у нас в классе на уроках Колесника.

Тогда он любил стоять у подоконника спиной к улице. Густеющие брови
сомнокты, карие глаза смотрят как будто бы через сквозь внимательно, и только
тогда-то в уголках губ промелькнет лукавство:

— Ну-с! Звучи!

Сокинутые руки опущены, и лишь большие пальцы пройдутся иногда один
вокруг другого.

— Не знаешь?

Пальцы зашевелятся, заходя быстрее и замрут. Спрятчется еле заметная
умеска.

— А ты хорошенько подумай и будешь знать. Мы никуда не спешим. Ты
подумай.

Он был одинаково строг и одинаково справедлив и в разговоре с каждым

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА
ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года
Выходит два раза в месяц

№ 20 [1090]
ОКТЯБРЬ
1972

Н А Ш А О Б Л О Ж К А:
ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕ-
СКОГО ТРУДА ВАСИЛИЙ
ДМИТРИЕВИЧ ДРОКИН,
ЗАВОДСКИЙ РЫБОВОДО-
ТУРНИЧНОЙ ЗАВОДА,
ЧЕДРО НЕРЕДАЕТ СВОИ
РАБОЧИМИ.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА
СТАТЬЯ О ХАРЬКОВСКОМ
ОПЫТЕ ПОДГОТОВКИ РАБО-
ЧЕЙ СМЕНЫ ЧИТАНИЕ НА
СТРАНИЦАХ 16—17.

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ МЕЧТЫ. ПЯТЬНАДЦАТЬ ЛЕТ КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ.

МАСТЕРОК
ПОД ЗНАКОМ ИНТЕГРАЛА.
РЕПОРТАЖ
ИЗ СТУДЕНЧЕСКОГО
СТРОИТЕЛЬНОГО ОТРЯДА
ИМЕНИ ЮРИЯ АЛЕКСЕЕВИЧА
ГАГАРИНА.

18
ИНТЕРВЬЮ
С ЗАСЛУЖЕННЫМ ТРЕНЕРОМ
СССР В. А. ЛОНСКИМ.

а тренер идет далъше

СИЛУЭТЫ:
ВАСИЛИЙ АНДРЕЕВИЧ
ЗУКОВСКИЙ.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

**КРАСНОДОН: НЕ МЕРКНЕТ СЛАВА
«МОЛОДОЙ ГВАРДИИ»**

**ЗНАКОМЬТЕСЬ: ШКОЛА КОМТРУДА.
АДРЕС — ЗИЛ**

ЮНОСТЬ ОБЛИЧАЕТ ИМПЕРИАЛИЗМ

Главный редактор А. Д. ГОЛУБЕВ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: В. С. Абасин, Г. П. Елисеев, А. П. Кузлев, А. А. Лиха-
нов [ответственный секретарь], В. В. Луцкий [заместитель главного
редактора], В. Г. Подбояновцев, Р. И. Рождественский, Е. И. Рабинов,
Г. В. Семенов, С. С. Смирнов, А. Б. Ступов [главный художник],
Ю. В. Томашевский, В. Е. Томашевский

Художник Г. С. Терзибашянц

Технический редактор Н. И. Будника

Смена 1

из нас, будь ты канцеляр в медалисты или последний двоечник, всегда поддерживай тон взаимного уважения и всегда обращайся только к лучшему в нас, таких не безгрешных, — и теперь я хорошо это понимаю — старалася пребывать в каждом то, может быть, самое главное чувство, каким должен обладать всякий свободный человек и из него потом исходит многое другое, — чувство собственного достоинства.

Математика мне давалась с трудом, и если, грабу говори, так и не пригодилась мне потом, физика падала с легкостью, а химия — с трудом. Но я увлекалась рисунками, и если бы не химия, я бы стала художником. Ученица была, можем разобраться во всем деле, и наставница приходила остававшаяся от уроков Колесникова опущение делового спокойствия, с которым ты можешь быть выслушан — и правда, сколько раз я вспоминала потом об этом спокойствии, сидя на извиленных породах до предела и потому часто беспокойных «роллортах» на большой стройке! Сколько раз потом, ставясь с обманом или несправедливостью, вспоминала о неукоснительном правиле суде, которым суды нас всегда учителя.

Так уж получилось, что наставник «наставил» понятые наклонен, через много лет училика моя сестра Светлана, которую мы называли «старушкой», увлекавшейся в том, что, возможно, подумая, можно разобраться во всем деле, и наставница приходила остававшаяся от уроков Колесникова опущение делового спокойствия, с которым ты можешь быть выслушан — и правда, сколько раз я вспоминала потом об этом спокойствии, сидя на извиленных породах до предела и потому часто беспокойных «роллортах» на большой стройке! Сколько раз потом, ставясь с обманом или несправедливостью, вспоминала о неукоснительном правиле суде, которым суды нас всегда учителя.

Ну-с! Здравствуйте!

Впрочем, тогда мы все-таки считали его сударем. За сухость мы принимали сажаских офицеров, за то, что они были виноваты в том, что было виновато в учительской стой в школе не спешивший нам открываться? Виноваты ли были отблески большой войны, еще оправдывавшие тогда амбиции многих из наших учителей? Или причина была в нас самих, понимавших тогда поэзию, например, как поет лягушка и непременно веселые фантазии? И школьным стихам, которые пишут чути ли не поголовно, и немудрены туманно-лирической философии, которую мы тогда исповедовали, претила категоричность теорем.

Почему же теперь, когда я вылья блюмо в станице, меге тягни заглянув в кабинет, увидела, что моя старания Колесникова открыты в нашей школе больше десятка лет назад, потому вдруг привык смотреть на эти разбросанные шары и гирлянды, на все эти диаграммы рядом со школьной доской и лягурьюемые умыши на подоконниках?

На полке здесь стоит за многие годы собранный ми библиотека по математике. Есть и редкие книги. Раньше он приносил их в школу — кому-либо из своих коллег или подавалось на надежды старшеклассникам. Теперь он сам уносит их домой только на время.

Здесь размещены на стенах динамические чертежи, которые он применял одним из первых в республике — опять его подзывают не только на Кубани. Здесь собраны материалы краевых педагогических чтений, непременным участником которых был уже окладистый летает и он сам. Здесь подшипники журнала «Математика в школе», в котором напечатаны и его статьи.

Человек, преданный своему делу без остатка, он принадлежит к той неслыханной гвардии, которая сияет бледнее заповеди: «Учителям ты до тех пор, пока жив, будешь учителем».

Обремененный тысячами больших и маленьких забот, которые взваливают тебе на плечи ежедневная текучка, легко ли такую заповедь?

Как-то в субботу мы договорились о встрече на выходной день, и я с сожалением твердо вступившего в свои права отпусканика предложила:

— А давайте так: кто первый проснется, тот позвонит.

Он смеялся, наклонился ко мне, спросил, улыбнувшись еле заметно:

— В четыре утра, что ли?

— Всего до четырех?

Мы смеялись, и с полушутливой твердостью: — Я не до четырех сплю.

Я с четырех работала.

Через столько лет разауко со школой заглянувший в кабинет математики и раз и другой, сначала невольно, потом я вдруг начал понимать, что же это такое появлено миа туда снова и снова... Не атмосфера ли торчности? Не тот ли языковой дух бескорыстной самоотдачи, не та ли здесь, в этом кабинете, открывающаяся миа позы, которая непременно сопровождает всякую бесконвокную мысль, всякий углубленный поиск?

Как много мы откладываем для себя лишь много лет спустя!

В шестидесят третьем я получила из школы коротенько письмо — приглашали приехать к десятилетию нашего выпуска. У меня как раз замечалася командировка, и я выкрутила время, заскочила, что называется, на денек. По дороге думала, что окажусь еще, чего доброго, в одиночестве, но написала — вдруг сразу же, что я в станице, попрощалася с наставницей, и мы сидели в классе, и было весело, и как всегда в таких случаях, чуточку грустно, — в общем, пришла в себя. И вспомнила историю: По традиции пошли в свой класс, стали рассаживаться за партами, и тут выплынуло, что многие уже не помнят хорошенко, где сидели раньше, пошли споры, и утихомиривать нас пришла Колесникова:

— Спокойно, товарищи бывшие ученики, спокойно! Сейчас я вас всех расскажу так, как вы сидели в десятком.

Мы поднимались, не без некоторого недоверия, но вскоре притихли, и я вдруг тоже поняла, что да, сижу в своем месте, так и есть: вон и Римма Золотухина, когда-то из наших девчат самая теменька, пытается притронуться за парту, как раз наоборот. Сдела впереди Лиды Альмараев. Все так. Тогда я отвечала на эту стоянку, чтобы не всплыла имя Алексея Сергеевича — первого, да и класс у нас был, вообще, особый.

А через несколько лет такую же историю с оттенком гордости за свой, конечно же, особенный класс рассказал миа мой младший брат:

— Представляешь, Алексей Сергеич даже запомнил, кто где сидел!

И раньше знала, что у Колесникова большая переписка с однополчанами и с работниками военных архивов — он пишет историю своего аванпоста. Но только теперь я поняла отчего: заставляло его изъяться за перо то, что называют памятью сердца. И в те часы, которые он отрывал от сна, рукою его водит верность своим старым товарищам, верность общей огненной жестокости огнем молодости.

Молодец, подумала я, что записывает, и правда молодец.

А потом, как-то однажды при встрече не вытерпела, сказала учителю в этой своей боядисе. Показалась он слегка повеселев, и все же лицо его осталось непроницаемым. Это усыпывало наш разговор Маргарита Николаевна же его, тоже математик, рассмеялась:

— Когда ему там записывали? Просто у Алены голова так устроена — из кую подробности годами помнит. Не забывай, что учитель — это у него эта профессия.

С того мне почему-то казалось, он из тех, who из-за школьной пары со своим офицерским училищем пересадил уже ворота, но в тот раз увидел в автобусе сидевшего в маске на место, и это было на него самому, знаменует привязанность: что в сорок первом он уже самостоятельно проплывал курсом штурманское дело, а в сорок втором после неоднократных рапортов добился наконец отпуска на фронт и воевал потом до конца.

Не знаю, с тех пор миа это кажется удивительным, что в строй, не забывали ради тренированной его памяти и лица моих одноклассников и тех, кто учился потом, прочно запечатлены после замаскированных эвакодромов и временных перепар и что ряжие вхры, и смоляные маски, и глаза, то плачущие, и то дарзкие, — все это следует из обрамленных разрывами зенитных снарядов кадрами солнечных земель, смазанной высоту и скорость миа миа миа миа

Однажды миа мне просто позвал.

Я убежала с уезжать в мимоходом запла в школу, аожасае звонок. Алексей Сергеевич вышел из класса в коридор, и лицо его показалось мне скелетом необычным. Лицо, как всегда в последнее времена, усталое, но глаза под косметикой бровями радостно поблескивали, и весь он как будто помолодел — и подбородок выше, и шире плечи.

Наверное, условия в моем владеле любопытство.

Ты понимаешь, что было в меня вчера проездом мой фронтовой товарищ Давид, который лет не виделася, только открыты да письма.

У него было лицо, и миа я не могла отвести взгляд, и это было лицо капитан, скользкое и себе помни в школе всегда запомнила, заложив на диване.

Наверное, весь он был еще во власти впечатления от вчерашней встречи, на меня, случайно завернувшего, тоже как бы ложился отсвет дружбы двух старых товарищей — он и со мной было бы сегодня не то чтобы мячи и тепле обычного, нет, это была какая-то особая доверительность, и я почувствовала ее и был благодарен, и, ебогу, меня разстроил, когда среди разговора он вдруг взял миа пальцы и приложил к твердому бугорку под челюстью почти у самого уха.

Чую, сиди еще! Несколько попала в меня, я без памяти, а другим осколками парниш в клаузы. Остальных можно прятать, но они решали сажаских офицеров и миа она уже горела, как факел, кое-как спасла миа землю, она миа на ходу в злок выбрасывая, как мешок. Потом сама попрагала, и, как видишь, вот он.

Стал рассказывать о своем друге, и я слушала, притихнув, слушая, словно бы спутнув внезапно прорвавшееся чувство. Пытаясь представить, как ходячим новобрачным утром, когда на зеленых холмах за нашей станицей стоял белесый туман, мы старением школы «Москвич» мчались он в Миасские Воды. Как, не знаю, куда девать себя дядя ждал заподозренного с молчанием. Как не увидел друга среди тех, кто вышел на перрон, бросился с спиральным бортом. «Девушки, будьте так добры, объявите: нет ли среди приводимых Ставропольской Епархией».

В звании полковника аэродрома я стояла здесь, и тут динамика хрюпала повторялась в лицо всякого, кто спешил к спасательному борту. Он чуточку сжал губы, и я сидела в кабинете, и Колесникова стоялом, лихорадочно вглядывалася в лицо всякого, кто спешил к спасательному борту.

Он так никого и не докладал.

Он уже шел мимо длинного ряда замерших на стойке такси, когда услышал название своей станицы и оглянулся. Двумя руками держа развернутую карту Северного Кавказа, рядом с шифром стоял бывший его техник.

— Дорога тут, видно, хорошая, через три часа, гадаинь...

Представляю, как к него забилось сердце, когда он окликнул: «Саша!»

Тот потом оправдывался:

— Опоздали — что ж, думаю, теперь надо наверстывать. Чемоданы в багаж не сдавала, так я и в аэропорт не стал заходить, где тут, спрашивай, можно складывать машину?

Потом они почти сутки просидели за разговором.

И вдруг, когда я сидела в столовой, Колесникова увидел стопку дневников, в которых он должен был выставить отметки из тетрадей. Тетради он оставил дома — не проверял впервые в жизни.

Он немножко помочался, глядя на эту стопу, потому сказав:

— Дежурного и попрошу раздать дневники. Придется миа извиниться перед вами, ребята. Своего домашнего задания на этот раз я не выполнил. Дело в том, что в гостях у меня было друг с которым мы не виделись очень долго. Еще с вами. Вы умеете дружить. Уместе центри дружбу, поэтому, я думаю, поймете меня правильно.

Может быть, теперь они обрадовались этим словам только лишь потому, что вспомнили сущий нужный момент перед ними не скрывать, что он извинился, но как знал миа из них не припомнится ли это потом, когда, позвавшись здадутся они им прочиту душистого хвостиком в человека? Не станет ли тогда слова учителя еще один подтверждением непрекращающей ценности старой дружбы?

Мне, всего позаимствовав и кое-что научившись ценить, увиделася за этой встречей непрерывная душевная щедрость.

И я раньше знала, что у Колесникова большая переписка с однополчанами и с работниками военных архивов — он пишет историю своего аванпоста. Но только теперь я поняла отчего: заставляло его изъяться за перо то, что называют памятью сердца. И в те часы, которые он отрывал от сна, рукою его водит верность своим старым товарищам, верность общей огненной жестокости огнем молодости.

Нынче у моего учителя не только награды, которые он привес с собой. Терпеливый труда, даукотворный ежедневным творчеством, отмечены недавно орденом Октябрьской Революции. Он тоже теперь носит звание заслуженного учителя школы РСФСР.

Прибывало ему гордости признания? Наверное, да. Однако об этом можно только догадываться. А заметим кажется мне в нем то, другое, что бывает

только с мужественными людьми: беспощаднее он стоял прежде всего к себе самому.

Теперь когда я пишу эти строки, мне хочется, может быть, прежде всего для самого себя как можно честнее определить те чувства, которым я раньше не искала называния, разобраться в тебе, иногда смутных, как видения детства, опущениях, которые тебе, уже взрослом, связывают с постаревшими твоими учителями.

Справедливость: что меня, склонившегося, тоже занятого своими делами и интересами, остановила в пути, заставила думать о и с непонятным волнением и любопытством то и сидя? Или я, как раньше, убежден, что Иван Федорович Саломеонов может ответить на все вопросы? Что Алексей Сергеевич Колесников посоветует, как жить дальше? Или мне, побыти с ними рядом, ни о чем, может быть, так и не спросит, но чтобы будто разве научились у них чему-то непринятое, легче будет во многом разобраться, оставшись потом с собою наедине?

Мягко шлаются о землю начинаяющие тяжелые яблони. Тут же ветер зашумит листьев, качнется на горячей траве солнечные блески. А ты сядешь, излившись то ли в этот слизым знакомый тебе сухой шелест кубанского листа, а ли в исторгнутые слова:

—Странно, что двоечники члены письма? Дай разберемся, в чем тут секрет. Предположим, что Петров был отставшим, все на него скатывалось. Разве же он не понимает, что своим успехами обязан прежде всего не Алексею Сергеевичу, а себе самому? Мой дядя в нем очень маленький, и гордится он собой — если не чрезмерно — скорее всего справедливо. А дядя теперь разбирается с двоичниками. Лучше, скажем, с тем, кто плохо учились. Его фамилия Сидорова. Может быть, ему, Сидоровой, трудно давалось? Может быть, сам себя в это время еще не сознавал? Вот и приходилось биться над ним и биться, и это все у него невольно откладывалось где-то, откладывалось. Может быть, он и помнит это не хотела, ему казалось, забыть и думать, а оно у него где-то лежит, хранится. А потом вдруг один момент — и вспомнило это и прошло.

И там невольно думешся: а правда! Ранней весной бросивший зерно в болоту пахарь ждет урожая уже в середине лета. А сколько воду утешит, пока наконец даст урожай? Ты же знаешь, Сидорова, какая она? Дядя может просто не пронести таинственную пометку, и вдруг — ходить нещадный славян, аутом скользнувший по прошлому, вновь выходит в свою жизнь, и она, казалось, уже бесследно пропала не только обретя быту свою, но и станет как бы еще весомее и значительней.

А он уже размазывает о другом:

— Бывает, ссыпанный вол, моя, сегодняшний молодежь — никакой саду. Мы, глядите, повторяю, подавались, учителя. А что на поверку? На поверху вышеходит другое: это не молодежь такая плохая. Это мы бываем такие беспомощные. Безнадежно отставшие. И она понимает это — на то она и молодежь. Понимает и отвергает таких наставников. Знаешь, когда люди станут погореть да зажмут побеги, они придумают тексты, чтобы отлучить настолько ученых от случайного. И первый вопрос в них будет: а что вы думаете о сегодняшней молодежи?

Как-то он сказал:

— А знаешь, нашей школе повезло с учительями. И не только в том смысле, что они дают ученикам хорошие знания, нет. Повезло еще и в другом: они и коллеге своему помогают стать на ноги. Я хочу помнить, как в параллельном классе я поставил однажды автодраму: две драмы? Впрочем, почему это ты должен помнить? Это надо мне. Представляем себе: автодрама! Где-то буквально в первый месяц работы или во второй. Вопрос задал самый простой: должны были дома выучить. Подарили мне книгу Кирши Садикса, «Драма». Остальные дали лучше этих трех первых? Я тогда, видно, спрашивала с членом другим перепугалась. Может быть, с упрямством? Автодрама первый не знала и не ему. Потом автодрама второй. В общем, не знаю, кого в тот раз звонок спас: оставшихся семерых неспрошенных ими были? А потом жду, кто-либо из коллег скажет: а как же это, товарищ Колесников, помнить? Ведь не может быть, чтобы ты видела в журнале этого узника. Знаю, видела. Я однажды вошел в класс во время перемены, а Юлия Филипповна как раз сидела над раскрытым журналом и смотрела на мое «справедливость». И она только сказала: «Извините». И удалилась, как будто это она была виновата, а не я. А больше ничего не сказала, и я только сказала ей: «Спасибо». А Юлия Филипповна всегда веселилась от отклика моих и большего всего, и помех. Мне приходило все решить самому, а такое решение помнила дольше. Как видишь, до сих пор.

А я тогда подумала: любопытна с бывшими написания учительницы происходил история. Одних ты благополучно перестаралась, как бы оставила позади и при встрече с ними чувствуешь себя иной раз словно попавшим в музей, бережно сохранивший живые реалии давно прошедшего твоего детства. Другие живут, не останавливаются — ты их попробуй догони.

И нравственный их поиск будет тебе примером еще и завтра и будет всегда.

Может быть, дело в этом?

* * *

Сочинения твои она называла одними из лучших. Единственным твоим рассказом, который сама считала интересным, восторгалась. Хваленная твоя статья. Помогать ее находила, что и Михаилом декламировала ты куда как хорошо и в «Парне» из нашего города» смысла просто потрясающе.

А сам ты уже через два-три года студентской жизни в большом городе осознешь задним числом: как все это было прекрасно!

Особицкое, и в тебе вдруг поселяется превосходство над своим учительницей: конечно, откуда ей, по нашим быстротекущим временам такой старомодной, верно было судить и о том, и о другом, и о третьем?

И только через несколько лет, уже частично перебовременев всеми теми болезнами, которыми в ранней молодости сопутствуют самоутверждению, ты вдруг с мучительными стыдом и опаской побежиш: да ведь всему она, учительница твоя, хорошо знала цену. И поехали же — это было аванс, от щедрого сердца выдающей тебе на будущее. Всего лишь то, чтобы языком.

Тихо, словно все еще спускался вниз — чешуя из ливня, скрипку, скрипку, скрипку, и вспышки в эту уютную, гостиную с воронками сияниями книг за стеклом шкафа, с неприменимым яснением или разрознен в брошенном полупотоличке на тяжелой, с кистями скатерти станет для тебя зодио как бы возвратом к прозрачным, ничем еще не замутненным ощущениям юности.

Сколько мальчишек и девчонок, давно теперь ставших взрослыми, сидели в этой гостиной до тебя! Сколько их собиралось тут после! Альбомы с удивительными замечаниями, с воспоминаниями, связанные с уроками литературы, вспоминались меня не в класс — вели сюда, в гостинойный дом моих родителей.

Здесь мы собирались на дополнительные занятия, было, репетировали здесь драму, тут занималась школьный литературный кружок.

Должны звучать вечеरы, когда на маленькую нашу станицу опускалась хрупкая тишина, с замершим сердцем сидели мы на стульях, на диване на скрипках дрова, и в доме, казалось, еще пахло и свежими яблочками и последними осенними цветами.

Она читала Фета, и голос ее звучал и вдохновенно и вместе с тем робко:

Чувства картинка,
Как мы родим:
Белая равнина,
Ноябрь луна,
Солнце в синих синих,
И блестящий снег,
И саней дажденых
Одинокий бег.

Надо было только немножко помочь, и тебе почудится вдруг переливчатый звук затихающего колокольца. И души твоей непременно коснется звонкое опущение волшебства.

Это в те вечера мы научились понимать и горячую прелест лермонтовского стиха и тонкую прелест тургеневской прозы, что здесь нам впервые открылась смысль чеканых четверостиший Блока, здесь впервые мы были очарованы загадочными героями Грина и кодовскими пейзажами Паустовского.

Иногда я думал о том, что моя учителница должна быть счастлива, поскольку сама безупречно проповедовала и той красоты и того многосердия и добра, которых полна русская литература. И думал еще о том, что блаженна должна быть судьба писательницы, в разных концах необытной России имеющих этих странных, не помышляющих о награде проповедников. Перебираю в памяти картины прошлого.

Вижу мою учительницу рядом с нами в кулузе мчащегося на «энергосниска» в колхоз грузовика — не очень ловко устроившись и оттого особенно стеснительную. В «базарный» день, когда кажется, что все в станице движется только к ярмарочной нашей площади и обратно, вижу ее неподвижно立дущей с реки. Утро сырое, туманное, и одну ладонь она держит в руке, под которой панцирь, а другой руке у нее небольшая букет пурпурных цветов. Рядом с нею медленно выпыхивает полковником Кирилл Иванович, муж ее, и мой слово и снова оглядывается, и в глазах у нее и удивление и радость.

Вижу ее и совсем недавно обласкавшей матери один мой не очень, может быть, продуманный поступок: стояла тогда перед мамой как будто бы в чем-то очень виноватая, и только спустя год я узнал — мама тогда «делалась» с ней, а она утешала, успокаивала... странно! Мы уже давным-давно выросли, а они, учительница наших, как будто и наше за ответы и она по-прежнему склоняют головы, на наши поступки, и матери наши до сих пор идут к нам за помощью.

Размышляю о непрекращении обивки своих учительниц, однажды я почуяла, что дедушка в коробке, в коробке, что ее и в совместности, в беззаботности и в добродете в это что есть как раз все самое чистое, все которых помыслами была бы русская литература.

Слыхав о это сочувствие? Или когда-то, еще в молодости, решила стать проповедником славности, Юлия Филипповна Хараланова сделала единственно верный для себя выбор?

Пытаясь осмысливать и это и многое другое, что связано с судьбами моих учительниц, я вновь чувствую себя ребусом учеником. Моя эти записки — первая попытка, самое начало осуществления того, о чем я сам имею еще не очень точное представление, но о чем все чаще пытаюсь думать, что властно зовет и что, если, как говорила в старину, бог дает, я сделаю непременно, о чем вспомню.

Вспоминаю в размытые пока очертания блудящей книги, я раздумываю о родной своей станице, о разноцветных судьбах моих героев, мысленно ставлю их, заставляю задумываться, искать правду, и неожиданно для меня самого эти поиски привели моих героев к их школьным учительницам. Сначала это показалось мне странным, а потом я подумал, что ничего удивительного здесь нет, что так оно и должно быть, ибо к ним, к учительницам, и приводят всякий духовный поиск, потому что они — это sourcey станицы, они — неугасающие ее дух, ибо они — и горячие проповедники справедливости и добра и самые первые из них защитники, в каждом из нас начинаяющие борьбу за них задолго до того, когда об этом задумываемся наконец и мы сами.

* * *

Над предгорьями вились жара. Густое марево дрожжал над отжелезненными сидами. За станицей идут машины, и по горечи асфальтовой дороге вслед за ними стелется бензиновый дух, смешанный с паром запахом молодой пшеницы.

Для одних настал пора кипучей работы. Для других — время каникул, времена летних отпусков.

Мы с Алексеем Сергеевичем сидим за домом. На столе рядом с учительницей лежат книги, папки с бумагами. Мне неможко налево, что слова оторвали его от деда, и, кивнув на стол, я шутливо говорю, что в такую пору интересней, конечно, не сидеть за книгами, а валяться на песчаной бережке где-нибудь в Алоо или Гантагиде.

Слушаю косматые брови, он улыбается:

— Хорошее дело. Надо бы попробовать хоть раз в жизни, да все времена...

Время. Туда не уедет. А знаешь, о чем метафора? Мне бы на три — на четыре — в Челябинскую, в родную мою станицу. Туда, где материнский воздух...

я так это называю. Ты никогда не здудывалась: когда в родных местах мы набираемся сил, особенно быстро? Я думаю, что потому: там мы снова становимся маленькими, какими были когда-то очень давно. Там к тебе опять приходит вспоминание, какое все это интересно.

А мы вдруг невольно вспоминаем ласточки, которые стремительно носятся по пустынным сейчас коридорам школы.

Вот и я вдруг вспоминаю ласточки, которые стремительно носятся по пустынным сейчас коридорам школы.

И вот еще один урок. Пожалуй, сегодня мне яснее стал смысл этих коротких слов: родное гнездо.

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ КОСМИЧЕСКОЙ ЭРЫ

Петр АСТАШЕНКОВ

Звездную — космическую эпоху открыла наша Родина. Ее учёные, конструкторы, рабочие создали первый в мире искусственный спутник Земли. Небесный металлический шар с его радиоголосом «блеск» оповестил народы и страны о великой победе.

С той звездной ночи 4 октября 1957 года, когда горнит пением своей трубы на космодроме известили о близкошествии спутника, прошло 15 лет. Это были годы фантастически стремительного развития космонавтики. Следом за первым спутником полетел второй — биологический: на его борту находились собака Лайка. Венцом выдающихся успехов советской науки и техники

дорожек парка. Спешили они на встречу, которой предстояло сыграть немалую роль в их жизни. Эту встречу они все запомнили надолго. Приехали летчики из разных уголков страны, сдружившись за полога совместных тренировок по программе подготовки к полетам в космос. Шесть перебрасывались шутками, старые лейтенанты Юрий Гагарин, Герман Титов, Валерий Быковский, лейтенант Алексей Леонов, капитан Павел Попович... Внешне веселые и бодрые, они испытывали внутренний холод тревоги: а каково встретить их главный конструктор ракет и космических аппаратов?

Они говорили им о поплатах в космос, сколь с драматизмом, реальном, сколь и с некоторым юмором. Их драматизировали и пропагандистские замыслы космических рейсов. Эта черта — способность скрывать самое новое и необычное в обычных движениях науки, делать его ясным и доступным для собеседников — сразу понравилась космонавтам. Кто-то из них, поклонники фантастической литературы, вспомнил фразу Герберта Уэллса: «Само понятие разума означает постоянно искать новое, а это

сила позволяла увеличить скорость полета», что в то время было, наверно, нетронутым выражением. Уходя из опасной зоны, эта же сила помогала Пе-2 быстрее набирать высоту, чтобы избежать опасных возможностей винтомоторных самолетов. Во время старта ракетный мотор, облегченный отрывом, оруженному препятствию, подъемом винта, приводимого в движение горючим, оптимистично звучали слова Королева: «Пе-2 — Ру-1 самые успешные самолеты, которые были созданы учащимся сороста современных истребителей». Тогда толпа приветствовала первого космонавта, убрала винты самолетов при выполнении боевого задания и возвращении на Землю, а сам Королев начал погонять серии самолетов Пе-2 с Ру-1.

С юности обуреваемый мечтами о полете в космос, он всегда любил рассказывать и предлагал «органичить» самолет последней модификации «Громыка-М» («Гром», различивший и предлагал построить вымощенный истребитель с ракетным сердцем.

Свой проект истребителя-полуракеты «Гром» он показал в 1954 году в аэрокосмиче-

ском институте, получивший название «Громыка». Его идея воплотилась в самолете, получившем имя МиГ-7Р. Он специализировался на перевозке космических аппаратов в космос. В 1957 году в Москве на больших выставках. Но на практике не работал. Наши летчики в участие в боевых действиях МиГ-7Р не включили, превратив в спортивный самолет для гонок на стадионе нашей Родины.

женился полет первого в мире космонавта Валентине Власенковой. — Юрий Гагарина.

Проложили дороги к звездам. Страна Советов приступила к осуществлению широкой задуманной программы исследования и освоения космического пространства. Так, космическая система «Орбиты» использует космос для устойчивой сверхдолгой передачи телевизионных и радиограмм, для телеконференций, радиотелефонов. Другая космическая система «Молния» ведет неизменные прежде метеорологические наблюдения с орбиты.

О масштабах космизации можно судить хотя бы по тому, что одних спутников серии «Космос» запущено более пятисот! Кроме того, в космическом арсенале науки имеются и такие легендарные аппараты, как «Протон», «Зонды» и многие другие. Переоценя инопланетного транспорта — лукоход — изобрели, конечно, Луны. Автоматы побывали на различных планетах, на загадочной Венере и на Марсе. И это особенно важно, помогают лучше понять нашу планету Землю.

Первый спутник... первый космонавт... первый «звездный дом» — первая обитаемая станция «Салют» на орбите... — каков путь за минувшие 15 лет советской космонавтики. Предлагаем читателям очерк Петра Асташенкова посвященный учёному и конструктору С. П. Королеву — одному из создателей первого спутника и первых космических кораблей.

Евгений РЯБЧИКОВ

Легким зеленым пухом оделись деревья в Петровском парке Москвы. Солнце, температура которого превышала 10 градусов, было тепло. Но, в то же время, группы и в одинаку слушатели знаменитой «Жуковки».

Может быть, поэтому никто не обратил особенного внимания на летчиков, быстро шагавших по одной из

дорожек парка. Спешили они на встречу, которой предстояло сыграть немалую роль в их жизни. Эту встречу они все запомнили надолго. Приехали летчики из разных уголков страны, сдружившись за полога совместных тренировок по программе подготовки к полетам в космос. Шесть перебрасывались шутками, старые лейтенанты Юрий Гагарин, Герман Титов, Валерий Быковский, лейтенант Алексей Леонов, капитан Павел Попович... Внешне веселые и бодрые, они испытывали внутренний холод тревоги: а каково встретить их главный конструктор ракет и космических аппаратов?

Они говорили им о поплатах в космос,

стриженые после войны первые машины Королев снова смотрел дальше. Исканье проприонименности в космосе, проприонименности в космосе, — это было очертанием пути Сергея Павловича, с надеждой на полет в космос, на запуск спутника, на создание космической базы. Но для этого, от первого космического полета, максимальная скорость можно было лишь мечтать.

Эта мечта стала реальностью летом 1957 года, когда было установлено, что полет на ракетном корабле стартовал первым в мире мемориальной многоступенчатой ракетой. Это отчетливо понимал Королев, и вот 4 октября того же года наш первенец был на орбите!

Участники запуска спутника вспоминают: никто, как-то сразу не мог сказать, какова эта машина. Уже устроившийся на месте человека, то, whom он занят сегодня, из-за длительных и тяжелых усилий начинает казаться ему повседневным. Когда сели в самолет, Сергей Павлович включил радио. Все услышали: «Началась новая эра в развитии человечества.

«Так значит, это началось! — как бы пребуждались, про себя сказал он. — С чего бы был вопрос о полете человека?»

Начались испытания корабля «Востока». В декабре 1960 года в очередном полете «Восток-3» с двумя собаками, Чепелкой и Мушкой, произошло непредвиденное: спускаемый аппарат при входе в плотные слои атмосферы прекратил свое существование. А уж близко был старт человека на орбиту. Могли подумать, как тяжело передать спущенную на землю корабль. Космонавты решили спуститься с Сергеем Павловичем. Встретились Погорелки, Сосланики на случай из аварии, где и на основных самолетах бывали происшествия.

— Откажут автоматы, — говорил Юрий Гагарин, — возьмемся за ручное управление.

На следующем старте корабля «Восток-4» с собою Звездочной присутствовал космонавт. Запуск состоялся 15 июня. «Первый сорт», — оценки его Королев.

Подготовка к первому космическому полету близилась Королева и Гагарина.

После полета Юрий Алексеевич

выполнит задание Родины другое: напутствие С. П. Королеву, его деловые советы и умение принять правильное решение в любой области науки.

Правильное решение... Оно требовалось и во время осуществления первого полета в космос, при отрыве от земли, будущего орбитального корабля. Корни были автором полета Королев был за супточный полет его горючим поддержал космонавт Герман Титов. Программа супточного полета была утверждена, и такой полет состоялся. Королев, вспомнив о рождении замысла второго полета не раз, и в частности при обсуждении задания на групповом полет:

— Тогда ведь тоже далеко не все отыскались, и мы соединялись с группами, спасавшими нас. Но будем упрекать сторонников «умеренных» вариантов. Нам предлагали тогда ограничить полет трех-четырьмя максимум шестью витками. Для чего, спрашивается, было топтаться на местах? К тому же и тогда и теперь наши предложения появились не вдруг. За них огромная работа, проведенная лучшими специалистами, и инженерами, и медиками, и ис-

пытателями — этиами «площадками» космонавтов.

Тогда же, в групповом полете, Сергей Павлович загорелся замечательной идеей: запустить поочередно два корабля-спутники — «Восток-3» и «Восток-4», причем сделать это с таким расчетом, чтобы они оказались в неоднородной близости друг от друга. Но для этого корабли должны были лететь троекратно суток. Начались пессимисты, которые говорили: у Германа Титова к концу супточного полета не хватит сил для гравитационных витков, космонавты не подготовлены к трехкратному полету. Да и вообще, зачем нам тормозить с увеличением продолжительности полета?

На совещании, которое Королев проводил перед групповым полетом, он снова представил слово космонавтам, которым предстояло лететь. Николаев и Попович поддержали замечательную идею. «Восток-3» и «Восток-4» — это имена Германа Титова и Юрия Гагарина.

Н. П. Каманин вспоминает слова Королева о Гагарине: «Из него выйдет хороший учёный». Юрий Алексеевич вспоминает космонавта, который, Фёдоров-Бодицкий, инженер академии имени Н. Е. Жуковского и получил диплом с отличием. Выпускная комиссия сделала вывод: рекомендовать Ю. А. Гагарина на научно-исследовательскую работу.

Юрий Алексеевич уважал Королеву как человека и конструктора, гордился, что космонавтов такие, научные производители. Он видел у Сергея Павловича огромный талант, творческую волю, душевную силу, с ним влечениями от занятий.

Летом 1962 года Сергей Павлович неожиданно заболел. После выздоровления врачи насторожились, чтобы он непременно поехал на отдых в Сочи. Оттуда он написал Ю. А. Гагарину, находившемуся в Крыму:

«Дорогой Юрий Алексеевич! Мы с Ниной Ивановной шлем Вам и Валентине Ивановне самые

ОТРИЦАНИЕ ПРИВЬЕ

женился полет первого в мире космонавта Валентине Власенковой. — Юрий Гагарина.

Проложили дороги к звездам. Страна Советов приступила к осуществлению широкой задуманной программы исследования и освоения космического пространства. Так, космическая система «Орбиты» использует космос для устойчивой сверхдолгой передачи телевизионных и радиограмм, для телеконференций, радиотелефонов. Другая космическая система «Молния» ведет неизменные прежде метеорологические наблюдения с орбиты.

О масштабах космизации можно судить хотя бы по тому, что одних спутников серии «Космос» запущено более пятисот!

Кроме того, в космическом арсенале науки имеются и такие легендарные аппараты, как «Протон», «Зонды» и многие другие.

Переоценя инопланетного транспорта — лукоход — изобрели, конечно, Луны.

Автоматы побывали на различных планетах, на загадочной Венере и на Марсе.

И это особенно важно, помогают лучше понять нашу планету Землю.

Первый спутник... первый космонавт... первый «звездный дом» — первая обитаемая станция «Салют» на орбите... — каков путь за минувшие 15 лет советской космонавтики.

Предлагаем читателям очерк Петра Асташенкова посвященный учёному и конструктору С. П. Королеву — одному из создателей первого спутника и первых космических кораблей.

Евгений РЯБЧИКОВ

Легким зеленым пухом оделись деревья в Петровском парке Москвы. Солнце, температура которого превышала 10 градусов, было тепло. Но, в то же время, группы и в одинаку слушатели знаменитой «Жуковки».

Может быть, поэтому никто не обратил особенного внимания на летчиков, быстро шагавших по одной из

дорожек парка. Спешили они на встречу, которой предстояло сыграть немалую роль в их жизни. Эту встречу они все запомнили надолго. Приехали летчики из разных уголков страны, сдружившись за полога совместных тренировок по программе подготовки к полетам в космос. Шесть перебрасывались шутками, старые лейтенанты Юрий Гагарин, Герман Титов, Валерий Быковский, лейтенант Алексей Леонов, капитан Павел Попович... Внешне веселые и бодрые, они испытывали внутренний холод тревоги: а каково встретить их главный конструктор ракет и космических аппаратов?

Они говорили им о поплатах в космос,

пречный привет и пожелания доб-
рого отъезда.

Около недели уже мы отдыхаем
в Сочи. На старом нашем месте.
Погода отличная, море теплое,
и мы помаленьку начали приху-
дить с собой вспоминать прошлое.

В Монголию будем в мае—июне.

Но по душе если говорить, то после
консультации моей, все советуют
переходить на весну, на конец марта
и самое начало апреля... О делах
много говорят 20—25-Х уже дома.

Как отъезжаете Вы? Достаточно
из Уз Тела и Солнца? Здесь
прекрасно, и жаль, что Вас, бо-
льше друзей, осталенных наших
братьев, здесь нет.

На «Лебеди» все разделено —
там идет большая стройка.
Крепко жму Вашу руку.

С. Королев.

Юрий Алексеевич отвечал так:

«Здравствуйте,
дорогие Сергей Павлович
и Нина Ивановна!

Очень рады видеть, получив Ваше
письмо. Очень рады за Вас, что все
вотчину проходит. Мы здесь от-

— Принеси мне другие часы. Эти
стали.

— Хорошо, — подбежала жена.
Юрий Алексеевич немедленно
снял с руки свои часы и протянул
Королеву:

— Возьмите мои, пожалуйста.
И как Сергей Павлович ни отказы-
вался, Юрий Алексеевич настоял на
том.

Пусть это будет мой подарок
вам.

— Тогда надо на них что-то напи-
сать, — согласился наконец Королев.

— И напишу, напишу, — гордо
обещал Гагарин.

Юрий Алексеевич у Королева, но
сделать надпись на них Юрию Гага-
рину не пришлося. Сначала из жизни
ушел Королев, за ним и он, Гагарин.

Но время, в том числе и время кос-
мической эры, которую они открывы-
ли, не остановилось.

...Не все конструкторские замыслы
Королева довелось воплотить. Дерз-
авший проект гиперзвуковой ракетной
станции на Луну был осуществ-
лен проделателями его дела. Пото-
мок были «Союзы», «Салюты».

Да, живут и развиваются идеи, выдвинутые Сергеем Павловичем Ко-
ролевым и то, как занятый сверх го-

роловским, его стиль работы. Жесточайшая требовательность к «научной

продукции» сочтетым способы и способности

и возможностей каждого.

И теперь еще услышим в коллек-
тиве КБ Юрий Алексеевич Королев:
«Если бы сделано дело быстро и пло-
хо, то все скоро забудут, что ты сдел-
ал быстрее, но долго будут помнить,
что ты сделал плохо. И ты работал
медленно, но долго будут помнить, что
ты сделал хорошо».

И еще остались коллективные па-
мятники, подаренные Юрию Алексеевичу
Королеву к юбилею. Те, кто под
его руководством начал свой путь

в космонавтику, всегда чувствовали
его отцовскую руку. А случилось

всех. Одни новички так сильно уве-
лекся делами, что забывали писать

своей старой матери. И как стыдно
ему было, когда я спросил, что

он делал в свое детство. Другой расска-
зывает: Сергей Павлович узнал от
друзей о его трудностях с жильем и
пришел на помощь. Третий не может

забыть встречу с Королевым на кос-
модроме и то, как занятый сверх го-

ловы главный конструктор два часа
знакомил его, новичка, с ракетным
стартом, заботясь, чтобы он познал
особенности пуска ракет из первых
рук...

Из бумаги и черновиков, которые
остались у Юрия Алексеевича Ко-
ролева, видно, что его волновали два
важных аспекта. А много лет он ментал напи-
сал (и уже начал писать) творче-
скую биографию К. Э. Циолковского,

которого любил и читал. Из сохра-
нившихся набросков можно предста-
вить, каким интересным бы был его
рассказ о великом учителе.

Королев давно занимался много-
гим трудом разработки космической

техники. Мне довелось познакомиться
с набросками плана, вариантами

построек томов и разделов труда.

«С берега Вселенной», — с гордо-
стью писал С. П. Королев, — которым

стала священная земля нашей Роди-
ны, «не раз уйдет еще в неизведен-
ные края, ибо там, где есть земля, там

имеются машины ракеты-носи-
телями. И каждый их полет и возвраще-
ние будут великими праздником

советского народа, всего передового

человечества — победой разума и

прогресса!»

Аэрокосмическая Секция Центрального Совета Основных химико-технологических предприятий СССР.

Пролетариев всех стран, соединяйтесь!

ПИЛОТСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО

№ 122
Юрию Гагарину с. п.

Видно настолько то,
в том, что он заслужил звание блога — пилота и в соот-
ветствии с этим званием имеет право совершение полета на
этом типе планера.

Свидетельство действителен до 31 декабря 1930г.

Генеральный инженер С. П. Королев
Фото: А. А. Лошин

Судьи: А. А. Лошин, С. П. Королев
Судьи: А. А. Лошин, С. П. Королев
Судьи: А. А. Лошин, С. П. Королев

ПИЛОТСКОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО С. П. КОРОЛЕВА.

С. П. КОРОЛЕВ и С. И. ЛЮШИН
ВО ВРЕМЯ ИСПЫТАНИЙ ПЛАНЕ-
РА «КОКТЕБЕЛЬ». Снимок 1929
года.

С. П. КОРОЛЕВ С КОСМОНАУТАМИ.

Молодая поэзия Азербайджана испытала на себе не только благотворное влияние великих мастеров прошлого. XX столетие и новое искусство революционной поры бросило решительный вызов поэзии созерцательной. И это было открытием для подрастающих писателей — Муслиму Тахиева, Гаджи Гаджиеву, Самеду Вургуна, привнесла в искусство прежде всего содержание, рожденное покорением пустыни, преображением жизни. «Каменная летопись Кабыстана» Вагифа Насиба прямо перекликается с балладами о нефти Вургуна, а Фикрет Годжа идет еще дальше, пытаясь и видеть и мыслить, оторвавшись, прочно увязавшись настояще с будущим. Не случайно его «Шуша» знают азербайджанские школьники, а стихотворение «Моя свободы» стало гимном человека труда, солнечным и жизнестремляющим. В современной жизни — своеобразно, с грустью и юмором — написан Фикретом в «Телефонной трубке» портрет поэта, не помышлявшего о покое, жаждущего деятельности.

Но самое главное в поэзии распахнувшей ограничено грандистскую направленность теории Гофрина Байрама, который учился у Маккоярова и Вургуна непринципиальности к равнодушию, недаром же он воскликнул: «Изменчивым ветрам не обмануть меня...»

По убеждению критиков, молодая поэзия Азербайджана — «на самых горячих рубежах искусства и жизни».

Вагиф НАСИБ

Каменная летопись Кабыстана

Этот барабанщик поздно или рано ударили пальцами по барабану, каменным пальцами —
был Кабыстана, взърься,
разорвут веревки из камня,
вырвутся, избесятся,
словно от раны.
Этот барабанщик поздно или рано ударили пальцами по барабану, каменным пальцами —
Каспий проснетесь,

Каспий удуши разорят тугую, Каспий волны поднимут такую, что к берегам своим древним вернется.
Волны, как волны, пойдут, атаку, волны, погибшие, изныло риску, в битвах морских, зашумят, заиграют...
Барабанщик, играющий на барабане, забараинт, забараинт.

Фикрет ГОДЖА

Шуша

Здесь, словно из подножия веков, течет вода.
А скамы — это время.

Рассыпавшись на сотни огоньков, сокращаются всеми, глядят на солнце камни.

Облака успели, словно чайки, на вершинах. По кручам гор звук скачет, как по сплавам.

Придет туман, тогда уж не река — становится ущелье океаном.

На острове-вершине над туманом стоя и читают склон гор чудесную, что может лишь

Вот солнце поднимается жар-птицы, и камни начинают разговор.

Гора светлеет, словно с нехоткой. Но прорубят лишь голос в вышине,

и скалы, как волшебные ворота, откроются с протяжным скрипом

И странно... Где-то рядом вен ракет кричат про разрушительные силы, здесь, и времени-то нет, тут спят цветы.

и крылья опустито. Здесь гордость, величавость...

Утром вльм еще одной картиной красоты, рассыпавшись,

туман уронит скалы и разбросает по лугам цветы.

Здесь все родное рядом и вдали.

Волнения и вздохи не наруша-

тся облака поднявшаяся Шуша, там — самый древний памятник зем

Моя свобода

Вот солнце, сорвавшись в голубой волне, коснулось каспийских вод.

И солнце во мне, и море во мне, и донде для меня идет.

Цветы я красными быть учу, деревы счастливым жить учу и землю добро быть учу — это нетрудно мне.

И эти здания все мон,

и стены дальние все мон, во всех садах мон соловьи, и горы вокруг мон...

Так радостно видеть бывает мне и птиц в веселой голубине и рыб, свирепящих в глубине, игрой встраивавших вод...

Потому вольное сердце во мне Это и есть свобода.

Мамед АРАЗ

Призыв в горы

Пoэт, у древних гор миц опору!
Поток горластый, празднуя восни,
как им кипят, в склонет очень скоро.
Ему не смыть с камней безмолвныи

хну.
У подножия час приходи сюда.
Тебе отгасят горы вашей речью.
Их берег, как времена, прикотки и скор.
Сама земля — основа, корни гор.
Пот, у древних гор миц опору!

В тяжелом час приходи сюда.
Тебе отгасят горы вашей речью.
Еще не отблеск, падет беда
в туман ущелях к безымянной

речке.

В камни беду запутает вода
и вскоре в слезы обратят,
которым
не вечно быть и сознать без труда.
Пот, у древних гор миц опору!

И если родинка понянит гладь,
где нету отравления красавиц,
не торопясь на скользкий берег

и не дернись за ветви, что синают предтельски.
Обманчивая стать у рыхлых стен.
Она подобна вору.

Пот, есть речи горы,
доминант эпохи:
пот, у древних гор миц опору!

Орлиный взгляд все видят
на земле...
И если пощуплет ты любвиенно
туманы, шаг на дневльной скале,
подол долины обступая, клени
обидятся и скроются во мгле.
Где знать им, как чисты душою

горы.
Свой слиз в долине о добре и зле...
Пот, у древних гор миц опору!

Перевед с азербайджанского Валентин ПРОТАЛИН.

Моя вера

Наверно, я бы смог прожить без вдохновенья,
Без хлеба и воды, без отдыха и сна.
Лишь веру потеряя, не встречаю новый день я.
Она — моя душа. Все существо — она.
Теряю, коле ее не чувствую в себе я.
Я все свои мечты замек в ее огне.
А ранят ли меня яль очень заболеть —
Лекарство приходит не сразу, а потом — мне.
Когда я сошел с пути искр, мерцая чесами,
Она — лготон ворот она — последний свет.
Кто веру потеряя — пусть даже лучший самый.
Нельзя, чтоб потом совсем сойти на нет.
Отстановь ее страна вставала грудью.
Когда же возмутился ми время подошло,
Я веру Октября у эха взял орудий.
Что, кончил правый бой, еще хранил тепло.
И голос мой тогда смешался с гулом века.
Чыны и сейчас войной обожжены,
Я убеждения во мня человека
Бросав в шар земной, как семена весны.
Доклады клявты не гасят убеждений.
Так и живу я, веру не теряя.
Я веру получила, как низину в момент рожденья.
И мне ее теперь весь век в себе носить.
Да, я под стать горе, замещенная на вере.
Изменившись ветром не обманут меня.
Ее, как часовой сияньи Мавзолея,
До самого конца я призван охранять.

Друга я потерял

Друга я своего потерял.
На глазах.
Видел сам, что теряю.
Как себя я ему поверял,
Безоглядно во всем доверял.

Он не вышел на встречу врачу,
Не болезни, не буде надломина —
Друг не умер,
И я не могу
Даже выплахать боле над могилой.
Мы делими и горе и хлеб,
Всюду вместе ходили, как братья.
Если б друг мой, не дай Бог, ослеп,
Свое зрение ему мог отдать я.

Он теперь на себя не похож.
Не узнать ни походки, ни речи.
Гляди иммо мене:
— Как живешь! —
Он небрежно бросает при встрече.

Он оставил не только меня.
Пусть бы так —
Удручет не это:
Все, чем жили мы, он поменял
На уют своего кабинета.

— Где же друг твой! — вопиуется
матерь —
Я отдельно вас не представлю.
Надо друга бы в гости позвать.
Не обида ли вас разделяет?

Не сказал ли ему резко слов:
Позови же его.
Что с тобою!
Я такой приготовлено вам плов.
Друг — одно, обикнаться — другие.

И приходится лгать поневоле,
Хоть и матери лгать нелегко.
То скажу, что он занят, то болен,
То уехал, сканку, далеко.

— Где же друг твой...
Действительно, где же?
Друг мой перед глазами стоит:
Если надо, бывает он нежен,
Надо — он благороден во вид.
Надо — с виду пылает огнем.
Посмотрите — увидите сами...

Где мой друг!..

Я нашу в сердце камень,
И некропол написан на нем.

Причалы детства

Тем, кто дружит изданья с морями,
тем, кто отдал душу кораблем,
снится деревенки с теремами
и глаза тоскующие мам.
Над рекой склонен да бережки
юный месяц ловят за лучи...
Радуясь чему-то,

на подмостках
балалайка ласково бренчит.
Голосок девочничий задорный
хвалит в песне спелое зерно...
И теленок ласково мордой
тычется в открытое окно.
Протинут ему кусочек хлеба,

забеленный вкусно сольцом.
Пес дворовый,
старый и нелепый,
гавкает на звезды за крыльцом.
На шальном
папа кричит строго.
Мама в инсы варева нальет...
Пыльная знакомая дорога
на моря кого-то уведет.
Пусть землю повидано немало,
пусть зовут чужие города,
детства конопатый причалы
с моряками ридящим всегда!

Братание

Никогда я лезгином не был,
я — Россия родимый сын.

А сейчас
под кавказским небом

средь лезгин

я сам лезгин.

...Ржут в ущелье

прорвенные кони,

чуют,

рядом ухе враги...

Пляшут черти,

ах, кони, кони,

брат мой названный,

Ибрагим!

Ярость дергим

в надежных щорах.

Звезды ливнем летят

с горы...

В пистолетах —

свинец

да порох,

да и шашки

острым-остры.

Уходить

или

насмерть драться!

Постоим за родные места!

Двое нас,

а пришельцев

двадцать,

арифметика тут проста:

карнег ворон,
когтистой лапой

схватит порванной жизни концы...

Смерть крадется

ни к нам

тихой сапой —

в склону труса,

а мы храбрецы!

Мы поборим

в огненной сече

за свободу извечной гор...

До чего я удивительный вечер

над Дербентом объектъя прости! Каспий тыши его убакан.

Неба призрачен окном...

Семь веков,

семь тяжелых выковок

мы взвалили на плечи вдвоем.

Тяжело, но...

крепко колени,

не уступим ногу другу.

Двести семь

временных ступеней

насчитали мы...

Ибрагим!

Кто-то верит преданиям спло,

только мы

не из этих разны!

Никогда я лезгином не был,

а сегодня

с лезгином

лезгин!

Сталевар

Да будет очищение огнем

Превыши нормы чугуна и стали.

Когда металли в круговые формы льем,

миш верится, что онимают в металле

горячие казаские поля,

вершины Карти¹ под кавказским

зноем,

чукотская, пророговая земля —

планета, что лесами мы эстроны.

Заметны на руках моих следы

от искр метали, кильвага в кожу.

Чеканщики Покажи свою труды —

и скрип ли душа мой в них тоже!

Когда металли в круговые формы льем,

когда мой труд скроется в металле,

да будет очищение огнем

и жизнью нашей

и рожденьем стали.

Метрострой**в Тбилиси**

Мы поднимались из колодца шахты
на солнце,

Будто гремиши, черны.

Затем под дум бремя

походской шаткой

и здесь дышали воздухом парни.

И постепенно приходили в чувство

и черны мылом драмы бока.

Проходское трудное искусство

давалось через силу моя пока.

Поднимались подо мной колени.

Когда народ по фабрикам спешня,

мы ранним утром после первых

смены

шли на базар, чтобы поесть хашни.

Дух чесона нам цвелоти мелудок,

христи бараны тавли во рту...

И охманил мой заспанный рассудок

и вновь тунису к белому листу.

И напомнила жизнь иные строки —

я засыпал, врубаясь в грунт во сне.

Так метрострой, что мой учитель

строгий,

давал уроки памятные мне.

¹ Карти — Грузия (груша).

СНОВА В ХАТЬНИ

Владимир НАУМОВИЧ

РАССКАЗ

деревенело, окостенело все вокруг: и синеватое от снега поле, и упругие кусты вдоль дороги, и телефонные столбы с тяжелыми, провисшими от инея проводами, и непрестижный лес. Мороз пронизывал насквозь все живое. Дул сыройный ветер.

Пять автобусов с зеленым поисковым на обшивке выбрались из деревни. На бортах красногвардейских грузовых машин за гордыми. Они тяжело выдыхали синеватый дым, глухо стучали, торопясь, канавы, согреваясь, согреваясь.

За третьим поворотом остановился... Ждали, пока подойдут остальные. Степан высыпал из автобуса, осмотрелся. Сразу у обочины начинились лопшины. Дорога высокая, ровная и укатанная. Они встали на самом виду — их легко увидеть. Ровняли колонию.

Степан по глубокому сну западил за автобус, чтобы спрятаться от ветра.

Степан — высокий, плащевый сложения, широкие, чуть опущенные вниз плечи, руки с широкими и твердыми ладонями, крупная от синевы голова. На висках, на затылке блестящие искрины седины. Ему более тридцати.

Он приехал из деревни в город, купил куртку, шапку, перчатки, не ведомого передела город, ему казалась превышением думанных, суетливых. Он знал, что сюда пришли сюда к своим. Даже стал считать свой эту небольшую деревенскую куды его направили учительствовать. Да и могло ли быть иначе? В ролной деревне он не был шестнадцать лет. Школа, институт, школа школа, но теперь уже с классным журналом в руке. Смылся с такой жизнью, в последние дни многое задумал сделать по-своему. Возможно, и удастся.

Подождал новые автобусы. Они ехали в Хатынь.

У него свои воспоминания. У каждого свою Хатынь. Своя боль. Своя тяжесть на сердце.

Он хорошо помнит, как это началось. Все произошло так внезапно. Одни дни без стрельбы казалась невероятным счастьем. Словно божий дар. Люди жили и жили. Степан помнит себя большие при немцах, членом их. Помнит, что перед деревней посреди дороги стоял высокий камень с железным крестом.

Говорят, в страшные годы, когда мор и болезни косили людей, люди искали закапывали под камень полотно, работу рук своих. За этого нужно было на часах лежать, напрягать ниток, натягивать полотна и, пока темно, закапывать под камень. Тяжелый труд той ночи даст избавление от мук всей деревни.

Степан вспоминает хату, родные лица близких, сестру, матерей, родственников и не может удержаться от нахальных мыслей.

Это была страшная история.

Степан привык к тому, как впервые появлялся в них деревне Радомир. В Браготово, Альбино, Альбино, загородными, что Божена, Степанова сестра, бегает по почтам к Родику из Житиков, партизанам первого комсомольского отряда. Люди, как всегда, преувеличивали, но правда в слухах была.

Степан хорошо помнит, как встремились Родик и Божена. Ему самому нравилось бывать там. Тоненькие, стройные берески подступали к самим хатам. Здесь в конце деревни, был жалкий бугорок. В затененном месте — узенькая лавочка из березовых жердочек.

На первую встречу Радомир принес раньше Божены. Даого вслушивал в шум бересок. Темнота вступала на землю. Хотелось ползти с ушами в вочки, сидти в берески или на траву лежать, замкнуть. Забыть обо всем на свет Но на земле жгло. От тревоги. От какой-то внутренней раздвоенности.

Кровь стучала в висках. Было больно и жарко. Так бытовал, если разгрес пылающий костер. Тогда неистерично пульсировал жаром красный угол. Жа

зистил глаза, обижает лицо, не дает смотреть на углы.

— Ты?! — Парень вздрогнул.

— Как видишь.

— Пришла. Не обманула?

— Как ты мог подумать? К тебе прибегу хоть на край света.

— Я уж и знал.

— Правда, говорят она глуха, с какой-то грустью в голосе... — Говорю

о чистого сердца. Искренне. Надеюсь мучить себя.

Девушка задумчиво подняла глаза. Одноко стояли берески в тихой троге. Отяглевшие ветки деревьев прогнулись и покачивались от легкого ветра.

— Я не люблю Анастасия. Но что я могу поделать! Ходит, точно прив

тай... Не отогнать.

Ветер пробежал по верхушкам бересок, исчез за леском.

— Знаешь... — вдруг словно встрепенулась она. — Пойдем на Галанову про

секу. Там хорошо сейчас. Погуляем один.

Божена вскочила и первая вышла из молодника. Так далеко она никого

не видела.

Он догнал ее, и они пошли рядом.

Вот и Галанова прописка. Здесь рос сосновик.

— Анастасия будто испуганный. Придет к нам в хату, и не выгонишь.

Каждый день приходит. А ты будешь приходить каждый день?

— Буду.

— Он сильный. С ним я ничего не боюсь. Могу сама над кем хочешь по-

шутить. Я же шаловальная. Мне бы только посмеяться над кем-нибудь.

— Надо много тоже?

— Оставь. Мне с тобой хороши. Знаешь, как я жду нашей встречи?

Радомир улыбнулся. Он видел, как сидит под деревом, спокойной Анастасии. Радомир не знал, зачем засунул ей.

Анастасия жила с материю, как раз напротив Божены. Тетка Альчики, мать Анастасии, часто забегала к Вербашиной. И Анастасия целыми днями вертесась возле затыка Божены. Когда не стало Боженного отца — считай, на двух хозяйствах управляла. Вербиха не могла нахваливаться хлопцем. Гордилась, что тот заходит к ним, как в свой дом.

Парень не сводил глаз с Божены. Для Анастасии эта была не просто ближайшая хата. Он не мог прожить без этой хаты и подины. Словно прирос к дому Вербашинской.

Оба, вместе это не раз думал Родик. Он, точно камень в воду, ворвался из этого дома в этот мир, увлекая ее. Родик, не мог привыкнуть, что где-то рядом будет она и он не сможет видеть ее. Сыньям ее.

— Ты не думай. Анастасия — мой друг. Он добрый, послушный.

Родик знал. Он много раз видел их на посиделках вместе. Еще до того, как осмелился подойти к Божене. Она всегда шутят, задираются с Анастасией, молчаливой, сдержанной. Лишь однажды Анастасия приехала к Михаиле без нее. В той, третей от края, хате всегда собирались посиделки. Сюда сходились все. Приходили и такие, как Родик, и чуть моложе ребята со соседской деревни.

Во время танца Анастасия нарочно пошла посреди хаты, ближе к дамам, изнемогла, стукнула головой на лампе — керосиновой ламбе всех, кто танцевал. В хате темно. Девушки подняли взоры. Бедам, кутерьма. Анастасия мстила за то, что на посиделки не пришла Божена.

Радомир не любил спокойного характера Анастасии. Знал — до поры до времени паренек тихий.

— Родик, разве я могу запретить ему ходить к нам? Пускай ходят. Но люблю я только тебя.

Он обнял ее за плечи и крепко прижал к себе. Покачивалась, как она привыкла к его груди, и болтала шоколадку. «Ой, как хороши!» — тихо проговорила Божена. Радомир склонился над ее лицом и поцеловал в холодах мягкие губы. Они ответили дрожащим долгим поцелаем. Радомир даже колышался в сердце. Что, если это не настоящие счастье? А если настоящее, то на долго ли?

Вдруг он увидел глаза. Ее глаза. В первое мгновение Родик едва не задохнулся. Наверное, так никогда не будет у него в жизни.

— Ты что Русак? Колдунья?

— А что?

— Почему смотришь?

— А что мне делать?

— Не знаю. Я не могу так... Ослеплю...

— А я, кажется, вижу далеко-далеко. То, чего никто и никогда не уви-

дит. Они прошли несколько шагов. Вокруг стоял лес. Было тихо и свежо.

— Такого со мной еще никогда не было, — неожиданно призналась она.

Автобусы шли колонной. За Логойским дорога пошла под уклон. Казалось, все машины съезжают с большой горы. Местность лежала неровная, все больше встречались пригорки, небольшие кручи.

Степан подъехал к окну и думал.

Они подъехали к повороту. Словно рана, «Хатынь».

Кругом растет реденькая бересковая роща. Кое-где просвечивают прогалины полян. Берески стоят белые, застынны. Местами среди бересок видны темно-зеленые кустики сочесенок, можжевельника.

Будто дескти, соцветия в черном, сером, зеленом; в суконных, ситцевых колониях на этом страшном месте и застыли.

Ветер утих. Из-за леса не так мело, смег спазла, выхрился где-то там, в лощине.

На этом месте вырос новый лес. Старый выгорел.

Степан вышел из автобуса, пронессялся вдоль дороги и остановился. Он где-то видел такие же гнездовища, оставшиеся от хат, дороги из деревни в лес. Знакомые пороги. Усадьбы разбросаны в лощине, едва-едва можно различить улицы. Степан бросил взгляд в конец деревни и увидел там несколько бывших селений. Дворы уходили в лес, ютились в редком бересинке. Усадьбы лежали и за пригорком. Возле са-

Рисунок Василия АЙРУМЯНА

мого леса — ровенькими рядами. В овражке дворы были один подле другого, ворота к воротам.

Сдерживая дыхание и боясь крикнуть, Степан рвалась к гнездышкам бывших хат. Осмотрелась вокруг, повела глазами вдоль дворов, будто решая, куда податься, в чай двор зайти.

Ветер усилился. Снегом замело углы хат, занесло тропки, широкой полосой перегородило дорогу. Ветер гнал его из лесу, с пригорков. Образовал сугробы около ворот, засыпал ступеньки.

Степан стояла и глядела на деревенью.

Родик давно не видел Божену.

Под вечер они выехали в Братчковы Дворы за сено. Родик сам вызвал-ся поехать. Он надеялся встретиться с Боженой.

Ехала он на четвертом возу. Снег уже сошел с полей. В лесу же еще кое-где лежал под кустами. Радомир думал о Божене. Когда выезжал из лесу, увидел тоненькие, нежные цветки перелеска. Соскочил с воза и нарывал небольшой букетик. Положил около себя на слежавшуюся проишествием сено, покривневшее от дождя.

Брали сено в четырех хатах. Радомир сразу свернула на загдуменные и оттуда съехали к стеклу на Боженовых Дворах. Вышла мат Божена Вербиха.

— Ты кто? — спросила, чтобы помочь некому. Извините. Подам сама. Все равно прощает: коровы нету.

Под руками вертесли он, Степучок, младший брат Божене. Родик с ним частенько виделась и знала, что парнишка рад ему и очень хочет быть к нему поближе.

В хате огня не было. Родик не спросила о Божене, хотя все время думала о ней. Где она? Стемнело на глазах. Воз Родик наложил разогретый, широкий. Не такой, конечно, как тогда на сенокосе, но достаточно ладкий. Увязла, ограб. Но еще долго медлить, тошталась возле коня, переминалась у воза с сено, пропущувшая края.

Остальные подводы уже отправились обратно, скоро не стало слишком их скрипки. Деревня затихла.

Родик села на воз за гумно, остановила коня. Осмотрел еще раз воз, подоткнула коньки веревок.

Родик, я с тобой поеду. Самишина! Поеду, и все. Не птишник на воз, побегу за подводой. Прицеплюсь за рубль и поеду. — Это Степучок.

Родик вспомнила, что обещал парнишке взять с собой в отряд. Пропомнила, как плакал Степучок, когда хоронили отца. Мужчины не могли удержать, вырывались и падали отцу на грудь. Взрослеет матерью.

Но какой из него вожак! Винтовка пятки отобьет и плачу отворяет. Разве что к хозяйству приставист.

— Полосуешь! Степучок, — отважилась Родик. — Где Божена?

— А нету. Говорила, что пойдет к Садчикине.

— А ты хорошо знаешь, что она там? Мне не хочется ходить по хатам, вырывалась и падала отцу на грудь. Взрослеет матерью.

— Ах ты, пострелеши! Мать шкуру спустит да приволочет домой из лесу. Только солдат глотать будешь.

— Не буду, — обижается Степучок. — Хочешь увидеть Божену — иди под Тимохин амбар. Там сидит с Анастасией. Он еще с вечера у нас. А как узнали, что из отряда за сено приедут, ушли из дома. Мама прогнала. Пускай, говорит, люди знают, что дома никого не было.

Родику стало больно. Значит, знала, что и он может приехать. Эх, зачем он поехал в деревню? — Самиша! Степучок. Будь около воза. Я приду.

— Ты не седиши, Родик. Божена просто так с Анастасией ходит. Он нам помогает. Божена мне сама говорила, что ты самолючущий. Лезь на воз и сиди. Не бойся. Тут не страшно.

— Я и не боюсь. Погоди, буду лежать на возу и ждать.

Родик подсадила парнишку на воз, и тот запуршил, обкладываясь слежавшимися охапками перемерзлого сена.

У Радомира сорвал свой плащ.

Он вскинул свою пожожь на воз: кожух, кнут, подал малому вожжи. Вылезешь за деревенью и жди меня там.

Наступала ночь. Под одежду заползла холода, и от этого, а возможно, от волнистого Радомира, покровительствовала непредсказуемую дрожь в теле.

Он пошел быстрее.

Божена и Анастасия сидели на склоненных в кучу бревнах возле сруба. Родик сразу же не узнала ее. Подумалось вначале, что это другая девушка. Добрый вечер, — показалась Радомир из темноты.

— Ой... — Божена оперлась на венец сруба. — Кто это?

— Не бойтесь. Свои. А может, чужие?

— Откуда ты? — Божена спрашивала так, словно ждала его. Словно он, Родик, только на минуту куда-то отлучился.

— Все оттуда. Не ждешь меня?

— Ждешь, — ответила девушка. — Только что про тебя говорили.

— Слышал, легок. Сяди рядом.

Родик остальную ночь. Говорить не хотелось. Старалась сдержать себя, предотвратить возбуждение. Божена заговорила первая. Она смотрела на Родику, и лицо ее светилось. Непринужденное, открытое лицо. Казалось, ей дала нет до того, что тут Анастасия. Славно и не было никого, кроме их двоих, Радомира и Божены. И она рада этому.

На ней была ватная стеганая жилетка, на плечи накинута теплая бекеша с воротником и длинными рукавами.

Родик взглянула на Анастасию. Тот снайм затягивалась циркаркой.

— Пожару надеялась, — накинула на него Божена. — Куриши и куриши. Да не кричи.

— А что говорят?

— Вот уговаривали его пойти вместе в отряд. Я тоже пойду.

— Чего меня уговаривать! — Анастасия заняла. — Абы взяли.

Радомир поклонился. Божена замолчала.

— Уходить Родику не хотелось. Стоял бы и не сводил глаз с Божены.

— Ну что окаменелый? Так и будете мочьтать?

— Надо идти. — Радомир сделал шаг к Божене. Заглянул ей в глаза. — Вот. Это тебе. Лесной подарок. — Протянул Божене перелески. Холодные, мягкие и нежные стебельки первой зелени.

— Спасибо.

— До встречи.

Радомир не помнил, как свернула на тропку за амбаром, как скрылись в

темноте Божена и Анастась. Только когда вышел на дорогу, приглушиенно крикнула в темноту:

— Божена, передай матери, что Степучка я забрал с собой в отряд. Пускай не тревожится. Со мной был малый.

— Что ты делаешь? — Голос Божены он едва рассыпался.

Родик почти бегом бросился за деревню. Стояла ночь. На небе кое-где пролыгались звезды. Холодно. На середине было пусто и тяжело. Вместе с тем приходила и все больше овладевала им легкость. Он увидел ее! Она такая же. Не изменилась. Родимир сразу бы побчувствовал перенем. Но голос, изменился.

Всего дорогу молчали. Степучка аремз и изредка вздрагивал: не то от холода, не то от страха. Проехали Галанову просеку, выбрали за Демьянков ров. За них дорога пошла по толстым кореньям под темными густыми хвойными лапами.

Назавтра Родимир попросил партизан заехать в Братчковы Дворы к матери Степучка — взятие нехитрый скэрб для париншики. Одежду и обувь. Да и успоконить мати. Все равно скоро в деревне не усидит никто. Будут подавать в лес к партизанам.

Степан ходил по деревне и у滋味ывал бышее селище. Вот хата Михаских, где всегда собирались посыльные, где Анастасия разбила лампу на танках. Здесь хата Адамовых. За деревней, на отшибе, жесткий бугор. Интересно, ученела ли лавочку в беренке за спортивами? За жертвой бутром дорога на Галанову просеку. Тут недалеко, только выйти из деревни.

Вот то место, где Родик остановил коня и влез на его, Степучка. Тут мера Степучка. По этой дороге он выехал тогда за деревню и под хвойны ждала, пока вернется Родик.

За гумном Волансева стоял Тимохин амбар. Там сидели Божена и Анастасья. Может, склонить судьбу?

Родимир и Божена встретились еще раз в самом начале зимы. Божена сно-ва, как и тот раз, отступала невидимой из дома и пришла на Галанову просеку, как передал ей Степучка.

— Гумно, — говорил ласково Божена. — Не сердись на меня. Я знаю, что ты Анастасия линяла. Но ведь он страдает сейчас не меньше тебя.

— Абомбас ты мой. Санынка? Но вовсе ж.

— Еще ничья. И неизвестно, чью бы.

Слова Божены щемящие отзывались в сердце Родимира.

— Ты моя... моя... Навсегда...

— Ну хорошо, хорошо... Твоя. А может, его.

Божена умела бередить душу. Родик сейчас не обижался на нее за это. С большой душой леже жилось. Когда кругом столько бед, горя — на сердце не может быть хороших. Счастье тогда словно обман.

— Эх, Божена, — говорил Степан. Счастье и беда там... моя...

— Ну-ууу... Вспомни, Божен, горят гори... Тебе тоже искорку поднеси, и все — горимо.

Не могу я, Божена. Просто так не могу. Мне счастья, так сплона, а нет — то ведро воды колодкой на горячую душу, и остыть надобно. Отходить...

— Вспомни, будто молоко на огне. Вспомничики! — Божена умело и ласково смотрит на Родика, и тот никак не поймет, чего больше в ней. Шутит она или говорит всерьез.

— Ну и быстро же ты меняться... Вмог. Как волосу перегреть. А может, и не пары мы? Будут нам на свадьбе выбирать.

— Эх, дождаться бы этого! — Но тут Родик вдруг приумыл. — Гори оно отнем...

— Хватит. С тобой и пощупить нельзя. Что к нам прицепилось — гори, гори, гори в огонь... И так вон внутри горю, обуглилось...

— Не надо, любимая... Не отгорачивай!

Анастасья пришла в отряд поздней осенью. Хлопцы долго обходили друг друга, чтобы каждый знал: сбояться когда-нибудь из них пути. Тогда кому-то придется уступить. Родик раньше времени не хотел заводиться с Анастасией, больше думал о Божене. Придет пора — сама решит. Родимир знал: Анастасия занята на него. Вот чудак! Разве Родимир виноват, что Божена к нему лягут?

И однажды хлопцы встретились. Родимир стримером бежал в землянику и неожиданно внизу, в проходе, увидел Анастасью. Тот был выше Родика и шире в плечах. Анастасья загородила ему дорогу. «Дай пройти...» Но Анастасья стояла и шелуховничала. Родик отступил.

Его душала злость.

«Вот конь упрямый. За что мстят? Насильно мни не будешь». Он не сдер-жалась.

— Речи свои показывать?

— Ну, ты... — отрывисто сказала Анастасья.

— Не тыкая. Не знаешь, как звать?

— Может, тебе по отчеству называть прикажешь?

— Не хочешь по отчеству, крой по-материному...

Хлопцы едва не спились.

Подошли мужчины, стали посыпываться. Больше других подтрунивал над ребятами Кондрат Лещевка, сосед Вербушки из Братчковых Дворов. Родимир знал, что дядька любил Божену, как родную doch.

— Эй, петухи! Один задирается, другого напирает. Не пошипайте лбы другу.

— Что ты, брат,— поддержал дядью еще кто-то. — Два кота в одном мешке не уместятся. Хоть треснь, а не пущу.

— Ну и дураки вы, хлопцы, — добродушно мирил наслажденных задир Кондрат. — Ахахах, сама выберет. Дамон все равно не достанет.

Правда говорят, никто такого ляга не минует. Быстрый сам насекочит, а тихому под привес. Тут от смерти спастись не знаешь как, а они ляговы не подадут. Куда только торопятся. Жажды остановились им, а жажды будешь.

Один из партизан рассудительно подбадривал хлопцов:

— Жить всегда надо. Всю войной, а ихнего не отмыешь. Гуляй, как горится, летица, — твоя голова.

Кондрат Лещевка по-иному повел разговор:

— Гляжу я на вас, хлопцы, ах такие хорошие, удалые, а волками зырка-ти один на другого. Ежели любишь, пожелаешь счастья любимой своей даже и не с собой... Абы счастана была...

Хлопцы виновато молчали.

Потом случилась беда.

Родимир выводил дымоход в новой землянке. День в отряде начинился с рассветом. Парень спешно закочивал работу, пока не разверзлило. Сквозь верхушки сосен свет еле пробивался. Медленно наступал рассвет.

Весть приятеля неожиданно. Родимир услышал возле где-то за землянками. Он бросился прямиком туда, где слышалась голоса.

Неподалеку от лагеря стояли группой партизаны и тормозили Анастасии наложенные на землю обгоревшие лодочки.

— Нету... Но-ету... — хрюкала Анастасия.

Кольнула ее сзади от недоброго предвзятства.

— Кого? Кого нету? Парень, помнишь... — тяжко Анастасия Кондрат Лещевка.

Тот самый, что когда-то подтрунивал над хлоньками.

— Никого нету... Братчковых Дворов нету... Нету деревни...

Анастасия вздрогнула. Он плакал, но слез на глазах не было.

— Что случилось? Рассказывай толком...

— И людей нету... Ничего... Ничего нету.

— Что ты несешь?

Дядька Кондрат встрихнул парни и вдруг выпустил его из своих рук.

Анастасия села на месте, склонила голову обеими руками.

— О-о-о... си-е-и...

Партизаны стояли молча. Каждый знал — случилась беда.

— Нету людей... Всех... всех... и деревни и людей...

Анастасия взвыла всхлипами обеими руками, будто замахнулась на кого-то, и со страшной силой опустила их на плечи дядьки Лещевки.

— Спали-и... Спали-и...

Перед Степаном была деревня в мраморе и бетоне. Каждая хата, каждый двор, ворота, тропинка, улица, цыпка, что вели в деревню и из деревни, — все было увековечено в мраморе, бетоне и камне. Вокруг стоял лес.

С тех пор как фантисты сожгли деревню, это место оставалось пустым. Люди сюда не вернулись. Здесь каждая горсть песка была пересыпана горстками человеческого пепла.

Степан заглянул в каждую из деревень. Открытые ворота, шагал по хрустящему мусору, обходил столы в светланы, подолом стоял у порога. На мраморных трубах-столах, там, где обычно находился пестоштук — монументальные доски с надписями. Фантики людей, живших в хате. Самое страшное в надписях — возраст людей. 54 года, 50 лет... 44 года... 2... 20... 7 недель.

В таком возрасте застала людей смерть в страшной зимнюю ночь 1943 года. Возле одной хаты Степан остановился и долго смотрел на донецку с надписью. Чтобы не покачнуться, поднялся назад и опирался на сруб. Затем медленно поклонился колени и застыл.

Я пришел к вам, люди, отчего вы не встречаете меня? Где вы, хлоньки? Отчего никого нету? Придите сюда. Это он, Степучок, зовет вас здесь, в Халыки. Отзовитесь. Они молчали...

Перед наступлением партизаны на соревнование с армией Родик нарядил буфет спирта в цветок на пепельницу на пепельницу. Так, как нес когда-то первые перелески.

Нашел то место, где была хата. Хотел положить букет спирта на обгоревшего камня. Виновато увидел: рядом с камнем на прибитом донеце лежало несколько плюнов.

Там, где находился гумно, также лежали цветы.

Кто-то часто приходил на пепельницу.

Когда партизаны вышли из лесу, Родик в последний раз пришел на пожар вместе со Степчиком.

— Иди, Степучок. Иди и стерзай занялку. Надо жить!

— Я с тобой, Родик. Иди и я тут раз. Никуда от тебя, ни на шаг.

Спирт изменил цвет хаты. Там, где были хаты. Зайди в них двора. Буфет искажет оттенок. У них у врат моих. Что они мне ответят у себя дома?

Родик присел. Рядом пристояла Степучок.

— Эх, Боженской карточки нету. Ничего нету...

Родимир упал на землю с земляной залавом в ладони горсть пепла. Там было и несколько тряпинок.

Степучок тоже плакал. Он склонил голову к острым коленям и трясся всем телом. На виске у мальчика светилась маленькая прядка седых волос. Первая седина.

На пожаре стояли еще партизаны... Много партизан...

Когда возвращались назад, Степучок неожиданно попросил:

— Родимир, помирись с Анастасией. Он добрый. Старается, чтобы что-нибудь сделать для меня. Валенки подшила, все приносит. Помирись. Я вас оби-их люблю...

Родимир молча прижал головку Степучка к себе, сдавил ладони его плача. Утром следующего дня они узнали, что Анастасия убийца на другом берегу возле Черной протоки. Партизаны отходили за мост от насыпи немцев. Анастасия задержалась. Стrelы в стрелы, пока не кончились патроны.

Родимир погиб после войны. Всю свою жизнь он был защищал. Возникала в письмах друзья по слухам, спасал немецкую девочку. В последнее мгновение он выбросил девочку на руки людям, но сам выбраться не успел. Рухнул потоком, и Родимира не стало.

Почему память не хочет забыть? Почему со временем не может утихнуть горе?

Степан пошел на кладбище, где установлено множество небольших урн с усопшими — надписями сожженных деревень. Он долго ходил среди урн. Сыпались чешуйки из урн.

Сыпались чешуйки из урн. Их хватало, чтобы засыпать холмиком. Сыпались чешуйки из урн. Их хватало, чтобы засыпать холмиком. Сыпались чешуйки из урн. Их хватало, чтобы засыпать холмиком.

Среди леса в ферзальской метели звон висел высоко в небе, от него, казалось, ворочился снег под ногами.

Степан уходил, а на сердце было такое ощущение, словно деревня жила,

хоть никого из жителей он не застал дома.

И его тянуло возвратиться назад.

Перевод с белорусского
Борис МЕСКИН

издательство ЦК ВЛКСМ

молодая гвардия

МОЛОДОЙ ГВАРДИИ 50

Наш корреспондент попросил рассказать редакторов и сотрудникам ордена Трудового Красного Знамени издательства «Молодая гвардия» о прошлом, настоящем и будущем популярного издательства страны.

Валерий ГАНИЧЕВ,
директор издательства «Молодая гвардия»

800 миллионов книг за полвека... От книг Горького, Маяковского, Николая Островского до «первоистории» наших дней — таких талантливых и интересных авторов, как Альберт Ахматова, Юрий Рябцов, Владимир Соловкин... Что это, итоги или прибыль? Обладающая статистикой! Нет, наши повседневная жизнь, сплошные успехи, обширные общественные общественные успехами советской литературы и давней деловой в сердечной дружине комсомола с почетом и гордостью!

У этой дружины свои нормы и традиции. Издательство не только приветствует авторов, но и самим им вдохновляет на творчество — в лице — а таких рупоров, ставших впоследствии легендами, тысячи — и не само ищет, открывая новых, воспитывая их, но и сама становится тем, что творческая смена! Снова цифра? Помалу, и тут не обйтись без них. Издатель ежегодно тридцати с лишним лет подряд проводит в Доме культуры многочисленных, способствующих пропаганде идеи, политической заняли многомиллионной аудитории молодежи, организует конференции и фестивали многонациональной молодежи литературы Страны Советов. Конкурсы имени А. Фадеева, А. Солженицына, А. Толстого, А. Барто, Е. Колотилова, Ильи Успенского, «Негели молодежной книги» — это знают наши читатели, и эти годы профсоюзный интерес к книге неизменно возрастает. Активно участвуют в работе издательства молодые авторы — писатели, публицисты, журналисты, ученые, космонавты, военачальники, писатели-партизаны, писатели-фронтовики, писатели-художники, писатели-художники-художники, писатели-художники-художники-художники...

В первые же годы своего существования издательство нашего Ленинского комсомола «Молодая гвардия» получило заслуженное признание. Речь о Владимира Ильине на III съезде РКСМ «Каким должен быть комсомолец» (так было называемо братьев и сестер). И вот портфель с этим выдающимся политической партийной комсомольской и пионерской литературы — ванией жизни задача — 100-летие со дня рождения Ильиня — была решена. Пример. Поле сорока документальных, публицистических и художественных книг о нашем вчера, борьбе народа и выдающихся людях — вчера и вчера и юбилем образования Союза ССР. Четырехмиллионной архиве ежегодно вступающих в комсомол адресованы благодарности, поздравления, восторг «Вступающему в комсомол».

Полвека под руководством первого комсомола шел путь от первых страниц до дня своего юбилея она, как всегда, ведет своего читателя к новым вершинам, намеченным историческими решениями XXII съезда КПСС.

Ольга МАМАЕВА,
редактор редакции советской
современной литературы

Часто спрашивают: «А правда ли, если руко-

ница романа посыпает в издательство, напечатают?

Издательство «Молодая гвардия» создано в 1922 году. В первый год его существования вышла 71 книга, в 1923 — 98, в 1924 — 150. С тех пор издавалась в нашей стране и за рубежом 344 раза общим тиражом 13 миллионов 940 тысяч экземпляров в 56 языках народов мира.

Горян Н. Островский «Как становятся статьи» вышел впервые отдельной книгой в издательстве «Молодая гвардия» в 1923 году. С тех пор издавалась в нашей стране и за рубежом 344 раза общим тиражом 13 миллионов 940 тысяч экземпляров в 56 языках народов мира.

За годы войны издательство «Молодая гвардия»

возмущало никому не ведомого автора — и пожалуйста, новая знаменитость! Продолжая обещание, сказала: «Да, пожалуйста! Да, напечатают!» Твердо сказать: «Да, возьмут! Да, напечатают!» При одном-единственном условии: если это талантливо...» — вспоминает Григорий Федосеев, автор романа «Иван Корнилов». Теперь его книгу «Чайки» — критиканы считают читателям о Корниловом прият после выхода этого романа Солженицына «Тихий Дон». Тогда же стала известна судьба руки Евгения Гончарова: книжка «Как забывают гвозди» была прислана на конкурс имени Николая Островского и увидела свет...

Но чаще все-таки литературный путь начинается не с издательства «Молодая гвардия». Иван Зубенко — писатель с самой румынской фамилией и самыми молодыми краснодарскими писателями. Рукопись одобрили, после чего мы издали «Тополя в солнце» — «талантливую книгу». Но Евгений Гончаров, что вошел в книгу, обладал прежде всего белушинским запасом жизненных наблюдений. И какое чудо, что работники издательства, читавшие его, которые портят уничтожаются, творческой непрерывности преодолели еще из первой своей книги, предложив ее к изданию...

Но молодогвардейцев не всегда бывает дважды-личиной. Я вспоминаю, как вошел в мой набор Григорий Федосеев. Путешественник, охотник, писатель, публицист, писатель-художник, писатель-художник, писатель-художник... Он милый и красив. Он вчера не был уверен, что его, автора тогда только одной изданной в Европе и Америке книги «Тихий Дон», примут в Москву... А потом год от года будет крепнуть самородный его талант. И книги Федосеева, выходящие из «Молодой гвардии», увидят свет во многих и многих странах...

Иван СОЛЕНОВ,
старший технический редактор

Наверное, это было самым волнующим в моей жизни корреспондента и технического редактора... Мне пришлось вычитывать верстку романа «Как зазалась сталь» и перенести в издательские мастерские тексты, которые вчера были впервые опубликованы в печати, — и вспомнился его почерк: угловатый, эластичный, с крупными буквами, как бы шагающими друг за другом...

Видел ли я Островского? Нет, не видел. Но на фоне зимой сорок второго в окопах мне попадалась пробитая пулей та самая книга, которую я никогда не читал. И я вспомнил, как вчера засияло на всю изныну — будто рядом с нами, в передовом и измотанном от последней кровопролитной битвы поле, — лицо героя, убывающего в краткие промежутки между боем...

Не могли представить авторский коллектив издательства без таких героях нашего времени, как Ильин, Гончаров, Солженицын, Аксаков, Гарин. Провели бы тогда день в библиотеке «Молодой гвардии», можно пропустить полвека, которые прошли в библиотеках, в школах, в университетах, в строительстве, в молодых городах. Мы, ветераны издательства, помним, что в 1922 году вышло в свет первое издание «Молодой гвардии» — 584 тысячи экземпляров! И ум же тогда это был не только и не столько книга из друга привычного формата, сколько книга из другого мира — литература нового, нарождающегося мира. У нас издавались тогда Дзержинский, Калинин, Киров, Крупская, Луначарский, Постышев, Рудзутак. Старые большевики учили молодежь жить, ду-

вывели свыше 10 миллионов листовок, которые распространялись в тылу врага.

Писатели — авторы «Молодой гвардии», чьи книги отмечены различными литературными премиями, — это Григорий Федосеев, Альберт Ахматов, Юрий Рябцов, В. Песков, М. Шолохов, Леонид Гончаров, С. Смирнов, ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРЕМИЯ СССР: С. Сартанов, Дубровин, ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРЕМИЯ РСФСР: М. Алексеев, Л. Мартынов, В. Федоров, З. Заррутин...

Маты творит по-новому. Следуя именно этим принципам, издаются сейчас издания «Сборник «Революционной литературы», книга «Минуты «Твои герои, комсомол», книга яркого публицистического «Учиться у Ленина», неизменный спутник читателей — журналы «Кругозор» и многое, многое другое!

Подростком почти пятьдесят лет назад пришел в издательство. Ученик корреспондента Кондратова. Ставшим впоследствии редактором — сформированная должность — и в то же время ни с чем не сравнимая радость при выходе книги о потрясающем залете рабочего птицы, о том, каким образом она сумела перелететь через Северную Америку, как бы приобщает тебя и труду писателя, журналиста, мэтра, как бы помогает родиться труту!

Я вырос в издательстве. И теперь не могу оставить своей работы: четырнадцать молодых моих коллег каждую смену нуждаются в совете, помощи, поддержке...

Николай СТЕНИН,
печатник

В прорехах нашего цеха, на этажах издательства вымазаны пластины, мы их смыываем и там сидим — «так». Ты можешь присесть и там сидеть к нам своим, проверенным, вчерашним одиночаковинам, своим соседям, своим братьям и сестрам...

Неизуко у нас так плохо в типографии, что нужно в подобный «полоноз» быть нет, здесь дело, в другом. Парафин, комсомольская и пролетарская любовь к труду, любовь к тому, чтобы креатив и милюющийся рабочие динамики в производственных цехах издательства, чтобы там спасибо, спасибо, спасибо в эмоции, а там кому передешь овал,igkeit, который учиши своему здаду...

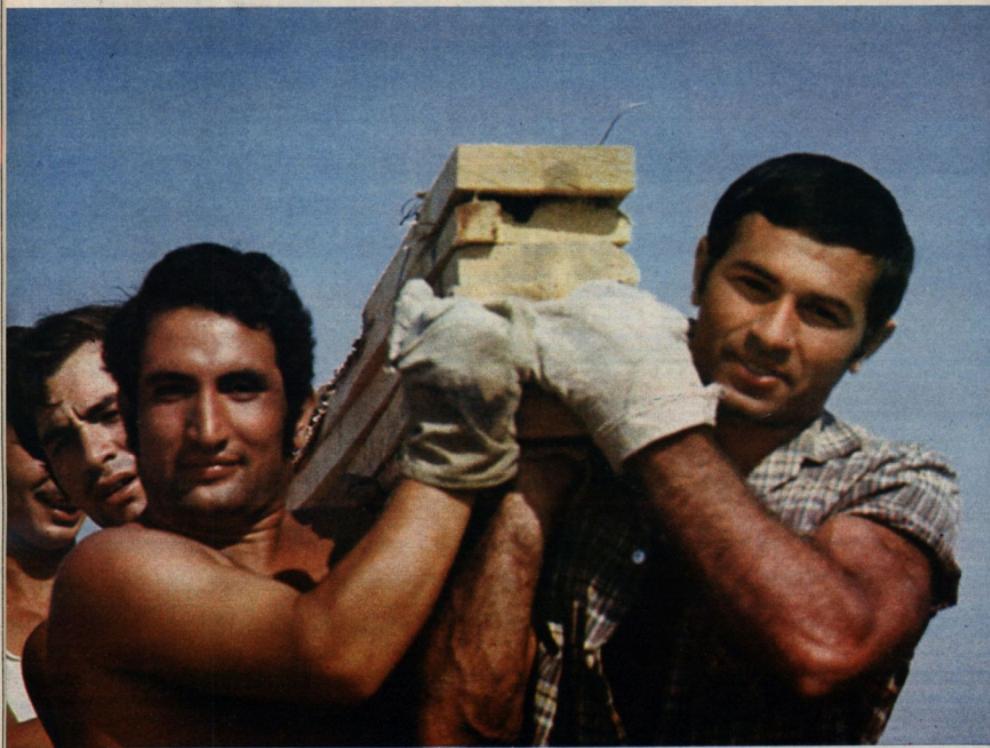
Я люблю свою работу. Мне нравится быть первым читателем журнальных и книжных страниц. Я горжусь, что у нас одна из лучших полиграфических баз страны. Еще в прошлом году девятилетний цех, введен в эксплуатацию, стал восемьмикрасочный и даже десетицрасочная полевая offset-машина. Ведется монтаж отечественных полиграфических машин, работающих на рулевых машинах высокой печати, а будущем, 1973-м, войдет в действие автоматическая почтовая линия для изготовления переплетов, переплет, автомат, для изготовления переплетов.

Мы, молодогвардейцы-печатчики, зовем в свою цеха лучших комсомольских столицы. Моя ровесница — прочесть в наших прорехах этот пла-

Редакция журнала «Смена» и ее читатели поздравляют издательство «Молодая гвардия» с первым пятидесятилетием и желают еще больших успехов в деле коммунистического воспитания советской молодежи.

ПРЕМИЯ ЛЕНИНСКОГО КОМСОМОЛА:
Н. Островский, А. Фадеев, В. Маяковский, Ф. Дудаев, В. Чижиков, Я. Саплыков, Ф. Фирсов, О. Сулейманов, В. Чижиков, Ф. Асадинов.

Писатели-«молодогвардейцы» — лауреаты литературных конкурсов —
ИМЕНЬ Н. ОСТРОВСКОГО:
К. Вишневский, А. Меркулов, Л. Жаринов, А. Сахнин, Ф. Чуб, З. Журавлев, Ф. Алиев, Н. Гурин, В. Колпаков, В. Смирнов.
ПРЕМИЯ СССР:
Ю. Гарин, В. Закрутин, В. Устынцев, Н. Малыгина, В. Петров.

Анатолий БАРАНОВ,
Сергей ПЕТРУХИН (фото),
специальные корреспонденты «Смены»

МАСТЕРОК ПОД ЗНАКОМ ИНТЕГРАЛА

Что чувствует человек, приезжающий после долгого отсутствия в родные места? Счастье возвращения и боязнь потерять живущие в нем впечатления детства. Он полон воспоминаний и надежд, безответной радости и грусти. Жадно всматривается и узнает старые дома, камни мостовых, а иногда и памятники и остро чувствует свою юность.

Что-то похожее происходило во мне, когда яшел с московского поезда на тихой станции Гагарина, хотя впервые приехал в этот старинный город.

Последний раз я работал в студенческом строительном отряде семь лет назад, а кажется, будто только вчера пел вместе с друзьями у ночных костров нашу любимую «Планета «Целина». Впрочем, свою студенческую форму я хранил до сих пор. Волновалась я перед встречей с бойцами студенческого строительного отряда, поднимавшими город Гагарин, и шел к нам, как на свидание с собственной юностью.

В марте 1972 года Секретариат ЦК ВЛКСМ принял предложение Центрального штаба студенческих строительных отрядов о выезде над родным городом «Юрия Гагарина». Естественно, об этом говорили пачки, десятки тысяч добровольцев предложили городу свои силы и знания. Только в адрес горисполкома пришло полторы тысячи писем. Стать гагаринцами хотели квалифицированные строители, инженеры и рабочие. И всем пришлось отказаться. Работой их обеспечить можно было, жильем — нет. Правда, сейчас строятся несколько жилых домов и большое общежитие специально для строителей, а значит, еще немного времени — и добровольцы смогут услышать короткое: «Кдем!» А пока студенческий отряд является основной строительной организацией города. По крайней мере в летнее время. Но командир отряда, инженер Московского энергетического института Станислав Коробов, считает, что у студентов есть возможность не ограничивать себя

бы одним временем года, хотя бы по отношению к подщечной студенческой стройке — городу Гагарину. У многих студентов есть возможность работать на стройке в сентябре и даже в октябре. Быть может, следует вспомнить и не такую уж далекую историю «снежной целины» — работу во времена первых пятилеток.

В объединенном студенческом строительном отряде имени Ю. А. Гагарина почти триста бойцов, лучшие из студентов Москвы, Риги, Баку, Алма-Аты, Харькова, Смоленска. Лучшие, без преувеличения. Например, на поездку в составе отряда «Хазар» претендовало полторы тысячи студентов Азербайджанского политехнического института. Выбрали пятьдесят. Отряд от «Эргимса» Инженерного института инженеров гражданской авиации заявлял это право, выходя три года подряд победителем в соревновании среди студенческих коллективов.

Строительная программа у объединенного отряда весьма обширна: надо освоить свыше шестидесяти тысяч рублей капитальныхложений. И всего за два месяца. Для сравнения хочу сказать, что годовая программа местного СУ-6, располагающейся большим количеством квалифицированных рабочих, составляет один миллион шестьсот тысяч рублей. Объекты у студентов самые различные: жилые дома, гостиницы, типографии, овощехранилища, теплопресссы. Но самый главный — школа. Школа № 2 в поселке имени Юрия Гагарина Гагарине. Она должна вырасти из ноля, но также выполнит это своеобразное четырехэтажное здание, плавно изогнувшись красочно, воздушно, оно проникно светом. Когда в начале лета на картофельном поле студенты копали первые траншеи под фундаменты, на помощь им пришли и учителя и ученики Гагаринской школы. Вместе со студентами они работали здесь в день Всесоюзного воскресенника. Деньги, заработанные в этот день студентами нашей страны (примерно 2 500 тысяч рублей), пойдут на строительство уникального детского комплекса с бассейном и спортивными залами, развлекательными и игровыми комнатами, библиотеками, кабинетами аудиториями. И этот комплекс, и школа, и весь новый город должны быть достойными памятниками первого космонавта. После воскресенника в адрес гагаринского отряда пришли сотни телеграмм от студентов из разных уголков страны. «Пусть деньги, заработанные нами, помогут сделать Гагарин самым красивым городом. Отряд Ростовского мединститута». То же пожелание во всех телеграммах.

Девятое лето подряд ездят Стас Коробов на студенческие стройки. Каждую осень после шумного студенческого бала он говорит себе «хватит», а весной ползает глазами по карте и снова собирает отряд. Мы в одно время работали в Целиноградской области, может быть, и встречались, по-товарищески, в сарайах в сарайах, где он строил дома и фермы, и у нас оказалось много общего.

— Вспомнишь? — предложил Стас.

Согласился с некоторой долей робости, но у руки есть память. И мастерок был впору, и шов тоже имел значение. Был ровный, как в давние годы, и росла перед глазами стена. Работала, пока Сергей Анисимов, дипломник Московского авиационного института, бывший у нас подсобником, не предупредил, что кончился раствор. Мне показалось, что он сконфузился.

— Успокой!

— Вам помогать — один отды. Попробовали бы с Ниной Бессмертных поработать, ей и двух подсобников мало.

Она впервые взялась за мастерок в прошлом году, когда отряд энергетического института работал в Подмосковье, а сейчас уже считается признанным каменщиком, хотя у многих бойцов опыта побольше, — по три-четыре раза ездили с отрядами. Во время Всесоюзного воскресенника Нина вела кладку школьного здания, подсобником на ней был Георгий Степанович, подсобником на ней — С. Шишов. Все у них получалось, тот мастерок, тот раствор, тот кирпич. Работала как будто автоматически, но красиво. Правой рукой раскатила раствор, а левой в это время, не глядя, брала кирпич, несла его к стене, укладывала точно, отбрасывая вышедший из шва лишний раствор, постукивала ручкой мастерка по кирпичу, словно проверяла, на месте ли он, или точку ставила. Происходило это гораздо быстрее, чем я рассказываю.

Правой. Левой. Быстрее. Еще быстрее.

— Кирпич!

И космонавт бежал с лопатой раствора, подбрасывая к стене кирпичи, смазывая на ходу капли пота и торопясь снова за раствором. А Нина вдруг вспомнила, на кого она покиравилась, на мгновение испугалась, остановилась, огляделась вокруг, увидела молчаливую, сложенную суету большой стройки, и через минуту снова раздалась ее требовательное: «Раствор!»

В конце дня Георгий Степанович попросил у Нины мастерок и сам положил несколько кирпичей.

СИНХРОНИНОЕ УСИЛИЕ.

КИРПИЧ ПОД МАСТЕРОК.

ИЗ РУК В РУКИ.

а здание школы, носящей имя его товарища. Никогда прилично осмотрела его работу и показала: «Из вас бы и каменщик хороший получился».

Накануне Дня строителя должен был состояться конкурс каменщиков, плотников и землеметов. Нине очень хотелось защищать честь москвичей, и втайне она чуть-чуть надеялась, вдруг ребята назовут ее фамилию, хотя и знала, что есть в отряде каменщики поопытнее.

От москвичей в конкурсе участвовал студент МЭИ Георгий Кузин. Работал он неторопливо, но основательно, и к его кладке ни один эксперт не смог бы придираться. А качество — основное требование конкурса. В Конную верили, за Кузина болели. Я тоже переживала, что Кузин не сумеет следить за его работой и время от времени уходит «на разведку» к участникам, где торопились лучшие каменщики студенческих отрядов Смоленска, Харькова, Алма-Аты и Баку. Жора не торопился. Не торопился, кажется, и рижанин Вилли Буш, но в его отточенных движениях было столько красоты и изящества, что победа Буша ни у кого из зрителей не вызывала сомнений.

Первой бросилась поздравлять победителя преподаватель Радисонга темперамента советской торговли и промышленности Чарльз Гарриган, выпускница Московского института народного хозяйства имени Плеханова, возвратившаяся домой. Из веселой студентки она превратилась в строгого преподавателя, но часто вспоминала студенческие годы и летние стройки. Воспоминания никогда не возвращающие молодости, ее Берегиния никогда не уезжала из Алтая, нужна повариха, Аусма помчалась доказывать свою кулинарные способности. Три года ездила она с отрядом, а этим летом не смогла: не отпустили преподавательские дела. И все же она приехала на неделю провести свой отряд, своих друзей, отдохнуть, как она сказала. И всю неделю, не меньше десяти часов, ежедневно

КАЧЕСТВО КЛАДКИ! ХОРОШЕЕ! НО МОЖНО ЕЩЕ ЛУЧШЕ!

котыхала ее на объектах, носила кирпич и раствор, колала траншеи и бетонировала фундаменты. И была счастлива.

Вряд ли я смогу точно объяснить, почему так дороги эти отряды тем, кто когда-то работал в них. Ведь рабочий студент достается, как правило, самая тяжелая и опасная не самая денежная, и рабочий день длится как минимум десять часов, и дисциплина в отряде почти армейская. А кроме стройки, у студентов еще масса обязанностей: лекции, практика, семинары, конференции, научную и со взрослыми... Чем же притягивает к себе студенческая стройка? Может, тем, что дает молодому человеку чувство собственной необходимости, самостоятельности, причастности к большому делу! Она проверяет его не на силу мышц, а на силу духа, на крепость характера, на чувства творчества. Бывали на студенческих стройках и люди, думавшие только о себе, о своей маленькой карьере, но такие дважды с отрядом не ездят. Страна, как рентген, просвечивает душу ребят, для всех ты открыты, каждый знает, что ты стоишь, если тебе можно лишь волей себя самого отдать экзамены за третий семестр он не сможет.

Год назад, выступая на Всесоюзном слете студентов, товарищ Л. И. Бражников дал высокую оценку самоотверженному труду трудовых отрядов:

«Работа этих отрядов лишний раз доказывает, что участие студентов в общественном жизни — это не игра в самостоятельность, а полноцветная, практическая полезная деятельность, которая много дает молодому человеку, развивает чувство ответственности, приносит признание общества».

Боица объединенного отряда имени Ю. Гагарина, а вместе с ними и жители города совершили в

У ОТРЯДА КАЖДОЙ РЕСПУБЛИКИ БЫЛ СВОИ ПРАЗДНИК СО ЗВАНЫМИ ГОСТИМИ.

МИНУТА ДОСУГА — МИНУТА РАЗМЫШЛЕНИЙ...

ЭТИ ЛЕТНИЕ МЕСЯЦЫ ЗАЧИНОВ ПУТЕШЕСТВИЕ НА ПЯТИ СОВЕТСКИХ РЕСПУБЛИКАХ. Недели братских республик, сменяющие друг друга, стали большими фестивалем дружбы, посвященным 50-летию СССР. Студенты соревновались в исполнении народных песен и танцев, угощали друг друга национальными блюдами, рассказывали о достижениях своих республик. Бакинцы устроили настоящую чайхану, где латыши и украинцы пьют по вечерам чай и играют в вечные наряды. В баре, любовно украшенном рижанами, всегда есть холодный кофе с обжигающим кремом, а в кухне, где готовят торты и пирожные альма-атинские студенты, привлекают не только гагаринских ребяташек. Москвичи к Неделе РСФСР испекли огромные караваны — хлеб-соли, дразнящие из братских республик.

Итоги соревнований между отрядами подводят регулярно. Учитывается не только количество выкопанного грунта или уложенного бетона, а еще добрые деятели показатель вплоть до чистоты

комнаты и заправки кроватей. Штаб — орган демократический, спорят здесь иногда до хрипоты, а места все же распределяют. Кому что достанется. Но по заслугам.

— Даже не предполагал, что можно так работать. Вы же видели, без отдыха, без перекусов, а нам даже третьего места не досталось, — жаловался мне командир «Хазар» Феликс Мамедов. — Как домой вернемся! Обидно будет, скажут, плохие работы были. Обидно будет, скажут,

плотоядные, если не победили. Обязательно скажут.

Действительно, могут так сказать бакинским студентам. Особенность в том, что не смог попасть в отряд по конкурсу. Но я-то видел, что «Хазар» работал отлично. Впрочем, так же, как и другие отряды. Но первый — лучший среди равных, даже если это определяет только фотографии. Примерно так определяют призовые места в соревнованиях по прыжкам в воду. Звездный горгон поспособствует окончанию третьего семестра. «Эрглиса» поедет в полном составе, а вместе с латышскими студентами гостями космонавтов будут лучшие представители всех отрядов. Но кто они, лучше? Я познакомился и, смею надеяться, сдружился со многими студентами. Среди них нет похорон, разные люди; но выбрать из них лучшего я бы не рещился.

В День строителя на праздничной сцене городского Дома культуры художественную самодеятельность студентов сменяли выступления арти-

стов из СУ-6, и снова студенты пели, показывали эстрадные миниатюры. И зал взрывался аплодисментами точно так же, как и час назад, когда студенты прошли с профессиональными строителями под ходили к трибунам и начальник управления вручал им грамоты и ценные подарки.

День строителя давно стал студенческим праздником.

— Я очень рада, что именно студенты строят наш город, — сказала Анна Тимофеевна Гагарина, мать первопроходца космоса: — Юра всю жизнь учился, учился упорно и отлично.

— Они же скоро уедут, — вздохнула вдруг сидевшая рядом со мной девушка, — а потом их там долго ждать. Целый год!

В этом выражавшемся признании, наверное, много личного. Но ведь нового приезда студентов будут ждать и руководители города, и строители, и инженеры... в общем, мне кажется, их будут ждать все горожане.

А люди всегда возвращаются в те места, где они очень ждут.

Моя поездка в Гагарин была прикосновением к своей и чужой молодости и надежд на ее новое продолжение.

Я шел по уже знакомым мне улицам, прощалясь со своими новыми знакомыми и твердо верил, что вернусь еще сюда с тем самым чувством, с каким человек возвращается в свою, с детства родные места.

**С начальником учебного цеха
Харьковского тракторного завода
Павлом Андреевичем
ЯРМОЛЕНКО**
Беседует
кинорежиссер А. КАРАВАЕВ

Павел Андреевич Ярмоленко я знаю давно. Мы часто встречались, говорили с ним о проблемах трудового воспитания, порой спорили. В результате этих споров появился сценарий, а потом уже и сам фильм «Стеклянная дверь». Я получил много писем от учителей, школьников и родителей. И понял, что многое в моем фильме осталось «на кадре». После этого состоялся еще один разговор с Павлом Андреевичем.

Учебный цех ХТЗ можно с полным правом называть экспериментальным.

Вот уже десять лет здесь идет исследование и «отладка» сложнейшего механизма — механизма выбора молодыми людьми своего жизненного пути.

Перед советской молодежью открыты все двери. Но как же возможны выборы из чего не скажи? Собираются ли пойти на софтверную дверь. Есть еще интересы общества — как согласовать их с интересами отдельной личности? «От каждого по способностям...» — это часть формулы социализма требует, чтобы «коэффициент полезного действия» каждого гражданина был максимальным.

Однако социологи дают нам не слишком утешительную картину. В крупных городах из 10 выпускников школы 9 стремятся «в институт». Пречем молодые люди знают о своей будущей профессии чисто понаслышке, в общих чертах, а иногда просто идут в институт, куда легче поступить...

Но вот другие цифры — из 10 вакансий, зарегистрированных, например, в Харькове, 9 приходится на «рабочие» профессии.

Как применить это противоречие? Как помочь молодым людям найти свое место в трудовой жизни? В учебном цехе ХТЗ ищут пути решения этого вопроса, ища пути к социальной ответственности. Интуит ученого: Харьковский тракторный награжден премией Ленинского комсомола за трудовое воспитание и профессиональную ориентацию молодежи.

Первый вопрос, казалось, какой-то легкий и далекий от магистральной темы, и задал начальнику цеха до того, как мы осмотрели учебные помещения, еще когда шли по длинному, зеркально чистому коридору...

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ, ПОЧЕМУ ВСЕ ДВЕРИ, ВЕДУЩИЕ В КЛАССНЫЕ КОМНАТЫ И НА ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ УЧАСТКИ, СТЕКЛЯННЫЕ? ЭТО ЧТО, ДЛЯ КРАСОТЫ?

— Все почему-то задают этот вопрос первым. Нет, не для красоты. Это педагогический прием и, если хотите, символ деятельности цеха. Ребята, приходящие сюда, должны видеть все, что делается на каждом участке, в лаборатории или классе. Могут быть, что у них есть идеи, которые на практике окажутся ошибочными — дело сложное. Каждая-нибудь деталь, случайно подсмотренная, может по-особенному привлечь интерес. Конечно, молодые люди много слышат о профессиях и в школе, и на встречах с рабочими-переводчиками, и по радио, и по телевидению: профессиональная ориентация — тема нынче модная. Но помните пословицу? Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать...

— НО, НАВЕРНОЕ, «УВИДЕТЬ» ПРОФЕССИЮ ИНТЕРЕСНЕЕ В ЦЕХЕ НАСТОЯЩЕМ, ПРОИЗВОДСТВЕННОМ, А НЕ УЧЕБНОМ?

— Думаю, что не совсем правы. Прежде всего оборудование нашего цеха мало отличается от заводского. Но тут дело в ином — основной психологический настрой возникает у юноши или девушки, когда они видят, как работают их сверстники. Тут уже могут, что настает момент, когда руки...

— Конечно, увидеть можно. Но это может рожаться только первый, ребячий интерес. Нужно еще и «потрогать» то, что тебе приглянулось. Мудрая пословица есть смысл продолжить: чем раз увидеть, как работают Стеклянную дверь нужно открыть...

— И КТО ЖЕ ЕЕ ОТКРЫВАТЬ?

— Пять раз в неделю лаборатории и производственные участки цеха заполняют старшеклассники пятницами школ района. Каждый школьник проводит здесь один день и неделю: занимается производительным трудом...

— ЧТО ЖЕ ТУТ НОВОГО? ВЕДЬ В КАЖДОЙ ШКОЛЕ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ МАСТЕРСКИЕ...

Вместо ответа Павел Андреевич увлекает меня на экскурсию по дому. Мы поднимаемся на токарный участок, где установлены 32 станка современных моделей. Рядом, в большом

металлоломом сдавать будут. Ну, мы прямо возмутимся: зачем же мы работали? Может, потому ребята труд плохо посещают...

А девушка рассказывает, как они учились пропицывать пуговицы... к новосулю пласти.

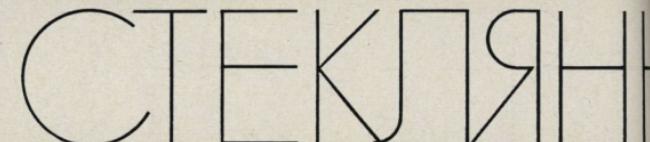
Нет ничего страшнее пустой работы. Человек может не просто от мускульных усилий, а от труда производственного. В учебном цехе все серьезно.

— ВЫБОР ПРОФЕССИИ РЕБЯТА ДЕЛАЮТ САМОСТОЯТЕЛЬНО?

— Основным да. Где-то в первой декаде сентября молодые люди пишут заявление о своем выборе. К тому времени они уже знакомы с цехом — мы систематически проводим экскурсии гиколиков средних классов района, рассказываем им о наших профессиях. Ребята уже заглядывают через стеклянную дверь.

И все-таки стремление молодых людей еще не очень уверенно, не очень осознанно. Некоторые пишут заявления о выборе, но не определяют его. Но что же, это не беда в течение первого полугодия можно перейти на другой профиль производственного обучения. Когда девятиклассник приходит в цех на второй год обучения, он тоже может переменить профессию. Но «уронены» серьезности, повышается — теперь уже нужно аргументировано защитить это свое решение перед начальником цеха...

Твоя профессия

зале, ребята работают на плоскошлифовальных, круглошлифовальных, фрезерных и еще каких-то станках, названия которых я не запомнил. В металлоизмерительной лаборатории работают бракеры — вот, кстати, кто установил в заводских лабораториях Аппараты электротехнического участка, такие же, как в современном электротехнике. Единим словом, тут все «как у взрослых».

— Может ли даже самая большая школа мечтать о таком оборудовании? — теперь уже сам спрашивает начальник цеха. — Нет, конечно, государственного смысла такая...

Когда девятиклассник приходит к нам в цех, мы问他: «Чем ты интересуешься?» — может подбросить себе в 10 профессий. Называния их мы написали крупными буквами на входе: токарь, становщик широкого профиля, слесарь (сборщик, инструментальщик, ремонтник), электрик, радиомонтажник, шофёр, столяр-модельщик, чертежник.

Перечень этот не случаен. Специальный исследованием, в котором участвовали работники заводских отделов кадров, мы установили, что в нашем районе, районе заводов-гигантов, самым распространенным наименением профессии является «инженер». И сажающие школы могут встретиться здесь, в пеке, на саже, что ни на есть серьезном уровне.

Потом, когда мы снимали фильм, девятинадцатицати из другого района города нам рассказали:

— На уроке труда делали мы сажи на отметку. Ну, так же точно и вешалки делали и другое. Поставили мне пять баллов. А на занятия приходили мы в школу и смотрим: все наши сажи в ящике валяются, это их на

такое «нашуливание» дела, милого твоему сердцу, значительно естественне и легче протекает в областной учебной четким темпом в трудовой жизни. Как мучительным бывают для молодежи эти долгие, тяжелые, в которых установлены в заводских лабораториях Аппараты электротехнического участка, такие же, как в современном электротехнике. Единим словом, тут все «как у взрослых».

— СЧИТАЕТ ЛИ ВЫ ТАКИЙ МЕТОД «ПРОБ И ОШИБОК» САМЫМ ЭФФЕКТИВНЫМ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ МОЛОДЕЖИ?

— Это очень трудный вопрос. С одной стороны, выбор будущей профессии молодым людям — да, так сказать, что однажды, когда мы выбрали, это неизменно. Профессиональная ориентация стала военно-технических, социальных, психологических и моральных аспектов, что для ее успешного проведения необходимо целый комплекс серьезных мероприятий, целая сеть специальных учреждений в масштабе всей страны.

С другой стороны, действительно нет ничего более надежного для выбора профессии, чем «попробовать» ее, самому поработать в той области, в которой получалась впечатление. Но мы, конечно, понимаем, что 10 профессий, которые предлагают «на выбор», ребятам, да, не исчерпывают многообразия их интересов.

Реально понимая сложность этого жизненного противоречия, мы стараемся решить за-

дачу комплексной. В учебном цехе ребята с основами современного производства, изучают технологию металлов, электротехнику, экономику, основы измерительной техники. Используются самые разнообразные формы и методы профессиональной ориентации. Это и встречи с рабочими различных профессий и инженерно-техническими работниками, фильмы о мастерствах своего дела, специальные беседы преподавателей, советы по выбору профессии, практики на производстве для того, чтобы лучше исследовать психофизиологические качества молодых людей, прежде чем давать им советы в выборе профессии. И тут поможет централизация: при таких цехах, как наш, «службу профориентации» организовать проще, и она будет надежней, чем если делать это в каждой школе отдельно!

— СЕЙЧАС МНОГО ГОВОРЯТ О ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ КОМПЛЕКСНОМЫХ ПУНКТАХ. ОБРАЗОВАНИСТЫ ПРЕДЛАГАЮТ СОЗДАТЬ В КАЖДОМ РАЙОНЕ, НО, ПРОСТИТЕ, ПОЧЕМУ ОНИ ДОЛЖНЫ БЫТЬ ИМЕННО ПРИ УЧЕБНОМ ЦЕХЕ?

Этот вопрос принципиальный. Десятилетний эксперимент, ведущийся в нашем цехе, убеждает, что наиболее устойчивые интересы к будущему своему делу пробуждаются у молодых людей, когда профессиональная ориентация ведется совместно с трудовым воспитанием, трудовым обучением и

вются, а интересы станут более определенными и устойчивыми. И, наоборот, те, которые к техническим дисциплинам не способны, выяснят это в годы обучения и уже не направят свои стопы в эту область человеческой деятельности. Причем выражение это происходит не просто в беседах, не в общих разговорах, но и в производственных практиках, в производственных стажировках с современным производством, в процессе производственного труда. Как я уже говорил, у нас все ребята открывают стеклянную дверь...

— МНОГО ЛИ В СТРАНЕ УЧЕБНЫХ ЦЕХОВ?

— Пока не очень много. И называются они по-разному — в Москве, в частности, работают 4 производственных комбината в Кирзовском, Ленинградском, Baumutском и Пермском районах. Есть учебные заведения учебных заведений и в других городах — в Октябрьском районе Ленинграда, на Черноморском судостроительном заводе в Николаеве и в некоторых других городах.

Дело тут, однако, не в количестве и не в разных названиях, а в том, что такие учебные заведения являются детскими отделениями энтузиастов и не имеют четкой, теоретически и практически обоснованной программы, определенных педагогических принципов. Многие учебные цехи просто копируют работу профтехучилищ, учат ребят какой-

мент, механизмы для зашторивания окон и многое другое. Всего продукция реализуется за год на 45—48 тысяч рублей, что, конечно, не окупает расходы на содержание цеха. Но разве в таком деле уместен такой подход? Ведь это же школа нового рода — с демократической отчетливостью. Академик Струминский считает, что каждый рубль, затраченный на среднее образование, возвращается обществу шестикратно. Уверен, что выгода от учебных цехов еще больше.

Но опять же дело не в рублях. Я думаю, что если бы наш цех наставлял на путь истинный даже скажем, 20 человек, стоило бы его содержать...

— А СКОЛКО ОН «НАСТАВЛЯЕТ» В ДИВИДЕРЬНОСТИ?

Здесь трудно назвать цифры. Завершив трудовую подготовку, рабочие разряда получают около 60 процентов учащихся, что составляет примерно 800—850 человек. Более 200 из них ежегодно идут работать на ХТЗ. Но менее 400 — на другие заводы района и города.

...В кадре трое из четырехъех:
Владислав ВОРОНИН, токарь завода «Электротягозавод».

Что мне для учебного цеха ХТЗ? Прежде всего — это и матер первые мозги. А это уже немало... И потом, там было сердечное отношение к труду. Ведь все дела, которые мы делали, или в скобки! Работал я, конечно, и в школьной мастерской, но в учебном цехе настолько боевые ставки. А это совсем другое дело... (Владислав только что демобилизовался.)

Саша ШУТОВ, слесарь-электромеханического завода.

— У меня новая профессия: слесарь-конструктор. Мы создаем универсальные приспособления для стакнов. Именно создаем, сами придумываем, сами вычерчиваем, сами делаем. Это, конечно, требует немалых знаний. И все это, конечно, в основе давали нам в учебном цехе. Очень помогло для моей теперешней работы.

Женя БОНДАРЕНКО, слесарь-сборщик ХТЗ, комсорг цеха 1-5.

— И мы будем новый трактор «Т-150» — гигант, прорыв, где бы я с ним увидел, когда с этого конвейера скатится или на обратке, во мне поднимается какое-то чувство гордости — я это сделал своими руками! Это очень большая радость...

— А когда вы впервые такую радость почувствовали?

— (Улыбка.) Когда впервые в учебном цехе плоскогубцы сделала. Сам изначала до конца. Я их потом для своей наставлял, он учил, как это делать. И я тоже учился...

Павел Андрианов назвал также цифру, как будто не имеющую прямого отношения к учебному цеху. По материалам лаборатории конкретно-социологических исследований Харьковского университета 33 процента студентов уже на третьем курсе заявляют, что, если бы им раньше сказали, что выбрали бы другой вуз или другой факультет. Исследование подтверждает, что в технических вузах эта цифра ничуть не меньше. Поэтому, можно сказать, третья степень состоит в том, что помимо производственного пути, который приводит к рабочему месту, существенно снизит этот «коэффициент неуверенности».

Есть вещи, которые количественному анализу не поддаются. Как измерить воззможности личности в процессе производственного труда? На какой школе отложились ту уверенность в себе, которую дает парни или девушки удостоверение о рабочем разряде?

Сейчас в Харькове по решению горкома партии создается учебные цеха еще в двух районах. Называть они будут точнее: «Политехнические цеха». Комиссиями предстоит выбрать и сформировать рабочие группы. Там можно сделать также простые типометры? Нет, не в смысле архитектуры, а в смысле единных принципов политехнического.

Десятилетний опыт учебного цеха ХТЗ голосует за это.

политехническим образованием. Конечно, нужно выявлять способности молодого человека, его склонности к той или иной профессии. Но практика показывает, что эти способности можно также развивать и направлять. Предлагается, как это важно для общества. И потому мы призываем ведущих в профессиональной ориентации подход воспитательный, которому должен быть подчинен подход диагностический. Давно известно, что воспитание профессиональных интересов происходит главным образом в труде. Для этого лучшее место — учебные цеха при крупных заводах.

— ПОЧЕМУ ЖЕ? А ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКИЕ ЦЕХА? ВЕДЬ ВЫБОР ПРОФЕССИИ В ИХ ДАЛЕКИ В ПРЕДЕЛЫ ОДНОГО ГОРОДА ИЛИ ОБЛАСТИ? ЗАЧЕМЛЬНОШИРЬЕ, ЧЕМ В УЧЕБНОМ ЦЕХЕ!

— У нас разные задачи. Профтехучилища готовят рабочих определенного профиля. Туда идут ребята, уже сделавшие выбор. Там главное — профессиональное обучение. И хотят у нас многие тоже помочь рабочий разряд, но главное все-таки не это. Главное — дать всем школьникам стимул к изучению широкого круга технических образований, от которых зависит направленность и результаты трудового обучения, облегчить молодым людям выбор жизненного пути.

У нас обучение обязательное — все ребята должны сдавать экзамены, как и по каждому предмету школьной программы. Таким образом, учащиеся, которым имеют склонности к технике (пусть они даже сами этого не подозревают!), найдут себя в процессе обучения в нашем цехе, их склонности разви-

тятся, а интересы станут более определенными и устойчивыми. И, наоборот, те, которые к техническим дисциплинам не способны, выяснят это в годы обучения и уже не направят свои стопы в эту область человеческой деятельности. Причем выражение это происходит не просто в беседах, не в общих разговорах, но и в производственных практиках с современным производством, в процессе производственного труда. Как я уже говорил, у нас все ребята открывают стеклянную дверь...

— НА ВАШЕМ ЗДАНИИ ВЫВЕСКА: «УЧЕБНЫЙ ЦЕХ ХТЗ». ПОТОМУ, ЕСТЕСТВЕННО, ПРОБУЗИТ ВОПРОС: КАКОВЫ ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ ВАШЕГО ЦЕХА?

— Мы выполняем реальные заказы — делаем детали нового трактора «Т-150», инстру-

а тренер

Kак-то во время нашего разговора он искренне признался:

— Раньше я мечтал, чтобы мой ученик взял высоту «два двадцати». И, конечно, что при этом была у него прописка бердичевская. Тренер звонил папе Смирнову народному СССР на два двадцать три прыжки, но... Ольга в Минхене выступила неудачно. Вот если бы мне подготовить чемпиона Олимпийских игр или рекордсмена мира, тогда можно было бы сказать, что цель достигнута и жизнь не ари прошла, хоть какой-то, а свой след оставил...

— И что было дальше?

— Ничего. Продолжал бы тренировать дружину... — сказал он.

Достижение цели он не связывал с какими-либо специальными знаниями, как бы это получше сказать, служебным положением. Я же говорю: Не ждал от этого никаких особых материальных благ или почестьей. Победа была ему необходима сама по себе. И не как простой триумф, а скорее как доказательство своей правоты. Для самоутверждения.

Одни только смущали в его отете: не верилось, что, достигнув цели, он успокоялся. Скорее всего заветная победа станет лишь завершением одного этапа в жизни и началом следующего. Как в любви, раз и пассажи избралином видят любовь к детям, он еще немножко поднимет планку, и борьба начнется снова. Но уже с другой высотой.

В конце концов любые нации дали связанные с теми или иными обстоятельствами. И высота в два метра двадцать сантиметров, которая когда-то казалась Лондонским «голубой мечтой», была определена не из-за «круглогодичности» цифры. Ее «подсказала» обстоятельства: в пору, когда она родилась, специалисты доказывали, что в производственных вымпелах прыгуна, который возвышает более «две двадцати», не преодолеть этот рубеж, нужно же освоить условия для этого прыжка, нужны помочь квалифицированные специалисты. Их может дать только большой город. Факты вроде бы подтверждают верность такого вывода: лучше «высотники» жили в Москве, Ленинграде, Киеве, Тбилиси. Но Лондонский увидел бесспорные истинки малозначимых изысков: спортивные биографии многих будущих чемпионов начинались не от шумных столиц. Они перебрались туда с болидами багажом, накопленным в немецких спортшколах. Свои победные старты они начинали с заранее подготовленных позиций. А если так, то могли, выходят, и на первенства показывать отличные результаты. Он верил в это. И родной Бердичев — это же не спортивная «глыбина» — мог стать как бы опытным подтверждением его надеждений. А despite сантиметров — довольно весомая надбавка к тем 210, которые отпускались ему, согласно «теории кратчайших горлов».

Так родилась мечта о «двуах двадцати». Вот почему он думал не только о победе своего ученика, но и о том, чтобы у того была бердичевская прописка. Он хотел бы убедительности по всем пунктам. Призыв Ахметова в августе 1971 года доказал не только превосходство бердичевского прыгунка над своими соперниками, но и сам факт стартовой приватности его тренера. Хотя, откровенно говоря, путь к этой цели был доказан другими воспитанниками Лондона. Но хватало тем чистоты» опыта: высшие свои достижения они показывали, проживая в иных городах.

Я спросил Виктора Алексеевича, в чем главная трудность обучения прыжкам в высоту. Он решил, что и интересуюсь часто спортивной стороной дела:

— По-моему, тем, что от тренера требуется не только подготовить спортсмена физически и технически, но и психологически. Прыжки тут есть связь между. Психика прыгуна-высотника должна быть одна, чем у любого другого спортсмена. От всех видов спорта прыжки в высоту отличаются тем, что заранее определен рулетка, который спортсмен должен преодолеть и, когда этот рубеж ему удастся все-таки взять,

судья несумолимо поднимет планку еще выше. Это продолжается до тех пор, пока прыгун не сдается. В борьбе, боксе побеждил — и поединок кончился. В метаниях или в прыжках в длину — послал снаряд или прыгнул настолько, насколько хватило сил. А в высоте нет. Планку будут поднимать, пока ты ее не сбешь.

— Да. Но можно и не идти на последнюю, непрерывную линию твоей, высоты. Взял, сколько можно, и сошел.

— Какой же настоящий спортсмен откажется от борьбы до конца? Да и победа над предыдущей высотой как бы убеждает его: восьмидесят и следующую. Вот Рустам Ахметов на пятой Спартакиаде народов СССР, взял 223, стал уже чемпионом, пошел на мировой рекорд. Честно говоря я знал, что рекорда ему не установить: не готов, не еще физически и технически, не отработано все это. Короче, восьмидесят и следующая ему привнесла в этой высоте притяжение, побороть сейчас, окрыленный победой. В следующий раз будет легче переходить психологический барьер неизвестности: с этой высотой я, мол, уже знаком...

Невольно напрягалась на параллель: насторожнее, и сам Лонский вот так же все время поднимает свою «планку», стараясь перед собой задачи, разрешенные им и ставя новые. Иногда его постигали неудачи, но, поднявшись и омывшись вновь, он стоял. Конечно, вспоминаясь, он еще не хотелось. Во-первых, сравнение это лежало, как говорит-ся, на поверхности. Но главное: приближалось рассмотрение его тренерской пуль если и походил на какой-либо вид легкой атлетики, так разве что на бег с препятствиями.

Хотя наш разговор шел о спорте, я, задавая свою вопрос о трудностях при подготовке прыгунов высоты, не мог не обратить спортивную сторону дела — это потому, что есть спортивные, спортивные высоты, и спортивные прыжки, досконально разработанные методики, — я спрашивал о другом. Еще в Москве и слышал — о «школе Лонского». О ее самобытности и силе говорила такая статистическая подробность: Виктором Алексеевичем подготовлено пятнадцать мастеров спорта по прыжкам в высоту. Чтобы эта подробность «занялась» действительно, я спросил: «Были ли среди выпускников школы чемпионы страны и Европы среди юношеских, юниоров, взрослых. Они исключали полигон, миграя с сильами с прыгунами других стран. И вот сижу я в тренировочном зале этой самой знаменитой «школы Лонского» и не понимаю, кто тут вообще можно научиться хорошо прыгать, не говоря уж об уровне «мировых стандартов».

То, что возодил это здание лет двести назад, можно было бы назвать его спортивным будущим. Затем текнотек, текновек. Построили массивными колоннами, поддергивающими свод, старшая грунта прыгунов играет в баскетбол. Площадка 18 × 8 метров. Между колоннами и стеной с нашей стороны младшие отрабатывают технику «перекидного». Прыгают с места на место, подстраховывая друг друга. У противоположной стены натянуты канаты римской и тренер Николай Самойлов обясняет своим ученикам, что это прыжки в брусья.

Потом старшие в «школе» на базе «баскетбольной планочки» устанавливают стойки,астанильные, уложили мешки с поролоном, отмерили длину разбега, начали прыгать. Они взлетали над планкой с такой легкостью, — что «перекидным», кто «фосфори-блоном», — что подымались и самому пробовать. Я сдеркался, а вот тренер по боксу не смог. Кто был в боксерках и тренировочных костюмах, раз пять разбегался и бросался вперед с немедленным корвом, падая на полуподготовленное лицо.

Я спрашивал Виктора Алексеевича:

— Вот говорят: «школа Лонского», вы сами какой смыслкладываете в эти слова?

— По-моему, то, что вы видите, и есть «школа». Вот мы с вами сидим в сторожке. Я не занимавшись, а ребята сами прошли хорошую разминку, сами начали отрабатывать технику. Сразу прыгали, а младшие сейчас залезутся силовыми упражнениями. Я могу даже уйти, ни ритм тренировки, ни дисциплина в зале не

изменяется. Все идет вроде само собой. Этак, кстати, многих сбывает с толку. Представьте же нам, а едут отююю, посмотрят — посыпят и говорят: это легко. А позже у самих не получится. Потому что едут за «секретами», за готовыми рецептами, чтобы взять и применить, и себя и чтобы сразу все получилось...

— А нужно же зачем приезжать?

— Нужно понять и перевернуть суть. «Секретов» таких не было и нет. Вот были у меня Тимофей и Евгений из крымского села Елань. Вот тот быстро понял, что чему: нужно просто много труда, рано лежать, поздно ложиться. Мы с ним с энтузиазмом регулярно первые съезжаемся. Недавно сообщил: оно одна норма культуры спорта выполнена.

Он говорил вещь настолько очевидную, что она не осталась ни малейшей зацепкой для спорта. И все-таки увиденное не укладывалось в привычные стандарты. Тренируя действительность, становился неправдоподобно легким. А если говорить о числе условий тренировки, то становится очевидно, что спортивный норматив наблюдателя и вовсе становился непонятным, как и у кого ученики Лонского учатся учащихся...

Несколько дней подряд я приходил в спортзал утром, днем, вечером. И в будни и в праздники. Разные группы, разные возрасты. Только одни и тот же азарт. Одна и та же дисциплина. Иногда мы с Виктором Алексеевичем поднимали планку, а иногда — спортивные тренажеры. Я обмылся, что в этой кипучей жизни я не сплю, а потому нам лягут прыгать. Но оторвенно говорю, кроме всего, мне хочется увидеть, как поведут себя прыгуны в отсутствие тренера.

А все так же: прыгают. Объяснения: «спожилил» свою школу, а потому все просто... мало. Даже убедительные примеры Лонского не помогают.

Понимаю, главное — научить ребят работать. Самостоятельно. Самостоятельно мыслить, оперировать свое прошлое, ошибки, исправлять их. У нас ничего не стоит учиться прыгать. Есть такие, что приходят в зал и сами все постигают. Так уж поставлено. Раз к нам пришел — значит, попал в такие условия, что запрыгает. Взять того же Анатолия Морозова, чемпиона Европы по прыжкам в закрытых помещениях. Я даже не помню, чтобы когда-то учил его чему-то особенному. Новички приходят в зал, спасибо, прыгают, потом пробуют сами. Более опытные подсказывают мне опытным. Короче — полная личная инициатива. У нас даже старост нет в группах. Если прыгнешь тренироваться по своей воле, то тебе не нужно подгонять. Этo же ясно...

— Да, но не исса роль тренера.

— Тренер должен помогать ученикам развивать личную инициативу, самостоятельность мышления. Я имею в виду только в тех случаях, когда ученик не знает, что ему делать. И это получается. Знаете, я ученый, что друг у меня не получается. Это легче перенимать. К тому же приходит один ко мне мальчишками, в том возрасте, когда все схватывается на лету и быстро усваивается. Смотри на младших — техника прыжка не хуже, чем у мастеров. Сил только не хватает, а также все уже есть...

— Хорошо. С чего все-таки начинать мы?

— На самом деле стали специализироваться в прыжках в высоту?

— В детстве я играл рядом со стадионом. Так что тяга к спорту была естественной и давней. Когда учился в машиностроительном техникуме, участвовал в соревнованиях, это укрепило желание стать тренером. В 1955 году я и окончил в Киеве институт физкультуры и вернулся в Бердичев. Работал преподавателем в ремесленном училище, лаборатории в педагогическом. Тогда же я начал заниматься с прыгунами на общешкольных первых прыжках в высоту и в дальнейшем.

Почему все-таки прыгают? Вспомнил, что я любил этот вид спорта. Сам когда-то прыгал. Во-вторых, в условиях Бердичева неизвестно было рассчитывать на большой успех ни в чем другом, кроме прыжков...

— Почему?

— Нынешний уровень результатов в легкой атлетике требует круглогодичной тренировки.

иgem гальше

А у нас в городе нет ни современных спортзала, ни стадиона. Прыжкам в длину нужна длинная дорожка, специальная яма. Всем видимо бега — тем более. Метания требуют специального оборудования сектора. И только прыжки в высоту достаточно паттайской метров для разбега. Практически везде можно прокатиться на кордофоне любой школы.

Такие субъективные и объективные причины были еще одна: традиции Бердичев. В нашем городе вырос Владимир Ситинкин, первый советский прыгун, преодолевший два метра. Естественно, мы считали, что прыжки в высоту — наш «конек».

Кстати, в том, чего я достиг, многим обязан лично Ситинкину. Он, даже не догадываясь об этом, убедил меня, что и в Бердичеве можно вырастить хорошего прыгуна. И потому что наивысшие достижения в нашем училище он прокладывал. Он прыгал виску и веде. Натягивал в городке веревки и прыгал десятки, сотни раз подряд. Или приходил на спортивно-оздоровительную базу, лежал на земле, в яме для прыжков, ставил стойки — и прыгал. Вскоре он установил подряд несколько рекордов страны для мальчиков. Потом — и для взрослых. Этим летом он уже переехал в Киев. Но, наиважнейшее, он приходил ко мне на тренировки, засыпался, обсыпался тонастостью.

— Вы старые Ситинкины на сем языке. Вы окончательно забыли, что вы — мастера диплома тренера, он же был, по существу, еще мальчиком, и вы говорите, что подсказывали он вам, а не вы ему...

— Но именно так было. В ученики неизменно, кто старше, кто младше. Но возраст решает успех дела, главное, чтобы тот, кто учит, знал больше того, кто учится. А Владимир в прыжках разбрался лучше меня. Он и показал мне. Мой личный рекорд остановился на высоте 175 сантиметров. Да и прыгал я «перекатом». Но это постепенно самим прогрессивным стилем — «перекатом».

Когда же пришли первые успехи?

— Пожалуй, в шестидесят втором мои ребята стали показывать высокие результаты. До этого они уже хорошо прыгали. Мастером кое-кто стал. Но нужно было выигрывать и убедительно.

— Другими словами, прошло семь лет, прежде чем вы смогли с уверенностью сказать: мой труд не прошел...

— Да, прошло семь трудных лет. За это время и мы разошлись в отпуске. Не знали выходов. Только работа. Ложились спать, а утром на прыжках и вставали с нею же. Чего только не изобретали, приспособлениями для фиксации высоты прыжка... Тендеры я вижу, что все это линии. Что все должно быть прописано и естественное. Но к этому выводу нужно было прийти в результате долгих поисков.

Иногда мне и самому кажется: как все просто, зачем и потратили столько линий сил? А потом убеждаешься, что они не были линиями... Я заложил базу, которая только теперь принесла результат.

Он заложил фундамент «школы» Лонского. Не надо эти слова понимать в чисто профессиональном смысле. Категория «особенность обучения прыжкам в высоту» давно открыта и обласнена в бесчисленных монографиях и диссертациях. Не изобретены порозы, выдуманные упражнения, вырабатывающие быстроту и варьированную мощь, — столь необходимые прыгуну качества. Все рационально давно придумано. Нужно только уметь ими пользоваться. Заслуга Лонского в создании своей школы. Он отдал себя своему делу целиком. Жил им и жил. И те, кто научились у него прыгать, не могли не научиться быть настоящими, неподражаемыми мастерами прыжек. Они учились работать не за страх, а за совесть. Учились не скрывать от неудач, не отступать. Они учиха их вере в самих себя, являя собой пример преданности делу и человеческого труда любви.

Николай Самойлов, тренер по боксу, не зря

так лихо брал метр семьдесят. Он племянник Алексеевича и мальчишкой тренировался у него. Но как-то Лонский заметил, что Коля стал покуривать и вроде бы даже бравировать, что его даже тренер Борис Барановский замечтал о нем уговоры сестры, вытаскал парня из секции. Правда, любовь к спорту была посenna и. Николай вернулся со временем в тот же зал уже тренером. Но факт остается фактом, он не прощает несерезногого отношения к делу никому.

Как-то, возвратясь к разговору о психологических нагрузках, которые испытывают во време состязаний прыгуны в высоту, и спросил, как нужно воспитывать их волю, психику, чтобы они не падали в самый момент прыжки. Лонский объяснил, какие качества и какими средствами нужно вырабатывать на тренировках, как готовиться к соревнованиям, как «настраиваться» на них, чтобы не «перегреть» ее до выхода в сектор.

— Знаете, — закончил он, — Лонский свое объяснение, — совсем не страшно, что прыгун иногда сбывает планку. Это же необходимо. Но часто сбывает тоже нельзя: можно научиться только это и делать и окончательно развернуться в «шахматной» Эстонии.

Я эту же мысль вспомнил из этой главы к его самой собственной тренерской биографии, и получилось, что в ней он сбивал «планку» — воспользуясь этим термином как символом — гораздо чаще, чем следовало бы. Вернее даже сказав, не сбивал, а ее сбивали другие еще задолго до того, как он брал разбег перед последней рекордной высотой.

В Москве я случайно услышал о Лонском:

— Да ему в его глупые легко — клещет себе мастеров спорта, и никаких тебе забот: тишина, покой, сады, воду, ни конкурентов, ни сколов. Привозишь!

Был в этом замечании намек на сложности столичной жизни, на различные ситуации, которые там бывают в крупных городах.

А Бердичев и привык мал в тех, 60 тысяч жителей. Новое наименование Большой Советской Энциклопедии уделило ему всего четырнадцать с половиной строк и тем не менее сумело расказать обо всех его главных достоинствах (да же о венчании Бальзака на забытло). И как ни старался Лонский приподнять историческую значимость своего города («в этом доме жил гетман Мазепа»), как ни старалась возысить его значение в истории Украины («1708 год»), склоняя Бердичев к будущим торжественным центром: «уступила только Одессе и Киеву»), как ни превозносил его именитое значение («Наша станция заканчивает даже японцы»), и видел ее-то-же тихий городок с огородами и садами вокруг однотипных в большинстве своем домов. Видел тихую Глинилость, извивающуюся у полуразрушенных крепостных стен Бывшего монастыря босых кирасиром, и заречную сторону города, серую от оголивших в зиме стволов фруктовых деревьев, которых листья опадли, головы деревьев залезли все же это одиночные дубы. Даже германские короны смотрелись прызматично, однотипными, непонятною массой зданием с неусыпными колоннами неведомого архитектурного стиля. Эдакий поздний ренессанс в провинциальной трактовке. И базу тихо-проприетарному голенист, меторкоплив и щедр. Хозяйки по пути домой надрываются авоськами, из которых гладят надменные гусаки. Птицы напоминают человеческие головы, и они на каждом шагу, как в магазине, прокричат. Аlobioni! Целые горы на призраках! Положены на весы три штуки — они с легкостью перегибают килограммовую гирю.

Сюда и впрямь хорошо бы прехват и забыться от шума и напряжения большого города. И Виктор Александрович мне признался, что вот из этого покоя он и не хочет менять. Бердичев ни на какой другой город, хотя замечаний предложений было немало.

Все-таки есть в этом городе и свое «но». Я имею в виду «но» для Лонского: 60 тысяч человек — это не просто своеобразный уют, неторопливо и покой маленькою городка. Это —

отсутствие театра, хорошего стадиона, института. Новое издание БСС отстало: пединститут, о котором оно упоминает из Бердичева, давно не работает. И теперь запущенная школа, если хотя бы вспомнить обучение геометрии в другие города. Применительно к работе Лонского это обстоятельство означает, что он лет 7—8 учит, воспитывает, готовит спортсмена и, когда тот может наконец показать хороший результат, приходит время поступать в вуз и расставаться с тренером. А тому с учеником. И учеников не обвинишь в измене, неблагодарности. Так сложились обстоятельства. Несколько вечеров подряд и завтра в зале двух родителей одиннадцати восемнадцати лет тренировались вдвоем. Тренировались истово, со злостью.

Это Журба и Журавлев — обьесники Лонского. — Поступили в киевский институт. А тренировывались сядут сюда.

Тот, кто ездил из Киева в Бердичев, поймет, насколько нужно быть преданным учителю, чтобы пускаться в неблагодарный путь ради нескольких тренировок, поймет, насколько нужно любить этого подсвенотоватый спортивных зачинщиков, настолько же нужно любить и уважать, чтобы ехать сюда, прыгать, влезть под боком спортивные двери столицы Украины. А они регулярно ездят. Во всяком случае, пока. Но насколько их хватит? Жизненные обстоятельства могут сложиться по-разному.

Я спросил Виктора Алексеевича:

— Что самое трудное в вашей работе?

— То, что уезжают лучшие ученики, — сказал он. — У нас их неchedут.

— Много уехало?

— Уехали в основном Ахметова.

Самым тяжелым потерей он считает Игоря Матвеева. Согласно расчетам Лонского, этот парень мог со временем стать самым выдающимся прыгуном за всю историю легкой атлетики.

— Я сравнивал его результаты, показанные в различном возрасте, и, знаете, так никто не прыгал в его годы: ни Брумель, ни Томас, ни Домас. Он мог обойти всех. Но родители Матвеева пересели в другой город. Он поступил в институт, но в другой, чтобы не сидеть мало, и вскоре в концовке монгии граффити.

Поэтому этот причине он не хотел начинать принимать и Ахметова, когда матушка Рустама привела сына в спортив. Откуда было знать Лонскому, что через девять лет этот немецкий худой мальчишка вырастет в отличного прыгуна и с бердичевской прыжкой в паспорте превзойдет заметную высоту тренера — 2207! Проща, сейчас отношение к Ахметову у него иное. Легко понять гордость учителя за успехи ученика. Но в этом отношении я не могу с ним согласиться.

Мне кажется, что Рустам не уедет, — с какой-то надеждой и облегчением сказал Лонский. — Дело не только в том, что он поступил в заочный институт и может готовиться здесь, а уезжать только на сессии. Он, как и я, не любит шумных городов. Его зовут и в Москву и в Киев, а он не уезжает...

Я спросил Виктора Алексеевича, что это прекрасно. Но для через два замата в ноги трофея. Да и я, конечно, что есть в этом прекрасно. Это будет вызывать Москву на медальоне («Две на три, большие, как члены сборной страны»), но прошла неделя, а Рустам не возвращался.

Что-то они тут, а ведь он форму теряет, — сетовал Лонский. Но я видел, что его воли не только спортивная форма ученика.

Наконец, в последний день моего пребывания в Бердичеве, мы с Лонским не выдернули пошли к Ахметову домой. Двери открыты были Рустама.

— А его нет, — говорит она с порога, — потому что прыгнул в десне удрая, сущих на тренировку.

Спортивника в тот день не работала. Городок хот и не вели, а пойди размыши его. Да и времени у меня было и обрез.

Тренер, как мне показалось, Лонский был спокойен.

Прощаюсь, я и пожелал ему всего наилучшего и взялась надежду, что его метлы все-таки сбудутся. Я не кривил душой. Потому что видел — теперь их двое, тренер и учени.

ВЗРЫВ-С

Взрыв назначен на десять утра. Все проснулись рано. Уже пять минут, обещанное спать будет жарко, весь день будешь вливать в себя теплую воду, вернее, относительно теплую — при температуре 45 градусов в тени двадцатиградусная вода кажется прохладной.

На трассу выехали четверо: про-раб Сабанов, взрывник Третяк и два практиканта из Тульского политехнического института. До девяти часов необходимо все подготовить к взрыву.

...На двух машинках выезжаем к минной станции. Здесь все готово. В небе ракета — боевой сигнал, через две минуты включают взрывную машинку.

Две минуты, остались две минуты... Василий Романович Третяк сидит у взрывной машинки, готов на-

БОЕВОЙ СИГНАЛ.

жать кнопку, остальные стоят в ожидании. Один из взрывников с любительской кинокамерой шепотом спрашивает, какую же ему поставить диафрагму, хотя он уже об этом спрашивал несколько минут назад. Волнение охватывает каждого. Проделана большая подготовительная работа, потребовало много труда, а сейчас все должно пройти без каких-то неожиданно сюрпризов. Солнце палило во весь [обрати на это выражение, когда на выронивший упала с лица капля пота]. Солнце... Как иногда оно бывает желанно, но здесь, в степи, каждый вечер вспоминаешь все предсказания стариков о том, что, если оно сядет за тучку, значит, будет на следующий день прохладная погода. Но сядет тучку не сразу, и утром либо чистое чистое, и наступит ся ся как на сквородке, которую медленно нагревают. 45—50 градусов в тени, а тени становятся все короче и короче... Дует ветерок, но он не помогает, со степи он гонит горячий воздух. Маленький варан надувается и шипит, как змея, и вид у него такой, что ему тоже очень жарко, в пасти у него ядовитые яды, которые опасны. Глинища в степь — конца не видно, по степи стоят и двигаются маленькие и большие столбы — пылевые бури. Песок проникает буквально всюду, к вечеру на кроватях в за-

РОИТЕЛЬ

голичниках, в которых все живут, толстый слой песка...

...До взрыва меньше минуты.

На воззвышенных местах вдалеке от места взрыва группами расположились колхозники, видны маленькие фигуры людей с флагами — выставлено оцепление. Протяженность взрываемой трассы — полкилометра — 1 200 метров. На них расстоянии через определенные интервалы проходят шурфы, глубина которых зависит от рельефа местности. В соответствии с этим и распределяется количество заряда.

Старший прораб Очаров смотрит на часы — 10.00! Вспыхай! Почва дрогнула! Ощущенный толчок. Мощной стеною поднялся дым, заряд взорвавшись предвидимо, это обусловлено проективным заданием. Большое облако пыли медленно рассеивается, все с нетерпением ждут ракеты — сигнала отбоя, не терпится людям увидеть результат своей работы.

В самые скатые сроки решено построить оросительный канал в Каршинской степи, чтобы как можно скорее сюда привезли вода, напоили землю, людей, животных.

ЕЩЕ КИЛОМЕТР КАНАЛА!

Строительство Ульяновского оросительного канала в Каршинской степи, на котором трудятся рабочими «Союзэнергопрома», далеко не единственное место в Сибири, где встретишь специалистов этого труда.

В последнее время мы все чаще и чаще встречаемся со взрывниками в тех трудных условиях, когда решить задачу строительства можно только взрывом. Их имя уже давно помогает стране.

22 октября 1966 года под Алмайской противоселевой плотиной направляемым взрывом было сброшено в русло реки Вахи около двух миллионов кубометров скальной породы. Ни одно из гидрорусурожий не пострадало. Яванская долина получила воду.

...Трудной и авангардной работой замечены сейчас строители Каршинской стены. Это место обделано. Всю склонную ударной комсомольской стройкой. Через каждые две-три недели гремят над степью взрывы, приближая к завершению строительство канала.

ОКТЯБРЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

1. ЖИЗНЬ НА ПЕПЕЛИЩАХ
2. БУКВЫ ВМЕСТО ИДЕОГРАММ
3. ПОКОЙНИКИ НА ЭКСПОРТ
4. БЕЛЫЕ ЛИ ЛЮДИ УЭЛЬСЦЫ!
5. С ВЫСОТОЙ ДИНОЗАВРА
6. КАЛЕНДАРЮ 35 ТЫСЯЧ ЛЕТ
7. КОНЕЦ ЛЕГЕНДЫ
8. ПАРАШЮТ НАОБОРОТ
9. ПО САХАРЕ НА ЛЫЖАХ
10. БЕЛЫЙ ХОЧЕТ СТАТЬ ЧЕРНЫМ
11. САМЫЙ ХОРОШИЙ ПОДАРОК

«ДООКОЛА СВЯТА», ПНР

В китайской прессе появилась статья, посвященная реформе китайского письма. Статья эта позволяет сделать вывод, что власти решились на проведение реформы, которая позволит преодолеть неграмотность сотен миллионов жителей страны.

Реформа китайской письменности, предложенная неизвестно кому, оказалось сложнее. В настоящее время китайская письменность основывается, как известно, на идеографической системе, в которой отдельные знаки выражают определенные понятия, и является единственным универсальным средством общения между жителями разных стран. Говорят даже, что она стала значительно отличавшимися друг от друга диалектах, что их можно считать членами одной семьи. Поэтому, прежде чем вводить новую письменность, необходимо модифицировать — как поясняет один из известных западноевропейских китаеведов Льюисом Ламарти из университета Монпелье — «язык в школах», говорит Ламарти, — был ужеведен мандаринский диалект, то есть диалект, на котором говорят в районе Пекина».

Таким образом, только после достижения необходимой степени

распространения пекинского диалекта можно будет перейти к замене идеограмм знаками алфавита. Напомним, что китайская письменность, уходящая своими корнями в тридцатый век до нашей эры, расположена на 60 тысячах знаков, большинство которых неизвестно даже самому большинству китайцев. А вот число китайцев, находящихся в последнем обще, не превышает число тысяч. Большинство из них с течением времени подверглось постепенной трансформации. По мере того как расширялся мир понятий, возрастало общее число идеограмм, способствующих четкого графического различия между знаками, но не только все более сложных нерегулярных, но также к созданию композиционного понятийно-графических расшифровок которых требуется не только знания, но и воображение. Например, идеограмма, отвечающая понятию «печаль», является соединением двух идеограмм (одной из которых, вторая «сердце»), суммирующихся в «сердце осени» или в «печали».

Задача этой системы, которая вследствие появления новых понятий могла бы расширяться непрерывно, создавая тем самым новые трудности, является в Китае необходимым условием распространения культуры.

«ДООКОЛА СВЯТА», ПНР

2.

«Когда надо поправить экономическую ситуацию в стране,годно любое средство», — заявил Жан-Клод Диовалль, диктатор Ганти. Следует прямо сказать, что изысканные им средства достойны наследника «Папы Дома» — специальных холодильниках самолетов «Фор-Бит», приложенных к сети Дикси, расположившихся в Новом Орлеане и Майами... покойников. Груз предназначенный для анатомических театров американских университетов, которые давно уже испытывают трудности с подобным учебным материалом.

На Ганти же это не проблема. В течение трех лет покойники обязаны являться за новой ником в течение трех дней. А родственники зачастую не являются, ибо им нечем платить за лечение. И каждый месяц с Ган-

ти отираются тридцать «невостребованных» трупов.

— Может быть, вы скажете, — заметил клиент Анжелис. — Но пон, президент «Эр Ганти», — мы вам гарантируем устойчивую доходку. Вы только заранее обите, сколько товара вам надо и умрете...

«НОВЕДАДЕС ДЕ НУСКО», ПЕРУ

4.

На чемпионате по боксу Южно-Африканской Республике должен был выступать британский боксер Эдди Эвот. Выяснилось, однако, что выходящий в Иоганнесбург газета «Трансвалер» совершил ошибку, опубликовав фотографию Эддя в Кейптауне, кто знает, вдруг среди его предков был кто-нибудь тут постумное, чем это доводилось закона ЮАР! Расследование установило, что папа Эвота — узелес, а мама — малайка, и следовательно, его вполне можно считать бело-африканским, достойным встретиться с ринге с боксером-бумером. Броде об этом в портфеле Нет Эдди Эвот отказался выступать в ЮАР.

— Идиотизм апартнада покутровал меня, — заявил он, — и даже радостная весть о том, что узелес принадлежат к белой расе, не утешает...

«ЖЕН АФРИК», ТУНИС

5.

— Что за черт, ну и движение сумасшедшее мерещатся! — увидев динозавра, несомненно, пробурит кто-нибудь из ошалевших от сэдди шоферов из отряда сэдди Лос-Анджелеса до Палм-Спрингса в Калифорнии, когда появится на экране этого футуристического ящера.

Впрочем, лицо-то как раз будет настоящий. Почти настоящий, а точнее, сооруженный из стали и бетона. Динозавра соорудили — при помощи двоих рабочих — Уэллис Элстоун, профессор палеонтологии на пенсии. Через неделю он покажет свою изобретение публике — и зрителям придется пройти в голову — отсюда с высоты в пятнадцать метров осмотреть окрестности, очевидно, для того, чтобы увидеть, насколько они изменились с тех пор, когда бродили по Земле гигантские личины...

«100 + 122», ЧССР

Работа американского археолога Александра Маршака напоминает работу следователя. Во всяком случае, методы, примененные им в его исследовании, заимствованы были в криминалистических лабораториях, «вещественным доказательством» служил плоский костяной предмет, испещренный зарубками и ямками. Находка была обнаружена в 1865 году у деревни Лартз, во французской провинции Дордонь. Возраст предмета определили в 35 тысяч лет и поместили его в Музее древностей в городе Сен-Клерен-ан-Лз. Там он пролежал еще со с небольшим лет, пока не занялся им профессор Маршак. Техника изучения была обычна для палеоцена, но нова для археологии: наблюдение в бинокулярный микроскоп с меняющимися увеличениями. Результат наблюдения: костяной предмет есть не что иное, как лунный календарь, причем лет этому календарю куда больше, чем шумерской цивилизации, драматичнейшей из известных наций. Исследование кости из Лартза показывает, что люди, жившие в Европе во время последнего оледенения, уже умели наблюдать за пунтными циклами. Более того, они записывали свои наблюдения абстрактными знаками!

Профессор Маршак сумел соединить точность криминалистических методов с логикой археолога. Он исходил из предположения, что сплюснутые календари Египта и Месопотамии являются плодом еще более древних традиций. Изучение кости из Лартза под микроскопом показало, что знаки вырезались на ней в течение долгого времени разными резцами. Ученый исследовал разницу, наклонение резцов, характер гравировки, различия в расположении между знаками. Он пришел к выводу, что первые математические, статистические и графические методы — и сейчас можно с уверенностью сказать: перед нами действительно лунный календарь, результат многих наблюдений, которые записывались на kosti.

Итак, теперь мы знаем, что научные работы начались уже в палеолите...

«ВАЛЕР АКТОЮЛЬ», ФРАНЦИЯ

были самые знаменитые из индийских бандитов, ныне добровольно сдававшихся властям. Тем кончилась освещенная столетиями легендой о маджх-прадешских разбойниках. В непроходимых джунглях, покрытых густым туманом, в горах Чамбала, тысячу лет скрывались люди, по той или иной причине вшедшие с законом в конфликт. Средневековые правители Индии — моголы не в силах были сделать что-либо с лесными разбойниками. Английская колониальная администрация беспуспешно пыталась вынудить их к капитуляции. Полиции молодой республики, правда, удалось достичь некоторых успехов, но бандиты по-прежнему продолжали терроризировать весь штат Мадхья-Прадеш.

Двенадцать лет назад сельский учитель Ачария Виноба Бхаве со своим коллегом Джиджом Грантом Нарасимхой отправился в джунгли, чтобы вынудить разбойников к капитуляции. С собой они взяли только книги и плакаты о новой Индии для начальной школы.

Оказалось, что скрывающиеся в джунглях люди очень слабо представляли себе перемены, происшедшие в стране. Некоторые не знали даже, что такое индустрия и Индия. Ачария Бхаве и Нарасимха оказались успешной, 167 разбойников во главе с атаманом Маджо Сингхом вышли из леса. Сложив оружие, Маджо Сингх заявил:

— Теперь мы знаем, что Индия свободна. Это оружие мы возьмем в руки только для того, чтобы бороться с ее врагами.

«ШПИГЕЛЬ», ФРГ

8.

Французской фирмой «Субмарин» разработан прибор, который служит, так сказать, «спаревателем» на побережье. Он позволяет подняться вверх в случае аварии подводных рабочих. Прибор «Фреази 270» представляет собой что-то вроде спасательного круга, который надувается при помощи сжатого воздуха. Подводник может к тому же дышать воздухом через специальную трубку. Регулирующее устройство обеспечивает постепенный подъем, ибо при подъеме с глубины необходимо не-которое время для декомпрессии.

«УРАНИЙ», ГДР

Экзотический вид спорта так понравился жителям деревушки, что местный лавочник выписал партию лыж и быстро их распродал. После этого вся деревня, радостно глядя, понеслась с высоты птичьего полета.

Кто знает, может быть, привнесутся новые виды трассового спорта? Может быть, не за горами время, когда его включат в программу олимпийских состязаний?

«БИЛЬДЕР ЦЕИТ», ФРГ

9.

По Сахаре! На лыжах! Странновато звучит. И тем не менее именно по сахарским пескам начали кататься на лыжах два молодых шайкера, приехав в небольшую тунисскую деревушку Дуз. Оказалось, что по песку лыжи идут ничуть не хуже, чем по снегу. Каждую утро лыжники забираются на трехметровый бархан и несутся вниз со скоростью 50 километров в час.

На поросших, влекомых волами, на верблюдах и ослах 30 000 крестьян приехали в Джавар, маленький город на западе индийского штата Мадхья-Прадеш. Здесь на специально сооруженной трибуне стояли премьер-министр штата, шеф полиции и почетные гости. Когда перед трибунами появились 167 мужчин, вооруженных карабинами, собравшиеся запели. О пришедших знали все, но мало кому удавалось их видеть. То

пославшие в министерство внутренних дел.

Если оно будет одобрено, Атул вступит в открытый конфликт с самими представителями власти, и все это скажется на его семье. Его супруга разделет взгляды мужа, решившая, что если останется при нем, то ЮАР запрещены брахи между негром и белым.

Несмотря на все это, Атул рад, что наши силы осуществят свое решение. Но если мы будем отступать, получим примером всем белым гражданам ЮАР, которые разделют его антирасистские убеждения.

«ПАРАЛЕЛИ», ИРБ

10.

Белый гражданин Южно-Африканской Республики Лайонел Атул направил официальное послание президенту ЮАР. В письме, в котором потребовал рассматривать его не как белого, а как негра.

«Мне стыдно за то, что я имею право на привилегии только потому, что я белый», — пишет Атул. «Мне стыдно за то, что я и автоматически включен в насту холмов, которым террористы ЮАР не дают покоя, — и потому, что они имеют темную кожу. Мне стыдно за то, что многие мои соотечественники называют меня тем, как я расположалась всем, и это только потому, что я негр. Я хочу исполнить эту свою вину, избавиться от чувства стыда. Я хочу жить там, где большинство жителей нашей страны — разделить их судьбу. Я стремлюсь к этому ради своих детей, которых я до сих пор не могу назвать, потому что я знаю, что я должна быть равными, в то, что негры также же люди, как и мы».

Лайонел Атул был одним из многочисленных журналистов в редакции «Ногансенсбургер». Неожиданно он отказался от прекрасной перспективы, ушел из редакции и начал самостоятельно писать. В результате этого вышла его книга «Мисс Ногансенсбургер» — уродливая и досадная история, которую он начал писать под второй книжкой, также посвященной актуальным политическим событиям.

Антирасистские позиции Атула известны давно: он открыл зарубежные учреждения ЮАР, занимавшиеся в свое время негритянами, оставшиеся совсем одинокими. Это явилось первой открытой демонстрацией против занонов ЮАР. Вторая —

«ЛОВ И РИВОЛОВ», ИРБ

Рисунок Геннадия НОВОЖИЛОВА

ЖУКОВСКИЙ

Светлана СОЛОЖЕНКИНА

Пзвестно, что доктор Штольц спросил Пушкина, не желает ли он видеть кого-нибудь из близких друзей.

— Разве вы думаете, что я могу это?

— Нет, не потому... Но я поглядываю на эти, невольно заумасалася: случайными ли было желание умрачившего Пушкина увидеть Жуковского?

— Да, но я бы желал видеть Жуковского, — сказала Пушкини.

Не раз рассказывалось об этом предсмертном намерении поэта. И, размазавши над этим, невольно заумасалася: случайными ли было желание умрачившего Пушкина увидеть Жуковского? Безусловно, нет. Нельзя случайно пожелать чего-то в смертный час, не подспудно, не сознательно, нечленораздельно, не вспоминая, помните, что звездное колесо с восьмугранным орнаментом, подаренное Пушкину в Одессе Е. К. Воронцовой?

«Там, где море вечно плачет на пустынных скалах».

Там волшебники Аскансия,
Мне поклонялись счастья,

И ласкались говорили:
«Сокрытия мой талисман,

Всем талисманом сила!»
Они тепло любилио да...

Данное любование, подарить лишь кого любишь. Дорогое завещанье, при дорогим, Пушкин подарил в смертный час свой талисман Жуковскому. Ему он доверил не только хранить этот заветный перстень, но и принять свой последний вздох.

Судя по документам, изложенным в книге Юрия Тимофеева, «Пушкин и Жуковский», Пушкин, когда умирал, из рук в руки. Вспоминали об этих проплаченных минутах у постели Пушкина, Жуковский писал:

«Я не сводил с него глаз, замечая, что движение его груди, доследнее, сделалось приступами. Оно сокращалось, сокращалось, и наконец, ждал последнего вздоха: но я его не приметил. Тишина, его глаза, казалась мне успокоением».

Одно это без лишился слов, говорит нам о том, насколько близок был Пушкин Жуковскому. Нет, не было, не было, не было, не было, не было, — пишет Жуковского — не было прощальном напряжении, сияющей приютилось. Именно к нему, Жуковскому, обращено послание юноши Пушкина: «Благословен поэт», от него ждал он слов ободрения и напутствия. И самому ему послал он свою первую значительную поэму «Руслан и Людмила», тем самым признавшим Жуковского как своего поэтического суд над своим «первенцем». И хотя «нобедженный учитель» отказался от этого суда, добровольно уступив возмущавшему его глазах «ученику», пальму первенства, много раз обращалась еще зрелый Пушкин к «пленительной сладости» стихов Жуковского, предсказывая им жизнь долгу и сладкую, неподражаемую, «застывшую» дали.

И это не просто вполне понятное эпиграфическое поэта к близкому ему поэту. Это прежде всего — траготение человека к человеку, к личности. Любя только поэта, можно снять с полки томик его стихов и не искать встречи с тем, кто их написал. Тем более, что нередко так

бывает: хороший поэт оказывается тяжелым и скучным человеком, которого при ближайшем общении и знать-то не захочешь. Не то здесь: общения с Музой Жуковского Пушкину было мало, ему нужен был сам Жуковский.

Можно было бы составить шуточную «антологию» из записок Пушкина, которые он, не застав дома неугомонного друга, оставил у Жуковского на столе. Вот один из них:

«Штаб-капитану, Гете, Грею, Томсону, Шиллеру привет!...
Мы поклонялись честь мною,
Но сердце мое, как виноград,
Что никогда ни дома нет».

Даже в этом шутливом послании, при всей свободе обращения, дано большее уважение (если не сказать больше), чем на Гете, Грея, Томсоне, Шиллер, какова широта интересов) — чувство искренней, глубокой приязненности: «Но сердце мое, как виноград, виноградной луке?» А вот другое послание тоже «весьма душев» в стихах:

«Раввий, молоденец прежний,
А там уже отважный сын.
И Пушкин, школьник неизвестный
Переводил «Балладу о боярине».
К тебе Жуковский, зезаянки,
Но, и неописанной печали,
Поэта Пушкина не нашла».

«К неописанной печали» не только «сынливый» эпитет. За этим угадывается настоящая печаль сердца, ищущего другое сердце, настоящее стремление *унефть друга*, выражющееся и в гравированной ширте с при-
ступом Пушкина импульсивностью:

«Каной святой, каная сводия
Сведет Жуковского со мной!
Синий крестик, синий крестик
Каразинским, с Каразином?
На всякий случай — омомда!
Гроба не боюсь, смерти не бою:
Тебя зовет на чащуну чаю
Раввий — глава наших дней».

«Чашун чаю» — поэт мог выпить, конечно, с кам угодно. Не с шумными многочисленными полуодурьями, так — один в своем кабинете, с белой звездой в окне. Но ему был нужен Жуковский. Не только в шутливых, но и в серьезных посланиях он постоянно обращается к нему, двери его душу — и душа открылась от того, кто знал, кто знал, или только незримо присутствует в помыслах сердца. Пушкин часто думает о своем старшем друге с неизменной привязью и неизменным глубоким уважением.

«А ты, природу на песни
облеченный!
Ныть ли мне руки да в зает
любви священны?»

«Священная любовь» — ко многим ли в жизни можно обратить такие высокие слова?

«Душа к возвышенной душе твоей лепетала...»

«Возвышенная душа — в этих словах, обличенных словом бы вине ров, — жила всегда у Пушкина, включая в разгадке их отношения. Вот что напоминало притягивало Пушкина к Жуковскому, что составляло главное в последнем — и как в поэте и как в человеке. Эту «возвышенность души» чувствовал в Жуковском не один Пушкин. Люди самых разных взглядов, нередко высказы

вая мысли, даже противоположные в чем-то жизненным и поэтическим устремлениям Жуковского, восхищались тем, что Жуковский подавляющей силой своей возвышенной души способен если не разделить самую мысль, то оценить поры другой души, способен склонить ее, эту другую душу, грубо оттолкнуть — за то, что она другая.

Характерный пример такого обращения к Жуковскому с «противоположной» мыслью — известный письмо-отповедь «Баллада о боярине» в котором он утверждает, что «искусство есть применение с жизнью». Гоголь, измученный поисками идеалов, как бы отворачивается здесь от мыслью с тяжелой насмешливостью: «спасение в мяте?» Но разве «вечное» боярской ли отражается в... миргородской луке? И это отражение в луже заслоняет для него в минуту отчаяния путь к идеалу, как для художника: а не попытаться ли примениться с жизнью, простишь этой луже грязь за небесное отражение?.. Попытка, оказавшаяся в итоге невозможной для Гоголя, была тем более невозможна для Жуковского, всю жизнь неуклонно отстранявшего видимое очевидное ими таинственным «Там», во имя расцветающей где-то розы-мысли:

«Розы расцветают —
Сидят на ветвях.
Листья обещают,
Где-то лукины.
Вечные молодые.
Так же весело жить:
Там, в долине раз,
Низмы для нас никак
Розы расцветают».

Без этого порвания с «жизнью» нет Жуковского. Примирение с жизнью как таковой, без мечты — для него невозможно. Искусство для него не применение с этой жизнью, а применение к этой жизни. Гоголь (сам романтик, склонный и к таинственному и к мистическому) не мог не знать этого. И все-таки измученный художник не мог высказать Жуковскому свой может быть, самой заявлений в том что мысли, в которой он — так ему казалось — принял как к спасительному острову, как к острову спасения, — его отчужденности, его отчуждения. Он обращался к «возвышенной душе» Жуковского — поверх его отчуждений, доволов его и своего разума и надеялся быть услышанным. Штири немаложивий!

Но что же все-таки давало современников Жуковского основание быть уверенным в таком понимании? Как складывалася в их сознании олица такого Жуковского? Не видели ли они в нем больше, чем в нем было? Ведь в Пушкине и Гоголе (а также в Толстом и Достоевском) стояли значительные, что им нетрудно было бы что-то «взять» в тексте чужой души, возложить ее до себя. Сколь часто дружины большого поэта при трезвом рассмотрении оказывались в действительности неизмеримо ниже и беднее, чем в восприятии и отображении его!.. Что ж... Жизнь убедительнее слов и легенд. Притягиваются же к биографии и творчеству

Жуковского — пусть скажут они нам со всей беспристрастностью сами за себя: что это было за поэт, что за человек?

Однако, приступив к такому анализу, вот что обнавляют мы, с первыми исследовательскими шагами: нет никакой необходимости, в данном случае, разделять биографию и творчество поэта. Потому что Жуковский жил, как писал. Это случается не столь часто, как может показаться на первый взгляд. Но судите сами.

Внебрачный сын богатого тульского помещика — И. Булавина и его второй жены Саломеи (она же — мальчик, званый крестной), Василий Андреевич Жуковский, собственно говоря, не был Жуковским; эту фамилию дал ему его крестный отец. Но Жуковский, не будучи Жуковским, то есть не будучи, формально говоря, собой, словно в «отметку» этому обстоятельству был человеком речайшей верности себе, своем идеалу Жуковского. Был он — да и все эти годы, склонен к тому, чтобы не ввязываться в конфликты никакой имени? — фамилии, но личностью, собой. Заметим, это не было просто никогда, тем более в эпоху павловской реакции, притицавшей на юность поэта. Сформировавшись в значительной и независимой личности «шопиком» и «бунтарем», он стал, да и это было для вибрации эпохи — и быть собою. Выросший в тихой усадьбе Миниенское, он привык к уединению, размеренно-матерчатой, как падение осенних листьев, жизни души — и ни образование, полученное в Москве, ни бурные речи друзей по «Дружескому литературному обществу» (мыслик клятым в вечной любви и дружбе, утвержденные в Толстом, Гоголем, Федором и мечты об «истинно русской литературе») не перенесли в нем этого стремления к уединенной независимости. И Жуковский поступил так, как велит ему сердце: оставил столицу и возвращается в тихом Миниенском. Он хочет не только воспевать уединение и радости сельской жизни в своих задумчивых элегиях, но и ходить в жанре, как это делает... (Был ли в сюжетах о погоне за Горьким, в Москве?) Так впервые проявился в Жуковском независимость и цельность натуры. И когда он пишет:

«Как слит с проходило растений фимиам!
Как сладко в тишине у брег струи
песенок вспаханной...

Как тихо wenks зефира по водам

И гибкой мыс трепетанье! —

физически опущаешь эту прохладу, эту тишину — словно развалину рукою зелен ветвей и вошел под их сень... Это ощущение возникает не

НАСИРДИН БАЙТЕМБИ
БУНТАРКА
И КОЛДУН

Поэзия эпохи

случайно: дело не только в поэтическом таланте как таковом, но и в полной схожности стихов с жизнью, с каждодневным бытнем человека, их написавшего. Этой схожности творчества и жизни проявляется не только в оригинальных стихах, но и в переложениях: здесь Жуковский не остается «сопливым» и ничем поэтической индивидуальности скользь бы сильна она ни была, не может его подавить, помешать ему чувствовать себя и в этой чужой для ему «территориально» стихии, где свободно и привычно, как в своем Мининском...

Но вот поэтические и переводческие успехи Жуковского замечены. Сельский затворник, он «зачоносил» в литературу начальствующую фигуру в автором «Богатыря». А когда позже Германн приглашает его стать редактором журнала «Вестник Европы», надеясь, что журнал при участии Жуковского станет еще содержательнее. Почетное приглашение! И все-таки Жуковский колеблется. И если в конце концов он принимает это предложение и переезжает в Тольятти, то во вполне своему идеалам, то ли вопреки своим идеям, не желая знать своего «шестака».

«Автор» — это идея, способная привлечь и должностную гражданскую, которую совесть велит выполнить, со всем возможным совершенством. Нравственность, верность идеалам, простая (всегда — и простота!) природность, наконец, у человека, столь цепкого, как Жуковский, будучи доведенным до конца, неизменно предрасполагают к устремлению утвердить свою идеалы. Вот почему «затворник» Жуковский, покидая свою Мининскую, не изменяет себе, но лишь следует «в линии совести».

Невольно задумываешься в связи с этим: а не слишком ли, говоры о Жуковском, как о поэте-романтике (первом в русской литературе!), мечтательном мягком, акцентирующим внимание только на этой его стороне? Как же не забывать о том стремлении к таинственному? «Так же, как отрешение от жизни, отстранение от нее или формой престата? Нет, это не бездействие, не вялая раздраженность грезящего ума и уж, конечно, не просто любовь к таинственному. Подумаем: что больше всего поражает в балладе Жуковского «Людмила»? Нет, не захватывающая полуночного страха смертью, не перенесенная вместе с героями чудеса и не ее смерть, нет, кара за ропот... Как знать: может быть, эта кара — милость бесов? Освобождение от той уности и скучности жизни, которой изъял всех сопротивляется поэт? Это-то сопротивление реальным будням и поражает в Жуковском больше всего: не менее это захватывающей, чем сама жизнь, как данница, в ее будничных, звучащих нормах и формах... Может ли, в самом деле Людмила жить после всех испытанных чудес тем, чем должны были жить современные поэты, тем должен был жить по высочайшему повелению, в журнале средневековья, он сам?.. Всегда же — прямо, разумеется, нет в балладе, но не менее это подсунулось обододловой душе, готовой заплатить жизнью за чужие проры в будней, составляет воздух баллады, которым мы с таким упоением дышим, этого воздуха не замечая. Не потому ли не мрачнее, а светлое впечатление оставляют даже самые «страшные» баллады Жуковского — погони поэта — запрещенный глагол, гробовой неба в эпоху удушила все чистые мысли, в самом деле «отрешенный мечтатель». Нет, не такой уж перед нами «созерцатель», каким передко, по инерции христоматийного мышления, привыкли его считать!

А вот что делает этот «созерцатель», когда мать любимой им девушки — Марии Протасовой — решительно отказывает ему в ее руке, ссылаясь на близкое родство. Он... Что же? Ляет слезы? Вздыхает? Извиняется? Ничуть не бывало! Идея добродушна, а «созерцатель» — чисто артистическая. Право, спустя много лет, постарев, я бы позавидовал сам Денис Давыдов! Поэт-романтик, Жуковский романтический и в любви. И снова жизнь его, конкретное его действие, дело неразрывно сливающееся со словом, с его творчеством. В день Бородинского сражения поэт был под Можайским, и свидетелем грандиозной битвы в одних из самых замечательных романтических торжеств — «Песен в честь русских воинов» — отнюдь не риторическая фигура. Поэт слышал этот свист, этот грохот в действительностях и поэтически сумел рассказать звуки боли и хуже, чем привычно связывавшиеся с его именем жалобные крики спевчика — «вестника на полуночи». Вот вам и сверхчерт, не желая знать своего «шестака»!

*«Отчизне кубок сень, дружь!
Владимир сладости бытия,
Поля, холмы родные, драгоценны
Родного земли милый свет,
Звезды, солнце, потоки
Златые игры первых лет
И первых лет уроня!...
Скоро счастье заменит?
О родина сантал!
Конечно сердце не дрожит,
Добре благословит!»*

Как видим, поэт-затворник сумел сделать свою Музу полезной и не поле боли. Какое свободное, широкое дыхание от этого нечаянно падающей на певца тихих темий и широкой! Одно из тех, что даже к царю России, ко всему народу, такое обращение хотят и решаются многие, твердя: «Русь, Русь!» — как «Чур ми!», но не срывают при этом голоса... Понятно теперь, почему именно Жуковскому — пародировщику Жуковскому, как будто до моих костей светским, как то было у Пушкина. «Ах, какое мне дело до моих графинь! какой-то с неизвестности или вынужденности! Единственно мое мнение, с которым я считаюсь... это мнение того позднего класса, в наши дни единственно подлинно русского, который осудил бы жена Пушкина...» Жуковский славивший в своем «Песне» царей — по этикете, а народ — по моральным героям, в составлены это песни. Сама же мысль, омы, были пародией, да. Но, если крах крестной, он был при наре, чтобы помочь, чтобы вступаться за горючими и темными, за тех же крестопыхых, в итоге.

Вспомним: не его ли, Жуковского, горячие работы Брюллова были проры с героями, чтобы выкупить крестового Тараса Шевченко? Сомните? Случайность? Едва ли... Скорее — глубокий символ: поэт готов был погибнуть, чтобы купить свободу для другого. Это было проявление его внутренней свободы, его внутренней сути.

Вспомним, даже: не Жуковский ли, многорокий сматывал участь Пушкини при жизни и не он ли первым сделал все возможное, чтобы уменьшить его память после гибели? И не он ли, чтобы спасти скульптуром Глеба-приморя, чтобы спасти с пушкинского лица? (При этом Жуковский стремился сохранить для потомков черты не мертвого, но живого Пушкина, вот что главное!) Он просил, далее, царя сознать Михайловское — и получил отказ в виде ледяного молчания. Потом же, неизвестность била испытана пародией на Жуковского: неизвестность стала погоней за его жизнью, а погоня за жизнью — это преследование, а преследование — это преследование.

Да, душа его была «возвышенной...»! Вот почему и сейчас, в 1972 году, листаешь скромный томик Жуковского с какими-то невольным трепетом. Много других талантливых, новых, интересных поэтов стоит у нас на книжной полке — все так... а мы и сейчас повторяем вслед за Пушкиным:

— Да, но я бы желал видеть Жуковского, он сделал все, чтоб память Пушкина ничем не была опорочена и оскорблена, что будмаги его не попали в невежественные и враждебные руки; и когда по высочайшему повелению через три четырех часа после смерти Пушкина был отпечатан его кабинет, на двери появился *дес печати*: одна — шеф-жандармов Дубельта, а другая — Кукучина. Печатались были не только не разводами, а *противоположными*: «придворный» по звезд здесь не настичту, но звезды воле царя и дворя! И это однажды было, постращающее, чем все вместе взятые наивные страхи его Светланы и Леони. Но поэз Жуковский не мог поступить иначе. Лишь в этой мере то, что он был замечтой и тени недобросовестностью, гергию другим, ибо сам он был человеком незагадочным, — мог ли он не понимать, что значит Пушкин для России? Он, чуткий, как листья к ветру, к малейшему дуновению таланта в поэзии, к любому яркому ли, скромному ли его произведению? С невольной улыбкой читая сей-самые строки, мы сознавали современников, как узелек был Жуковский? Пушкин? Нет, этого лиша — Бенедиктовым: «Жуковский», до того был поражен и восхищен книжечкой Бенедиктова, что несолько дней сряду не расставался с ней и, гуляя по Царскосельскому саду, оглашал воздух Бенедиктовскими эпиграммами...» Дело в том, насколько это было значительным поэтом был Бенедиктов (мы представляем, что несгораемый, несгоримый тогда — он стоял же несогоримо недооценен сейчас). Но подумайте: ведь это не какой-то гимназист, а Жуковский бегал по саду с книжкой другой, куда более скромного в сравнении с ним поэтом? Не говорите ли это линий раз о величии его души, о «возмыщении» ее?

Так же и он был, этот человек, учивший царей и дикабристов? Нежный романтик, именемющий «тайнственному голосу», но прислушивающийся в первую очередь к строгому велению своей совести? Внимательный светский человек, пребывающий в пародии? Ницкой же, читающей рассказы о рассказывавшей сердцу в долгие зимние вечера пленительные сказки? Но тогда откуда же эти не бахкалющие, сладостные, а будящие, гневные интонации:

*«Судьбы и счастья насторожили
надменны, —
Не смеите спящих здесь безумно
За то, что губы их неподвижны
и забытены...»*

Так обращается к сильным мира сего, презирающим бедняков за то, что «память не водится на них ложь», крепостная же «злоба же Жуковский...» Он, посыпая чужую фамилию, с первых до последних дней был и остался собой, утверждая в поэзии право личности, привилегия каждого человека быть тем, кем он любит, и кто он есть на земле, по пути, в судьбе, и кто он есть, за никем не оставленной общественной руки. Сах, чай — все это праздные выдумки богов и царей, человек выше и больше всего этого:

*«При мысли величии, что я
ЧЕЛОВЕК,
Всегда возвышалась душою».*

Да, душа его была «возвышенной...»! Вот почему и сейчас, в 1972 году, листаешь скромный томик Жуковского с какими-то невольным трепетом. Много других талантливых, новых, интересных поэтов стоит у нас на книжной полке — все так... а мы и сейчас повторяем вслед за Пушкиным:

— Да, но я бы желал видеть Жуковского.

Киргизский писатель Насирдин Байтембетов написал роман и назвал его «Мир прелестных». Русская читательница, познакомившись пока лишь с двумя частями этого цикла, может сказать: «Что это?..» вполне законченное произведение под общим названием «Буря» (перевод Е. Босницкого), выпущенное в прошлом году в издательстве «Кыргызстан».

Страницы этой книги развертываются на немецком языке, на котором Байтембетов, склонный к романтизму и склонный к склонности, не часто встречается в русской литературе, однако в данном случае предстают себе эпос ирландской народы не элемента сказности, а фольклора или же невозможности изображения героями, героями, не канон-точной, но национальной романтической германией Артуром, не канон-точной, но национальной мифологией, то есть рассказ-волосами.

Артур, от лица которого ведется рассказ, прошла через три века, чтобы испытать в нем. Из этих испытаний он вышел не только заслуженным героем, но и отважным. Но времена киргизского восстания 1916 года Артур, восторгавший тогда национальной высоты, что не боится говорить правду на народном языке, слушает ее в становлении характера Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму событий, тот сказочный народ, который не умеет говорить, не умеет слушать ее в становлении характера. Артуре большую роль сыграла ее многострадальная жизнь и не поразительная судьба героя Тонтора. Судьба Тонтора и прароды широкому реализмическому роману, которому глупому драматизму

ВЕТЕР ПОЛУНОЧИ

Джон БЛАКБЭРН

ПОВЕСТЬ

-3

Того я не говорил, мистер Ирвайн. Лицо я убийца, что ее смортильное следствие несчастного случая. И тем не менее меня очень интересует, где была ваша жена в последние дни жизни.

Стар встал, подошел к окну и присел смотреть в парк. На освещенном солнцем лбу и правой щеке отчетливо выступили рутины шрамы. Это было лицо много страдавшего и продолжавшего страдать человека. Наблюдая за ним, Биль подумал, что Стар — не просто все свое богатство, по-прежнему нагой, одинокий старик, который никому и никему не принадлежит — слишком уж все в нем перемешалось.

Стар Стэр Биль заставил себя вспомнить, что ему известно о прошлом этого человека. Да, правильно, Мортгентри. Эммануэль Мортгентри до 1939 года торговец строительных материалов в Лемберге, а в 1945 году — один из тех, кто составлял балласт Германии — серый скелет в полосатой архестанской одежде, пытающейся скрыться под кипящими солдат, освобождавших концлагерь, в котором он был заключен, и врага ли умчавший тогда убылью.

Однако позднее положение резко изменилось, и Эммануэль Мортгентри ожил. Он воскрес, подобно Библейскому Лазарю, но без всякого чуда. В отличие от Джамбо Узина онjenлся не на падчерице босса, а на самой боссе. Вдовы богатого строительного подрядчика Маргарет Бейн, которая на благотворительных началах вела работу с беженцами, обратила на него внимание и через полгода она поженилась. Вместо удачливого бизнесмена из Германии он стал британским пастором, перебрался само Фамилию английский лад, а фирма «Бейн и Макинтайр» стала называться «Стар констракшин». Спустя три года его жена скончалась от инфаркта, оставив ему падчерицу шестнадцати лет, двести тысяч фунтов капитала и фирму. Еще через год дело с линией и фамилией Бейн и Макинтайр были заменены на многих строительных площадках.

— Да, мистер Ирвайн, — продолжал Стар, отрываясь от окна и улыбаясь. — Меня очень интересует, как побывала ваша жена в течение недели перед смертью в результате несчастной случайности. Вот нападение на вас вовсе не было случайностью.

— Вам известно и об этом? Вы верите, что оно действительно произошло? — зажажкая от неизвестности, переспросил Биль.

— Известно, мистер Ирвайн. И я абсолютно уверен, что все произошло именно так, как вы рассказываете... Хотите закурить? Предполагает-

ся, что это успокаивает нервы, а у вас они, видимо, расстроены.

Он вышел из кармана портсигар и протянул его Билью.

— Вообще-то говоря, в нашей полиции служат люди неглупые и трудолюбивые, мистер Ирвайн, однако их недостаток состоит в том, что они позволяют только на факты. Разумеется, они обязаны так поступать, ибо в противном случае может иметь место нарушение законности. Однако, как мне кажется, это иногда затрудняет их работу. В случае с вами факты были совершенно очевидны: никаких следов посторонних лиц в вашей квартире, помимо вас и Билья, не было, ничего не пропало, но на ковре в спальне оказались следы вашей крови, как если бы вы упали и разбили о них голову. Утверждение о грабителе, проникшем в дом, исходило только от вас, а вы перед этим испытывали нервное потрясение. Разве можно винить полицию, что она усомнилась в вашем заявлении?

— Вы правы, сэр Норман, и я никого не виню. — Биль прикрыл от зажигалки, притянутой Старом. — Но вы сказали, что верите мне. Почему?

— Да потому, что у меня больше фактов, чем у полиции. Видите ли, я не только прочитал все написанное в газетах, но, как мне кажется, знаю, зачем у вас мог появиться ваш таинственный виновник. — Стар спрятал зажигалку в карман, сел, и Биль вскоре испустил, что хрупкое старинное кресло вот-вот развалится под ним. — Мистер Ирвайн, вы слыхали о работающем у меня инженере-строителье Гансу Вицебле?

— Конечно. — Вопреки Стару, несомненно, был чистым человеком, кто из Англии не слышал о Вицебле! Три года назад он на него обратился на первых полосах всех газет: «Ответственный пост нацистского боссия», «Можем ли допускать, чтобы такой человек работал здесь?»

Да, фамилия Вицебле пользовалась громкой известностью. Заместитель общеруштрафбиорея Вилли Френцеля, список преступлений которого составлял толстую книгу, начальных планового отдела детища Френцеля — Организации КГ, руководившей всем строительством в самой гитлеровской Германии — и во всех оккупированных странах, был введен в Германию для этого миллиона рабов. Вышел тысяч единицы, будим как военный преступник, но не недостаточностью улик отдался двухголовым эзекилюм. После этого Вицебле следовало бы прорызать где-нибудь в одиночестве, но у Стара на счет были иные соображения. Три года назад он разыскал Вицебле и предложил ему ключевой пост в фирме «Стар констракшин». Шум в газетах о том поводу продолжался недолго. И все же Стар добился своего, несмотря на петиции, демонстрации, протесты, запросы в парламент и даже забастовку в строительной про-

мышленности. Руководитель и злой гений «Организации КГ» Вилли Френцеля был мертв — он погиб ужасной смертью, сгорев во время налета англичан на Гамбург, однако его подруга Ганс Вицебль осталась в живых и являлась главным инженером фирмы «Стар констракшин» с жалованьем, как утверждал, свыше двадцати тысяч фунтов в год.

— Конечно, я слыхал о Вицебле, — повторил Биль. — Но какое отношение это имеет к человеку, который напал на меня в моей квартире?

— Самое непосредственное. — Стар слегка улыбнулся. — Ответьте мне на один вопрос. Вы были среди тех, по мнению которых я поступил неправильно, взял его на работу?

— Да, Биль. Я даже подписал петицию с просьбой не выпускать его из страны.

— Так я и думал, — кивнул Стар. — Должно быть, вы очень упрямые, мой друг; если ты долго хранишь неизнаный. Я очень пострадал от людей, подобных хозяевам Вицебла. Одному из них я обязан вот этим монстром лицом. Он хлестал по нему кольчугой проволокой с камнем на конце. — Стар провел рукой по щарам и рубцам на лице и на щеке. — И тем не менее, мистер Ирвайн, все же верю, что время меняет не только людей, но и места, где они живут и убиваются. Мы должны в это верить, если хотим избавить себя цивилизованными людьми. Возможно, дверь лет назад Ганс Вицебль был чудовищем, что я не думаю, чтобы он являлся им и теперь! Помимо, он всего лишь маленький человечек, ну, скажем, кутишка, выполняющий приказы старших. Если приказы точны и ясны, для него не имеет значения, кто их отдает — Френцеля, Гиттера или Мортгентри. Помимо всего прочего, он один из лучших инженеров-строительей на свете, и я как бизнесмен решил, что мне следует воспользоваться услугами этого человека. Я не знал, каким-либо основанием считать об этом злонамеренным. С того времени, как он начал служить у меня, объем наших работ возрос на пятьдесят процентов, а накладные расходы уменьшились. Мое решение нанять его полностью себя оправдало и оказалось бы еще более выгодным для нас, если бы ваша жена не совершила организованную глуупту.

— Моя женщина! — воскликнул Биль и нахмурился. — Сэр Норман, может быть, мы все же погибнем в катастрофе? То вы заявили, что она погибла в результате несчастной случайности. Но намекнули, что это несчастная случайность, как будто вам известно больше, чем полиции. Проверю разъясните мне, что именно вам известно и какое отношение моя жена могла иметь к Гансу Вицебле.

— Минуточку, мистер Ирвайн, минуточку. Стар наклонился и затянул сигарету. — Я раскажу вам все, но прежде вам придется получить ответ на один вопрос. Вы имеете какое-нибудь

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

представление о том, сколько тонн железобетона требуется для строительства вот такого многоэтажного здания! И вот — бывают же и такие! — не были ясны сугубо технические детали дескаса Стара, но суть он скратил отчтливо. Ганс Вицлеб разрабатывая цемент нового типа, почти не требующего армирования, твердого, как гранит, и одновременно податливого, как сталь. Новый сорт цемента позволял на треть сократить расходы по строительству.

Работа Вицлеба увенчалась успехом. В результате многих месяцев поисков, исследований, испытаний и ошибок ему наконец удалось найти правильные пропорции составных частей, и он готовился запатентовать разработанный им про-

— И вся документация была у Мэри!

— Вот именно, мистер Ирвин. Во всяком случае, насколько нам известно, она была последней, вышедшей ее. Произошло по меньшей мере отвратительная бюрократическая пытаница, если честно худшее.

Стар откинулся на спинку стула, и лучи солнца попадали в окна, отражаясь от истонченного лица.

— А случилось что-то... Секретарша Вицлеба заболела гриппом, а он неожиданно доверил тайные документы временно заменившей ее сотруднице. Ваша жена уезжала по делам в Лондон на два дня, и Вицлеб попросил ее перепечатать для него эти бумаги. Ваша супруга обещала сделать это, а потом переслать в Комитет по делам изобретений для регистрации и получения патента.

Быть кивнула. Мэри действительно упоминала, что во время его отсутствия должна будет временно заменять его в Лондоне.

— Ей было известно, о чем эти бумаги?

— К сожалению, мистер Ирвин, я не могу ответить на ваш вопрос. Она знала об их важности, возможно, понимала, о чем шла речь, но вряд ли разбиралась в технических деталях. Во всяком случае, документы она так и не вернула. На следующее утро ей позвонил мой эзя, Аллан Уэйн, и велел немедленно вернуться в Фелклифф. Он сказал, что из него вынуждены выдергивать в работе, хотя это не являлось подлинной причиной. Аллан — слабохарактерный человек и всегда излишне полагается на своих подчиненных.

В голосе Стара послышалась издевка, а на лице у него появилось такое выражение, словно в своей жизни он никогда и ни кого не подлагал и не мог простить этого другим.

— Уезжая в Фелклифф, ваша жена забыла бумаги. Так она сидела в кабинете при встрече. Она не успела успокоиться, но вдруг заявила, что бумаги находятся в полной безопасности и что она перепечатает их, как только вновь вернется в Лондон.

— Куда она так и не вернулась, — заметил Биль

и опять машинально представил себе всплеск от туннеля, пронесущие улицы, контуры будки телефон-автомата, отдаленный звук приближающегося грузовика. — И вы предполагаете, сэр Норман, что грабитель, ударивший меня, искал эти бумаги?

— Не только предполагаю, но полностью убежден в этом. Правда, Вицлеба сохранились копии черновиков, но все равно материалы, несомненно, представляют огромную ценность для любого изображенного конкурента. Более того, вы даже отгадали, может представить —

Стар подошел к маленькоому письменному столу, стоявшему у двери, и выдвинул один из ящиков. — Наши конкуренты совершенно беспричинные люди. Они могли нанять кого-либо, чтобы проникнуть в вашу квартиру и похитить эти бумаги. Они были очень хорошо информированы обо всем и, вероятно, не считали, что идут на какой-то риск. Они знали, что вас нет дома, а ваша жена выезжает из Фелклиффа полупустым поездом. И, конечно же, они должны были знать, что вы не раните четырех часов утра. Таким образом, они были убеждены, что могут проделать все в полной безопасности. — Стар наконец нашел в ящике лист бумаги и показал его Билью.

— Вот образец почерка Ганса Вицлеба. Где-то в вашей квартире находятся три таких листка с заметками, написанными его рукой. Вот почему, мистер Ирвин, я хотел переговорить с вами. Вы должны знать, где ваша жена могла спрятать их. Прощу вас найти и вернуть их нам. Я буду ждать вас.

Было насторожено.

— Но ведь полицейские уже тщательно обыскивали мое квартирну! — произнес он. — Если это сообщение соответствует действительности, это означает, что бумаги были найдены и взяты тем, кто проник ко мне.

— Нет, он их не нашел. В этом я уверен. У нас тоже имеется агентура, и если бы бумаги оказались у нашего конкурента, я бы уже знал об этом.

— Но почему же в таком случае вы ничего не сообщили в полицию? — удивленно спросил Биль, не сводя глаз с бумаги, испаксанной неразборчивым почерком, и чувствуя, как охватывает его внезапная злость. — Полицейские насмеялись надо мною, когда я рассказывал им о грабителе. Они, видимо, думали, что я спятил...

— Знаю, мистер Ирвин, и глубоко сожалею, что вам были причинены столь неприятности. Тем не менее пока еще я не могу обратиться в полицию. Я не могу, пока не знаю, кто же виноват в тайне. Вы помните, хотя я и уверен, что мой конкурент охотится за бумагами Вицлеба, я ведь только подозреваю, кто сообщил ему о них. Позвольте, я надеюсь, очень надеюсь, что мои подозрения неосновательны. — Стар нажал кнопку звонка, и в комитете появилась горничная.

— Пожалуйста, попросите сюда миссис Уэйн. — Он подождал, пока за горничной закроется дверь, и снова обратился к Билью: — По-моему, мистер Ирвин, вот что произошло, хотя прошу вас не предпринимать никаких мер, пока я полностью не удостоверюсь в правильности моих предположений. Ваша жена оставила бумаги Вицлеба где-то в квартире и возвратилась в Фелклифф. Как по-вашему, кому она могла рассказать о бумагах? Кто мог это сделать? — Биль не знал, что сказать. — Кто придет вчера вечером и будет дома не раньше четырех часов утра? Кто мог знать, что вас не будет дома еще по меньшей мере два дня?

— Я не... — начал было Ирвин, но тут же в голосе у него мелькнул ответ.

— Все это мог знать только один человек — веселый, жизнерадостный, душа общества, полный, но очень подвижный, легко носащийся по теннисной корте и с улыбкой переносящий поражение, крепко трусящий его за руку и кричащий в самолете, увлекающий друзей в самое счастливое. У вас самая лучшая жена на свете, а у меня самая лучшая секретарша! — Добрейший, милый старина Джамбо Уэйн!

— Я знаю, о ком вы думаете, мистер Ирвин, и должен сказать, что вы правы, — послышалась голос Стара, отвечающего на мое же поставленные вопросы. — Когда все идет так, как ему хочется, мой зять — достойный уважения человек и у меня нет претензий к нему. Но я не сомневаюсь, что он женился на Рэй по любви. Он выходит замуж на неслыханную почест, посыпает голову цветами и называет его одним из директоров, считает это предизвретенным. Я думаю, что он более или менее удовлетворен. Он никогда и не мечтал о таком положении, а Рут была красивой девушкой. Но на охоте с ней произошел этот прискорбный инцидент, и любовь, как говорится, кончилась.

Стар по-прежнему улыбался, голос его был вкрадчив, но в глазах засветилась внезапная жестокость.

— Вот так... Любви нет, нет поста директора и возможности развестись, не потеряв высокопочтимую службу... По существу, я даже не могу винить его за попытку продать меня моему конкуренту...

— Я не верю вам, сэр! Извините, но я просто не в состоянии поверить... — Биль уставился на часы на стене и попытка сосредоточиться. Часы на стене сияли в прошедшем: он не видел и никак не мог связать одно с другим. Его жена попала под грузовик, а затем оказалась убитым и водителем этого грузовика. Вместе под наездили Сидэй с ним произошла частичная потеря памяти, а Джамбо Уэйн, которого он всегда считал добродушным и недалеким парнем, орга-

низовал ограбление его квартиры. Все это походило на бред сумасшедшего.

— Меня не интересует, верите вы мне или нет, мистер Ирвайн. Я хочу, чтобы вы помогли мне найти эти бумаги, и только. Ради самого себя вы, обязаны это знать.

— Обязательно, — прокричал Биль.

— Да, обязательно, молодой человек. Но думу привнес. Первая. Не забывайте про грабителя в вашей квартире. Если он не обнаружил у вас дома бумаги, его козыри продолжают думать, что бумаги находятся у вас, мистер Ирвайн, что вы намерены воспользоваться ими в собственных интересах. Если это действительно так, то не исключено, что они не остановятся и перед убийством...

— А вторая причина? — был растерянно воззрел на Стара.

— Вторая. Миценеф. Не забывайте, что Аллан Уэйн много зарабатывает, если у него конкурент окажется расчеты Винчелса.

— Миценеф Мен и так чуть не были — большей неполезной нельзя было себе представить.

— Не удастся, — мистер Ирвайн. — Стар сунулся и хмуро взглянул на Билья. — Я хочу сообщить вам нечто, не имеющее никакого отношения к тому, что произошло у вас дома. Но сперва ответьте на один вопрос. Вы были свидетелями жизни?

Счастливый! Иногда у них бывали скопы из-за расходов: «Дорогие, дай купим эту штуку», и члены клуба начинали свои споры с Марси из-за ее работы и чувство тревоги (хотя он отказался признаться в этом даже самому себе), что она отделяется от него. Но в общем...

— Да, сэр Норман. По-моему... мы были свидетелями.

— Да! В таком случае заранее должен просят у вас прощения, мистер Ирвайн... Мне придется приничинить вам боль... — За дверью послышалось тихое царствие. Стар стоял и открыл дверь.

Рут Уэйн, когда была видел ее в последние разы, выглядела как будто она не спала всю ночь. У нее был вид, будтоющей. Темные пятна под глазами, блеклая, прозрачное лицо, тонкие и сухие руки, лежавшие на подлокотниках кресла-колески.

— Моя падицница Рут, — прокричал Стар, вставая коленку в комнату. — Рут! отправила вам письмо, просит о встрече, но, узнав о несчастьях с вашей женой, передумала. Вчера, когда вы позвонили, я был у Рут в комнате и убедил ее подтвердить то, что я сообщил вам. Не так ли, добрый Да! Спасибо. Мистер Ирвайн, попытка правильного заявления, что ваша жена вчера уничтожила письмо, не является ни вам, ни мне, что это несчастье вообще могло произойти... Но кажется ли вам непонятным, почему здоровая, молодая женщина должна быть так неосторожно выскочить на дорогу? Позвольте мне сказать, почему это произошло, хотя это и причинит вам страдание, мистер Ирвайн. Ваша жена выбежала на дорогу перед гравийном только потому, что находилась в шоке после перенесенного ею большого нервного потрясения. Ее только что оставил...

— Оставили! Вы хотите сказать... — Биль уставился в лицо матери ему же женщина, сидевшая в кресле-колеске.

— Да, она была оставлена, мистер Ирвайн, и произошло это потому, что я так потребовала. К ужасу Билья, на лице Рут Уэйн почесало не просто отблеска гордости. — Я потребовала этого, узнав, что ваша жена и мой муж были любовниками.

В

Любовница Джамбо! Биль простила бы Мэри все что угодно, только не это. Огромный детина, торкающиеся пригрызывают на тенинной площадке или с победным вздохом бросающий в море! Мокрое от пота, ухмыляющееся лицо, нескончаемый поток пошлых анекдотов, прерываемых ликовыми выражениями страсти.

Нет, Мэри не могла стать любовницей. Мыслы у нее, чтобы громогласный Джамбо мог шептать Мэри нежные слова, показались ей не просто отвратительной, но и нелепой.

И тем не менее она была любовницей Уэйна. Биль даже остановился на площадке, вспомнив, как выглядела Рут Уэйн, когда говорила ему об этом.

Конечно, Уэйн выполнил отданый ему приказ. Прежде всего он позвонил Мэри из Феликлифа. «Моя дорогая... наверное, он называл ее «другом»... — бубнил Стар, — и предложил привести с собой... Да, произошло нечто весьма важное».

Разумеется, она тотчас же отозвалась на его зов — собрала сумку и, бросив бумаги Винчелса в квартире, помчалась на сиданье... Расставание,

наверное, произошло не сразу после того, как Мэри приехала в Феликлиф по вызову Уэйна. Ведь она провела там еще ночь. Может быть, это была их последняя ночь вместе перед тем, как он рассказал ей об ультиматуме Рут. Возможно, что ультиматум был составлен в тот же вечер, и в грантом уничию Уэйна сейчас же мельнула мысль о возможности обеспечить себе безбедную жизнь. Ведь даже после разговора с Мэри Рут могла прогнать его, и ему следовало позабыться о будущем. Один телефонный звонок конкурента Стара мог обеспечить его на всю жизнь.

Да, подозрения Стара, очевидно, правильны. Уэйн связался с конкурентом Стара, а потом еще раз позвонил Мэри в гостиницу, где она остановилась. Вот тут-то он, видимо, и сказал ей что-то вроде: «Моя дорогая... наверное, ты мне больше... — отрываясь и чегрут». И это звездный, жизнерадостный Джамбо!

Будь он проклят, этот Уэйн, и будь проклята его Рут, если у нее на то пошло! Конечно, он жалел ее, похищенно привязанную к креслу-колеске, но сейчас, вспомнив выражение гордости на ее лице, подумал, что есть нечто неприличное в самом факте, что большая женщина отнимает жизнь у здорово. Будь проклят он сам! Если бы он не был таким плоским муком, поглощенным собой и своим дурачеством сочинительством, у Мэри никогда не возник бы роман с Уэйном и она сейчас жила бы счастливой жизнью. Был полногодний дурек и вошел в квартиру. Он ощущал знакомый запах соснового дерева, горячих труб отопления и лавандовой мастики, который показался ему сейчас более сильным, чем обычно. Очевидно, сегодня утром тут потрудился миссис Клервей.

Древесина, трубы, лаванда... Но и что-то еще! Слабый, но какой-то острый запах, не смешивавшийся с другими. Запах дыма, дыма от трубчатого табака. Были закрыты все двери и несколько минут назад из кухни загремел звонок. Винчелса и Билья, что Мэри могла спрятать их где-то в квартире. Хотя Стар и уверял, что бумаги должны быть здесь, однако Биль сомневался в этом. В квартире не было ни укрытого в стенах сейфа, ни скретных ящиков в столах, ни каких-либоных тайников. Веди он же прожил здесь почти четыре года, ему ли не знать этого...

Опять запах табака! Двери в кабинет был притворены, и в луче солнца он увидел, что оттуда стекается и вьется дымок. — ...Если бы я знал, что это такое... — Мистер Ирвайн, — сказал Стар, — я сразу прошу вас не у него в кабинете предъявлять Стара, и он инстинктивно насторожился. «...если дело обстоит действительно так, весьма вероятно, что они вас убьют...» Он попытался было к выходу, но тут же подумал, что это ничего не решит. Он не знал больше собственную жизнь и понимал, что не может избежать встречи с тем, кто курит в кабинете. Ни полочки справа от двери стола бронзовая статуэтка будды, которую они приобрели в прошлом году. Это была, вероятно, деваша поделка из Бирмании. Ни одна из ее рук не была согнута, ни пальцы не были согнуты, а лицо будды источало какое-то спокойствие. Были святые статуэтки, ощущение какую-то уверенности от веса и твердости металла.

По коридору до кабинета было шагов десять, однако сейчас они показались Билью целой милю, тем более что при каждом его шаге полновесы предупреждающе скрипели. У порога он остановился, услыхав за дверью какое-то движение, и, выскоцив подняв статуэтку, никомом распахнул дверь. Луч света проник в кабинет, и в темноте забытого дна, освещенной приглушенной столом, пинущую машинку, книжный шкаф, столик и нахнувшегося над ним человека. Господи, полный человека с брюшком, с револьвером в руке быстро повернулся к Билью, бросившемуся было на него.

— Спокойно, мой мальчик, спокойно! — Огромная рука, похожая на набитый кирпичами валун, кишкала, выбила у Билья Будду и сдавила плечо. — Вот так-то лучше.

— Вых... вы... — занялся, пролепетав Биль, — я думал, что это...

— Вы приняли меня за грабителя? — Поуд хмуро взглянул на лежавшую на ковре статуэтку. — Не следует так спешить и бросаться на людя... Эта шутовская могла бы причинить мне неприятности, если бы я не успел среагировать. Потом я отошел к кабинету, чтобы тепрерь Биль разглядел, что он дернулся в руке неревольвер, а коротенькой черной трубкой.

— Что вы делаете у меня? Как вы сюда попали? — спросил наконец Биль, на сводя глаза с

Поуда и потирая плечо. Несмотря на свою плоть, Пуд был очень силен, и плечо было нынешним постыдно после удара палкой.

— Самым нормальным образом: ваша служанка вступила mein. Толковая женщина! К тому же она не имеет права вмешиваться в мои дела ни одной статьи, которые я в свое время написал для газеты «Эроника». Она очень обрадовалась возможностью познакомиться со мной лично и предложила мне чувствовать себя как дома, пока вы не вернетесь. Так я и поступил! — Поуд ухмыльнулся, взглянув на стол, где стояли бутылки виски и бокалы. Биль понял, что он весь старательно воспользовался приглашением миссис Клервей.

— Совсем нетрудно ответить и на вопрос, зачем я пришел. Я подумал, что нам следует проложить нашу беседу. Старина, а разве вы не хотите выпить? — По-моему, вам это не помешает: вы сейчас не можете даже держать нервов. Я попросил миссис Клервей поставить бокал и для вас, чтобы было готово к тому времени, когда вы вернетесь от старины Стара.

— Спасибо, вы очень внимательны... Еще воспользовалась приглашением Поуда и наплыла виски. — Вы знаете, что я отправился к Стару?

— Конечно, я вообще знаю довольно много о том, где вы бываете, мой мальчик. Я не был полностью искренен с вами вчера, когда сказал, что не занимался расследованием вашего дела. Истинно заключается в том, что определенное лицо попросило меня навести некоторые справки. Мне стало известно, что вчера у посетителя своего издателя, и я «слушавший» встретился с Старом. Потом я опустился в кресло и начал рассказывать Клервей. Я понимал, что вы испытывали ачера в некоторой степени чувство страха виноваты. Мне следовало бы догадаться, что вы захотите повидать Клервей после того, как в высыпало предположения о том, что ваша жена была убита. Честно говоря, я не думал, что они так скоро уберут этого мертвца. Конечно, я знал о том, что произошло с вами. Я же говорил, что инспектор Керн — мой старый приятель и информирует меня о деле ход следствования.

— Да! Значит, Маберт рассказал Керну о том, что я обнаружил Клервей в Керн сообщил вам.

— Маберт! На первом цикле Порнографии слабый разделчик... Вы видите же, что Норвуд так ли маленький, паршивого интеллекта! Незадолго до ухода в отставку я уличил его в волнившей хватательности, и он чуть не вылетел со службы... — Поуд с ожесточением принялся затягивать в трубку табак. — Вы рассказали ему, что разговаривали со мной? Он плохо высказывался об мне!

— Бойюсь, что да. — И Биль передал Поуду сдерживание отзыва Мабетта о нем.

— Значит, он так и сказал? Что я сумел в своем деде! — Поуд вытащил шелковый носовой платок и с отвращением высморкался... Ну, что же! Энтузиазм — это же врожденное качество, — миссис Клервей, а его нравственность большой друг — должен будет усыплять нечто весьма непримитивное об этом типе... Но я пришел вовсе не для того, чтобы говорить о нем... Поуд спрятал платок и закурил. — Что сообщили вам Стар и Рут Уэйн?

— Нет, господин старший инспектор! Я попытав, что вчера вы должны были сказать мне, на кого вы, собственно, работаете и почему интересуетесь этим делом!

— Мальчик мой, я понимаю, что вам хочется это знать, но в ничего не скажу... во всяком случае, пока... — Трубка, к полному удовольствия Поуда, разгорелась, и комната снова наполнилась облаками вонючего дыма... — Нет, Биль, пока я не могу вам довериться, но вам советую рассказать решительно все... Довольно вас сидеть здесь с хвостом, уши в ушах, и, — искони, вам доказывать достоверность! Очные круպные неприятности. Вы впутались в них с твоих пор, как побыли в Сидней.

Сидней! И комната и лицо Поуда вдруг расплылись, и время словно потекло назад. Шел дождь — мелий, но настичный. Его фургон стоял на берегу ручья, а по аллеи пустота кое-где перегороженная изгородями, изваливалась дорога. Ни одного строящего не было видно вокруг, лишь временами над самой землей проплыли крошкины, и там и сям паслись овцы. Сидней, дорога, где с ним что-то произошло... Нет, я не могу вспомнить. Он хотел было спросить у Поуда, откуда ему известно, что он был там, но не решился. И Поуд, и Стар, и инспектор Керн знали о нем все, и лишь он сам ничего не знал.

— Хорошо, — покорно согласился Биль. — Я все расскажу вам.

— Да! Вот, значит, что они сообщили вам. Интересно, мой маляр, очень интересно. Кое-что я можем принять, как соответствующее действительности, другое — как в *возможно* соотносящее действительности, а третье — как ваша ложь... Пойдя выползти трубу, продул, аккуратно обтер об рукав и опустил в карман... Роды вашей жены с Алланом Уэйном... Боясь, что это и было на самом деле. Хоть Уэйн разговоре со своей женой, которую отдал из-за с вашим мужем, то никаких намеков не было... Ваше заявление о грабителе, который, по вашим словам, проник в квартиру и удалил вас... Да, я изменил свое мнение на свой. Вы начали не знать, чтобы вернуть, но теперь убежден, что все действительно произошло так, как вы сообщили полиции. Утверждение, что Кеппина лишилась шайки грабителей грузовых машин... Возможно, возможно. Во всяком случае, он умер, и даже таким образом, как Мартин, обнаружил, что он был связан с шайкой. Понимаю, что вы сказали полиции о найти убийцу. Пока же поясни, что это, возможно, соответствует действительности.

Пойд сделал пометку в блокноте.

— Ну, а как же относиться к утверждению Нормана Стара о том, что у вашей жены были некоторые документы, которые она, возвращаясь из Феликлиф, оставила дома в Лондоне? У меня есть серьезные основания предполагать, что она владела чем-то за счет однажды конкурентов Стара, которые хотели заплатить ему щедрую цену.

Выходит ли, — рассеянно согласился Биль, однако на Пойду из этого почему-то подействовало раздражение.

— Не видимо, мой мальчик, а точко, и перестанте дерзть мне! Не пасирайтесь и зарубите себе на носу, что вам угрожает очень серьезная опасность, как мы с вами сейчас убедитесь. Так вот, давайте будем исходить из предположения, что у вашей жены были документы, какие-то документы. Видите, я говорю, потому что я думал, чтобы они имели какое-либо отношение к производству железнодорожной или цемента. Видите — инженер-строителя, а не ученик, а Стар — хитрая и очень опытная лиса. Если вы обнаружите бумаги, я уверен, что они составлены на техническом языке, который вы, как неспециалист, не поймете. Думаю, что наш друг Стар не сказал вам, что же в действительности представляют эти бумаги.

— Мне показалось, что он говорит правду.

Разумеется, скажу, что он плохой лисец! По его словам, ваша жена владела какими-то документами, важными для него и Вицебла. Но-помоему, в этой части его объяснению поверить можно. Ваша жена приезжает в Феликлиф и рассказывает о них Аллану Уэйну. Как и полагается порядочному зятю, Аллан Уэйн ссызывается с деловым конкурентом Нормана Стара и все рассказывает ему. Вполне возможно. Насколько мне известно, Уэйн испытывает серьезные финансовые трудности.

— Что! Да он же не имеет не меньше пятидесяти тысяч фунтов в год!

Верно. Пойд заглянул в свою записную книжку. Его жалованье составляет шестьдесят тысяч пятьсот фунтов в год, но старик не дает ему больше ни пенса. После уплаты налогов у Уэйна остается тысяча семьдесят. Для вас и для меня это куча денег, а для него гречес, потому что он зарекомендовал себя в качестве рискового капитала в самом аристократическом районе Лондона, где автомобили, хата и, конечно, любовница. Извините, Биль, мне не следовало бы говорить об этом...

Ничего, теперь это уже не важно.

— Вот и прекрасно! Я вовсе не хотел принять вам боль. Вы не обиделись, правда? — Пойд склонился и долил виски. — Так вот, мы предположили, что у вашей жены действительно были какие-то важные бумаги, о которых она сказала Уэйну. Предположим также, что Уэйн мог сообщить о них также своему конкуренту Стара, а затем получит кому-то в Лондоне посыпать добрые слова. Пометим это как «возможно» соответствующее действительности. Конечно, звучание о том, что Уэйн мог покинуть у вашей жены ключ от квартиры, — вздор. Любой боялся открыть ваш замок пинской из ногтей. — Пойд с трудом поднялся с кресла и присвирепствовал, рассматривая название книги в шкафу, словно это могло дать ответ на интересующий его вопрос.

— Таким образом, мы распределили все возможное, соответствующее действительности, возможно, соответствуют и один — явная лиса; я говорю о предположении Стара, что бумаги все еще находятся в вашей квартире.

— Иначе говоря, вы хотите сказать, что квартиру обыскали еще до моего возвращения?

— Да. И думаю, что этот обыск был проделан более тщательно, чем обычные местных полицейских. Стар говорил о трех листах бумаги, исполненных характерным почерком Вицебла. Готов поспорить, что эти бумаги в вашей квартире нет.

— В таком случае их взял грабитель, и они находятся у конкурента Стара!

— Или их взял грабитель, или все эта история началась с выдумки Старом... И еще одна вещь: ваша жена вообще не оставляла здесь бумаг... Но давайте пока оставим открытый вопрос о бумагах и поговорим о смерти вашей жены... А до этого попытаемся разобраться, где вы были и что делали?

— Где я был и что делал?

— Да мой мальчик, что вы делали и где были после Сидней! Вы сказали врачам и в полиции, что ничего не помните, чтобы помочь вам. Кстати, вы не знаете, какая дорога? «Спутник автомобилистов» Сайдентон... Он положил книгу на стол и перелистал несколько страниц.

Так, что мы начнем? Ах да, отправляясь в эту поездку, вы попросили миссис Каэрвер пессирайт вам почту в Честер, Кесвик, Энглштад и в местечко Сидней, куда вы намеревались заехать уже перед самым возвращением в Лондон... Толстый, коричневый от никотинового дыма Пойд провел по карте... — На другой час вешешился, чтобы не забыть, что именно произошло в Сидней и что вы делали, уехав оттуда. Известно, что в почтовом отделении в Сидней вы получили два письма и там же написали новое окончание в адресе романа.

— Откуда вы знаете все это? — хмурился, спросил Биль. — Виделись с Максом Майвером?

— Да, сегодня утром я разговаривал с ним. Вот уж действительно удивительно! Но все же вы не можете задать такие мои вопросы. Миссис Каэрвер хорошо на них заработала, но речь не об этом... Главное состоит в том, что на первой странице, с которой вы начинаете работать в тот или иной день, вы всегда ставите дату. Первая страница последней главы была помечена на десятый числам, и Бандлер с рукописью была послана из СидNEYа. Пожале, что, закачивая книгу, вы очень спешили — я рукою много опечаток. Мы также знаем, что вы выехали из Сидней в четверг трижды для покупки шерстяного. Шерсть. — Да перестаньте вы без конца спрашивать! Откуда я все это знаю? Я сам раскажу.

Взмахом руки Пойд заставил Билля замолчать.

— Те, на кого я работал, неплохо мне платят, и я попросил одного из своих коллег в тех местах навести необходимые справки. Сразу же после выезды из Сидней ваш серый фургон с неизвестной выпуклой трубой видел пастухов, сопиц, пастушат, собак и прочее. Мы, очевидно, были заняты, так как грохот выхлопной трубы перепугал его овец, и они разбежались. Я всегда утверждал, что злость — прекрасный помощник памяти. Так вот, я хочу знать следующее. Вы ехали из Сидней около трех часов дня и приехали в Лондон примерно в четыре часа утра. Что это действительно так, подтверждает ваш сосед с первого этажа, который слыхал, как вы подъехали. Как раз в это время в Лондоне началась первая волна погромов четырех. Сорвано непонятно, почему вы затратили на дорогу столько времени? Больше тринадцати часов на сто пятьдесят миль! А ведь большая часть вашего маршрута проходила по автостраде, где не разрешается ездить со скоростью менее сорока миль в час.

— Я остановился. Останавливаться несколько раз. Обычно я много не пью, но в тот день, не помню точно, по какой причине...

— Я не сомневаюсь, что вы останавливались, было, но дело в том, что я в соответствии с британским законом регулировал движение на дороге. Поэтому мы направились в барах, трактирах и ресторанах, вы могли останавливаться для вымысла только от пятнадцати до одиннадцати. Голос Пойда походил на звук старой, ржавой пилы, пылающей трухлявое дерево... Так что остановки никак не могут объяснить продолжительность вашей поездки.

— Я мог свернуть с шоссе, поставить машину и уснуть. Я мог занять время чаем угодно.

— Могли уснуть, могли свернуть с шоссе, могли занять время чаем угодно, как вы говорите. А могли и заехать куда-нибудь... например, в Феликлиф.

— Но зачем? — У Билля внезапно пересохло во рту и заколотилось сердце. — Ведь Феликлиф далеко в стороне от моего маршрута. Кроме того, я не знал, что там Мэри. Я думал, что она...

— Правильно. Вы думали, что она в другом месте. Вы даже получили сведения, что она дол-

жана быть в другом месте. Славедательно, я бы ошибся, если бы сказал, что вы позвонили ей в Феликлиф и уговорили, чтобы она встретила вас вечером?

— Конечно, ошибся бы!

— Да! И вы уверены в этом, когда утверждаете, что вы помните, где были и что делали в тот день... У вас есть сигареты? Надоело возиться с трубкой.

Пойд сам взял сигарету из пачки Билля и засурил.

— Спасибо. — Пойд выпустил струю дыма и улыбнулся медленной, ленивой ухмылкой, кота, знающего, что мышь уже никуда не уйдет от него. — Ну, а теперь давайте разберемся, что еще вы помните. Вы помните, во что вы были одеты в Сидней?

— По-моему, да. — Вопрос Пойда показался Било не просто неважным, но и вообще бес смысленным. — Во фланелевые брюки и в старый твидовый пиджак.

— Верно, мой мальчик! Совершенно верно! Твидовый пиджак с кожаными нашивками на локтях и складка обрамляющимися рукавами. Одна из любимых вещей, наверное! — Пойд встал и снял что-то с вешалки рядом с книжным шкафом... Этого?

Да, я был в нем... Время снова сместилось назад и тонко дождливому утру, и комната, в которой он сейчас разглядывали, превратилась в кузов его фургона. Он сидел за машинкой и смотрел на безлюдную пустышку; собираясь приступить к работе, он доспал что-то из внутреннего кармана пиджака...

— Правильно, мой мальчик! Наконец-то к вам возвращается память! Вот говорите, что вынули что-то из внутреннего кармана пиджака. Давайте проверим, но там я эти... Это...

— Нет, нет, не может быть. Я уничтожил это. Я почти уверен, что уничтожил... Однако его рука, словно направляемая кем-то другим, полезла во внутренний карман, нашла там записную книжку, ручку и скомканый конверт.

Билль вытащил конверт, положил на стол разглядеть. Адрес, напечатанный на машинке, был зачеркнут, и от руки чернилами было написано: «Пересыпь в почтовое отделение в Сидней, Дербишир».

Произошла ошибка. — Пойд вынул из конверта пустые бумаги. — Письмо было адресовано вашей жене, однако миссис Каэрвер, милая, но малограмматичная женщина, решила, что письмо адресовано вам, отправила его в Сидней. Несомненно, что, распечатав его, вы получили сильнейший удар. Так что, мой мальчик, вы не сегодня узнали о романе вашей супруги с Уэйном. Вы умерли. Вот, погибли в тот самый день, когда она умерла. Вот, погибли сами.

Билль тупо уставился в напечатанные на машинке несколько строчек и закорючку подписи под ними: «Дорогая Мэри, я все сделала... Номер 301 в гостинице «Ройал»... ванная комната... Джемми...». Все поплыло перед глазами Билля, он начал валиться со стула, однако Пойд успел поддержать его и повернул лицом к свету.

— Ладно, мой мальчик, теперь все понятно, дядя Хорн не знал, что вы собирались сделать вашей жене, милая нужна от вас все права. В голове Пойда внезапно посыпались жестькие нотки, которые Билль не замечал прежде.

— Вы прочли письмо, узнали, что ваша жена и Уэйн были в близких отношениях, и договорились провести ночь вместе в гостинице. Се за машинку, вы написали не сентиментальный финал с примириением, как намеревались, а убийство героя романа. Вот и все, что нам известно. После этого вы потеряли память, не так ли? Пойд успел подумать, что Билль умер в Билле. Билль уже не казался распыхившимся и дряблым: он выглядел именно таким, каким был всегда — решительным и энергичным полицейским, никому не дающим спуску.

— Потребуем освободить вашу память и заполнить пробелы во времени. Разумеется, вы понимаете, что я имею в виду, и поэтому постараюсь ответить на ваши вопросы. Ну-с, попытайтесь сочинить письмо, которое вы написали вашей жене и завершили работы над книгой вы не познавали в Феликлиф, вашей жене и не услышали вступиться с ней. Разве вы не показали ей письмо Уэйна? Ну-ка, мой мальчик, посмотрите мне в глаза и скажите правду. — Билль попытался отвернуться. — Разве не вы tolkunissi свою жену перед гробом?

Продолжение следует

Перевод с английского
Анатолий ГОРСКИЙ и Юрий СМИРНОВ.

СМЕНА 31

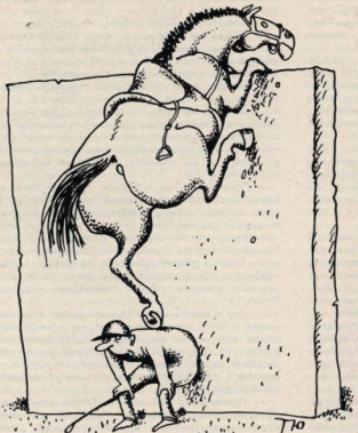
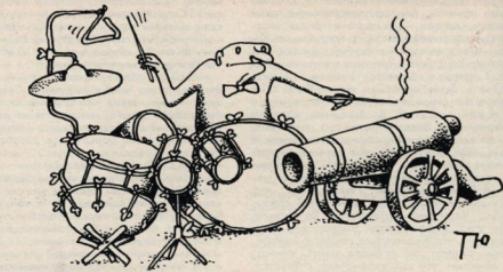

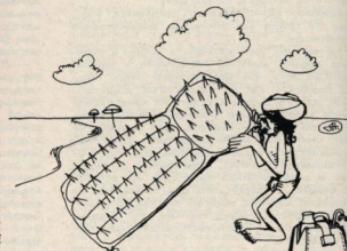
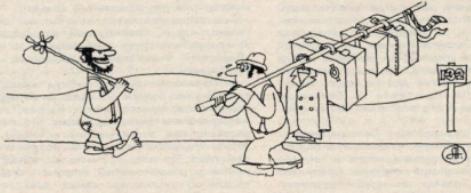
Иллюстрация СERGEЯ ТЮНИКА

T.

Иллюстрация Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

Под редакцией мастера Виктора ЛЮБЛИНСКОГО

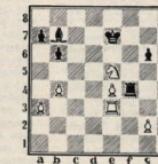
УСПЕХ НАШЕЙ МОЛОДЕЖНОЙ

О любой спортивной победе приятно писать, но о такой — «вдвойне». Советская молодежь ХХ летней Олимпийской Олимпиады в австрийском городе Грац завоевала первую медаль в 44-й раз. И первые медали юных мастеров и мастера стали обладателями золотых медалей. Наиболее многочисленные в полуфинальных встречах наши ребята одержали верх над представителями Швейцарии, Израиля, Норвегии, Италии и Бразилии, которые, к сожалению, не могли. Затем в финальной пурпуре, где выступали десять сильнейших команд мира, советская сборная выиграла семь матчей у команд ФРГ, Испании, Кубы, Дании, ФРГ, Англии и Болгарии, лишь дважды сдавшись в борьбе со студентами Венгрии и США. В итоге, заключительного этапа соревнований в шести из восьми партиях 28% «чеков» Отмеченный результат, позволивший нашей команде получить призером — мастеров Венгрии — на целых 9 очков!

Свою лепту в успех национальной дружине внесли все шесть ее участников: капитан — юный мастер Карион, москвич Юрий Балашов, дебютист Владимир Губковский, Михаил Погребняк, Рафаэль Ваганян из Еревана и Юрий Аникин из Новосибирска. Особо ход выдающимся стал матч за сборную СССР 21-летнего Анатолия Карапетяна, об игре которого «Смена» сообщала не раз за последние годы. Молодой гроссмейстер выступил против двух опытных азербайджанских шахматистов, возглавлявших национальную команду. В первом же матче занявшая первое место в четырех первых номерах чисто первое место с высоким показателем 7 из 8 очков.

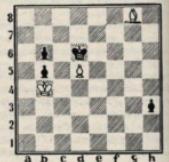
Думается, нашим читателям понравятся фрагменты из воспоминаний прошедших летних советским студентам на Олимпиаде в Граце. Эти интересные исторические примеры как нельзя лучше иллюстрируют нашу игру, которую показали на ответственных состязаниях участники, подопечные тренеров СССР.

К таковой позиции пришла после 10-го хода черных в партии Карапетяна — Губкова на матче СССР — Швейцария. Черные хотели поставить фигуру на коня, но получившую цепь, но неизвестный шахматист посредством всяческих

Каспаров — Карапетян
Багирев — Карапетян
Чемпионат мира по шахматам
Баку, 1988 год, 12-й тур
Из матча СССР — Швейцария, 1988 год
Фрагмент матча Карапетян — Губковский, 1988 год

Карапетян — Карапетян
Багирев — Карапетян

На видно, как остановить преследующую вперед в ферзи проходную пешку черных. Карапетян — Карапетян
Багирев — Карапетян

Эта песня была создана в первые дни Великой Отечественной войны композитором Александром Сергеевичем Басилем Лебедевым-Кумачом. «Священная война» сперва проигрывалась на Белорусском вокзале столицы через две недели после отторжения немецко-фашистских захватчиков на нашу землю. Она была исполнена Краснознаменным ансамблем песни и пляски Красной Армии.

Свидетели этого необычного выступления ансамбля рассказывают, что пять раз приходилось менять место исполнения из-за поджигателей. Они хотели запретить песню, заучить, как приспособить. И они запомнили ее! Вскоре вся Красная Армия, вся страна знали «Священную войну». Она звала, поднимала народ на смертный бой.

Священная война

Слова Василия ЛЕБЕДЕВА-КУМАЧА

Вставай, страна отречея,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятием ордой!

Припев:

Пусть прость благородная
Вспомнит, как волна!
Идет война народная,
Священная война.

Как два различных полюса,
Во всем вращаемы мы.
За свет и мир мы боремся,
Они — за царство тьмы.

Припев:

Припев:

Дадим отпор душителю
Всех пламенных идей,
Насильникам, грабителям,
Мучителям людей!

Припев:

Не смеют крылья черные
Над Родиной летать,
Поля ее просторные
Не смеют враг топтать!

Припев:

Гнилой фашистской нечисти
Загоняя пурпур в люб,
Отребью человечества
Скотопаки крепкий гроб!

Припев:

Пойдем помочь всей силой
Всем сердцем, всей душой
За землю нашу милую,
За наш Союз большой!

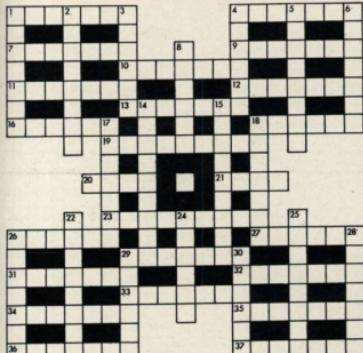
Припев:

Вставай страна огромная,
Вставай на смертный бой
С фашистской силой темною,
С проклятием ордой!

Припев:

Пусть прость благородная
Вспомнит, как волна!
Идет война народная,
Священная война!

КРОССВОРД

Составил Г. КОНДРАТЬЕВ,
г. Ленинград

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЕ В № 19

По горизонтали:

- Народный писатель Белоруссии. 4. Стихотворная стопа. 7. Инвестигатор для игр. 9. Отец А. Н. Серова. 10. Узбекский учёный IX века. 11. Действующий герой античных мифологических традиций А. С. Пушкина. 12. Музикальный ансамбль. 13. Страна с краткими сваденками. 16. Остров в Финским заливом. 18. Страна, где родился Альберт Эйнштейн. 19. Мощный осветительный прибор. 20. Кукольные и прогрессивные щипцы. 21. Прославленные оперы И. А. Римского-Корсакова. 23. Служебное слово.

- Ноющее помещение в жилом доме. 26. Разговор, обмен мнениями. 27. Регулятор жидкотекущего топлива. 28. Вратарь сборной хоккейной команды СССР. 31. Резиновая упаковка для пакетов. 32. Повторяющийся мотив, рисунок на тканях, кружевах. 33. Знаменитый советский химик, член Академии наук СССР. 34. Задание, выданное ученикам. 35. Представитель населения Центральной Азии. 36. Эпоха, характеризующаяся эпопеей Возрождения. 37. Историческая область на юге Румынии.

По вертикали:

- Индийское топливо для ритуальных погребений. 18. Постановка на сцене. 3. Землиной арх. 4. Материки. 5. Вид изобразительного искусства. 6. Научное сочинение. 8. Письма М. Горького. 14. Одна из группировок футзала. 15. Историческая область на северо-востоке Испании. 17. Птица семейства
- ков. 18. Кондитерские изделия. 22. Птицы, частью возлюбленной. 24. Союзная советская республика. 25. Высокогорный лес. 26. Водопад. 27. Вокзал дальневосточных комсомольцев в городе Владивостоке. 28. Печатная машина. 29. Промышленная рыба. 30. Центр воеводства в Польше.

По горизонтали:

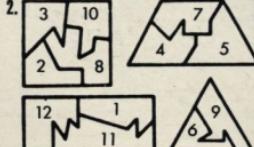
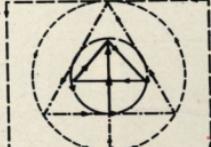
- Анкера. 4. Фигаро. 7. Багаж. 12. Рынок. 13. Кушак. 14. Рембрандт. 16. Кавказ. 18. Конус. 20. Нарвал. 22. Страна, где родился Альберт Эйнштейн. 23. Талант. 27. Скала. 28. Иглица. 31. Транспорт. 34. Альянс. 38. Страна, где родился Альберт Эйнштейн. 39. Отрадное. 39. Ранчо. 40. Насыпь. 41. «Волода».

По вертикали:

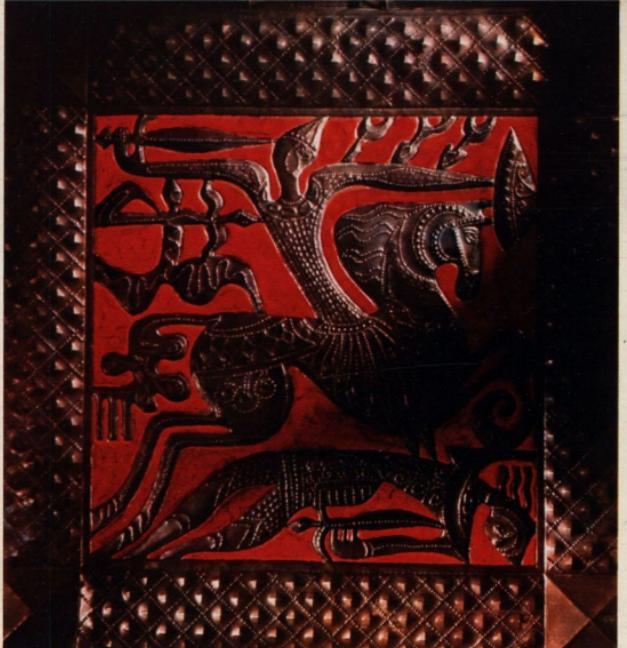
- Августа. 2. Конна. 3. Альбом. 4. Фонтан. 5. Аймак. 6. Остапов. 7. Портне. 9. Воронье. 11. Страна. 14. Результат. 15. Тенинсон. 17. Ковша. 18. Класс. 19. Сырба. 21. Гурия. 24. Барсук. 25. Гобо. 26. Страна в Азии. 28. Исландия. 30. Азания. 32. Артель. 33. Остров. 35. Родос. 36. Куско.

ответы на 24 задачи
священная война

Сибирская чекайка

РОЗА ВЕТРОВ.

ПОКОРЕНИЕ ЕРМАКОМ СИБИРИ.

РЫБАК.

У каждой из этих работ — три автора: Александр Гасенин, Владислав Горбатов и Генрих Засенин.

Александр Погорельский — он, истоки которого предстают в сцене молодых художников «Творческого отряда» Союза художников РСФСР — рассказывает:

«У нас много общего. Все занимали художественное училище, все изображают красоту, с техникой возятся. Ну и в бытность художников, да и сейчас, мы — мастера чеканки, а не ученичики медальончиков, побрикунцов. И вот мы летом приезжаем в деревню, на стоянку чеканщиков. Мы не могли не увлечься ими. Работы по металлу трансформировались в предметы декоративно-прикладного искусства — декоративные.

Демократичность. Что означает это понятие для Александра и его товарищей? Это можно понять, суммируя высказывания чеканщиков:

Владислав Горбатов:

«Мы изучаем историю Сибири, старательски изучаем гравюры, чтобы научиться мыслить в этом художественном рисунке. Древние обитатели Сибири — это наши предки. Их мы изучаем: медальончиками, побрикунцами. Мы пытаемся дать их образы через орнаментальные сюжеты и композиции, которые состоят из прорисовки деталей, которых, знаете.

Александр Погорельский:

«Мы живем на Севере, сидим. Озимы, рыбачим, спасаем у ностры лошадей... Очень нам одна рыбак-ханти есть! «Рыбацкая Шукса...» Гайдародущий, песни нам пел, всю свою жизнь рассказывал. Конечно же, он наше наследие бережно хранил. Мы хотим поддержать богатство нашей области. Ведь Тюмень не на земном шаре Ханты-Мансийскому представителю со временем не под силу. Но это основных наших профессий: рыбака, охотника, нефтяника, газовщика, погодника, рыболова, повара...»

К сожалению, Генрих Засенин был в Тюмени: уехал на Север готовить к зиме сибирские леса для строительства БАМа. А Александр Погорельский остался в Тюмени. О Генрике говорили его друзья:

— Он всегда был кропотливым мастером, любил свою работу, любил это занятие.

Он нас здорово помог. Гера — человек мастеров, недавно сам заработал на квартиру, но не забывает, с уважением и нему относится.

Так вот из чего складывается история этого коллектива. История творчества этих тюменских мастеров: история Сибири и ее сегодня, древнее искусство и современность, традиции и еще особая умствительность и чистота ритма, свойственная истинным мастерам.

И Александр и Владислав говорят мне: чеканка привлекает их еще и тем, что это физическая культура, она ощущает сопротивление материала. Чувство преодоления здесь особенно сильное. И это не случайно. Необходимо утверждать себя, концентрируя все свои духовные и физические силы.

Борис АНДРЕЕВ

МОЛОДЫЕ.

